

к 1436457

oc

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**

ВОЛОГДА
2006

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**

ВОЛОГДА
«РУСЬ»
2006

Составитель сборника научных статей – профессор *Л. Г. Яцкевич*

Научный редактор – профессор *Г. В. Судаков*

Рецензент – доцент *В. В. Силаев*

Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи: Сб. статей / Научн. ред. Г. В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2006. – 198 с. – ISBN 5-87822-301-5

Сборник содержит статьи по актуальным вопросам функциональной грамматики и словообразования. Рассматриваются функциональная и словообразовательная категории модальности имён существительных, стилистическая категория диалогичности в церковно-проповедническом и публицистическом стилях, история формирования концептуального содержания морфологических терминов. Особые разделы сборника посвящены историческому и диалектному словообразованию русского языка. В них публикуются статьи по истории корневых гнёзд, способов и типов словообразования, а также статьи, посвящённые исследованию особенностей морфемики и словообразования вологодских говоров.

СОДЕРЖАНИЕ

Словообразовательные, грамматические и функциональные категории в современном русском языке

Смольников С. Н. Модальные отношения в антронимии.....	5
Яцкевич Л. Г. Функциональная категория модальности имён существительных: когнитивные и типологические аспекты	20
Кудрявцева И. Г. Мутационное словообразование имен существительных с модальными префиксами в математической терминологии.....	39
Илатова С. Н. О диалогичности в текстах церковно-проповеднического стиля	48
Громыко С. А. Диалогичность как функциональная категория парламентской полемики	61
Соколова Т. И. Особенности концептуального содержания терминов грамматических категорий глагола в «Пространной русской грамматике» Н. И. Гречи	71
Новичкова С. А. Словообразовательные гнёзда с вершинами Жена и Муж в современном русском языке	81
Федотова Н. С. Идеографическая классификация приставочных глаголов	87

Историческое словообразование русского языка

Аркадьев Т. Г. Семантические факторы разрушения словообразовательного гнезда	93
Иванова Е. Н. К истории становления словообразовательного типа топонимов на -ово, -ино в русском языке (на материале памятников письменности Белозерья конца XIV–XV в.)	102
Голиков Л. М. Деривационные процессы в терминосистеме специального подъязыка уголовного права XVIII в.	106
Рыбакова И. Ю. Способы глагольного действия и грамматическая категория вида в структуре исторического корневого гнезда глагола брать	113
Рычкова И. А. Становление словообразовательно характеризованных способов глагольного действия и категории вида в историческом корневом гнезде глагола вить	134

Колесова И. Е. Развитие словообразовательно характеризованных способов глагольного действия и категории вида в историческом корневом гнезде глагола <i>лити</i>	138
---	-----

Диалектное словообразование русского языка

Зорина Л. Ю. Трепало, трепальце, трепаленка (к вопросу о функционировании лексем корневого гнезда в вологодских народах говорах)	145
Кознёва Л. М. Неизменяемые прилагательные в вологодских говорах и их лексикографическое представление	156
Шаброва Е. Н. Морфемная структура диалектного глагола и проблемы лингвогеографии.....	164
Яцкевич Л. Г. Мутационные словообразовательные типы отсубстантивных суффиксальных имён существительных в вологодских говорах	170
Кириллова Е. А. Сложные слова с первоэлементом <i>сам-</i> / <i>само-</i> в современных вологодских говорах.....	185
Смирнова И. В. Особенности словообразовательной синонимии имён прилагательных в вологодских говорах	190

Словообразовательные, грамматические и функциональные категории в современном русском языке

C. H. Смольников

МОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АНТРОПОНИМИИ

Традиционным для языкознания, начиная с работ Ф. де Соссюра, является противопоставление внутренней и внешней лингвистики. Н. И. Толстой справедливо отмечал, что бинарная оппозиция внутреннего и внешнего по отношению к языку не является безусловной. Внешняя лингвистика имеет дело, по крайней мере, с двумя различными областями: экстралингвистической (внезыковой) и экстернолингвистической (внешнезыковой). Экстернолингвистические факторы, определяющие языковую норму и речевое функционирование слов, тесно взаимосвязаны с внутренней структурой, обуславливают ее изменение [Толстой 1997: 225–226].

Лингвистический структурализм основное внимание сосредоточивал на внутренней структурно-семантической организации языка, максимально абстрагированного от его носителя, нередко исчерпывая внешний план слова только описанием соотношения означаемого и означающего и оставляя в стороне изучение других экстернолингвистических сторон языка. Этим во многом объясняется тот факт, что многие принципиально важные для понимания природы слова вопросы до сих пор обозначены только в самых общих чертах и не решены однозначно. Среди них вопрос о модальности имени. По мнению основателей семиотики [Ч. С. Пирс, Ч. У. Моррис], семиозис в языке не исчерпывается только соотношением обозначаемого и обозначающего и обязательно включает в себя третий компонент знака – «интерпретанту», определяющую прагматику словесной единицы, ориентированную как на говорящего, так и на адресата. С внешним (семиотическим) ореолом слова связаны различные понятия, которые в лингвистике называют при помощи разных терминов: «интерпретанта» [Ч. С. Пирс], «лексическая модальность», «модальная рамка слова» [А. Вежбицкая, Ю. Д. Апресян, Л. А. Новиков], «аксиологическая модальность» [Е. М. Вольф], «рационально-оценочный модус» [В. Н. Телия]. Сюда же следует отнести функционально-стилистическую окрашенность, нормативную оценку и рефлексию носителей языка, а также совокупность прагматических характеристик слова («сценариев», «фреймов». «фреймовых упаковок слова», «имплекатур дискурса»).

Внешнее и внутреннее в формировании лексической модальности очень тесно взаимосвязаны. Оценочные субъективные модусы закрепляются в лексиконе в виде особых компонентов значения: «лексикон стремится в силу своей кумулятивной функции вобрать в значение все, что может быть оценено в форме *de dicto*, преобразовав это в форму модальности *de re*» [Телия 1996: 179].

Прагматическая пресуппозиция говорящего не только корректирует употребление слова в том или ином значении, но и определяет прагматическую составляющую семантического наполнения номинативной единицы. Под модальной рамкой («прагматикой») значения предлагаются понимать имплицитные элементы смысла, содержащие оценку говорящим, слушающим, сторонним наблюдателем [Апресян 1995: 68] – «субъект считает, что...».

Модус, или точка зрения, на именуемый предмет может находить отражение во внутренней форме слова и связываться с признаком номинации, отражающим ту или иную характеристику предмета в восприятии человека. «Производное слово при таком подходе оказывается, по сути дела, маленькой моделью представления знаний о мире как сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком» [Вендина 2002: 11]. В научной литературе предлагается применение понятия *модальность* к лексическому значению, отражающему различные *модусы* восприятия предмета (зрительное, слуховое, осязательное, болевое и др.). В связи с этим описываются визуальные, аудиальные и кинестетические *модальности*, отражающиеся в языковых номинациях и образных средствах – аудиальные, визуальные, кинестетические метафоры [Лебедева 1999].

Модусы наименования могут быть как имплицитными, так и эксплицированными. В ряде случаев модусы, связанные со словом, эксплицируются в его структуре. Модальная семантика слова может быть обусловлена значением составляющих слово морфем. На историческом материале лексические модальности рассматривала С. С. Ваулина, которая отмечала продуктивность данного подхода к описанию различных семантических группировок (лексико-грамматических полей, функционально-семантических полей, функционально-семантических подсистем). Разновидность подобных групп в лексике – межчастеречевые лексико-семантические поля, включающие слова разных частей речи, соотносимых по значению (*подобати* – *подобно* – *подоба*; *трѣбъ* – *потрѣбъ*) [Ваулина 1988: 21–22]. С подобных позиций описываются модальные семы в структуре словообразовательных значений, выражаемых аффиксами (*не-*, *без-*, *полу-*, *псевдо-*, *квази-*, *анти-*, *лже-* и др.) [Яцкевич 2002: 128–129].

Вслед за А. Вежбицкой, многие исследователи отмечают, что модальная рамка слова («говорящий считает, что...») наиболее ярко об-

наруживается в случае вторичной номинации, связанной с формированием переносных значений, в том числе и образных, выражающих экспрессивную оценку. Вторичная номинация, предполагающая переосмысление существующей языковой единицы, сообщение ей новых функций, нередко обнаруживает рационально-оценочный модус, связанный с денотативным аспектом значения слова [Телия 1996: 197]. Так, например, слово *саложник* в современном русском языке имеет прямое и переносное значения: 1. Мастер по шитью и починке обуви. 2. О том, кто плохо, неумело работает (прост.) (СО, 569). Очевидно, что переносное (вторичное) значение отрицает денотат первого значения: *саложник* (2) не шьет сапоги, это мнимый *саложник* (1). Однако развитие экспрессивной оценки определяется не изменением денотата (быть сапожником, шить сапоги – не значит хорошо или плохо работать), а актуализацией потенциальных компонентов значения. Характеристика модальной рамки значения выявляет этап развития переносного значения, не фиксируемый словарями: *саложник* – ‘ремесленник, занимающийся кустарным трудом’ («говорящий считает, что заниматься кустарным трудом – это плохо», следовательно, «быть сапожником – плохо»). Ср.: *Кустарный*. 1. Производимый или относящийся к производству домашним, ручным, не фабричным способом. 2. перен. Несовершенный, примитивный. – *Кустарница* (разг. пренебр.). То, что делается кустарно, без современных технических приемов, неумело, несовершенно, неорганизованно (СО, 254). Таким образом, оценочные модусы одновременно, но по-разному затрагивают денотативное и сигнификативное содержание слова. Лексическая модальность является важным оператором при интерпретации слова.

Вместе с тем, помимо внутренних (внутрисловных) модусов, следует вести речь и о внешних модусах слова (внешней субъектной оценке слова как лексической единицы, его отношения к норме, коммуникативной ситуации и т.д.). Так, слово *саложник* в переносном значении, по мнению носителей языка, должно быть ограничено в употреблении как просторечное (СО, 569). Его применение к конкретному лицу в официальной или публичной речи будет расцениваться как нарушение коммуникативных, этических и стилистических норм.

Таким образом, модусы могут входить во внутреннюю структуру знака как компоненты значения, внутренняя форма или номинативный признак, а также отражаться внешними характеристиками, определяемыми презумпциями слова, его закрепленностью за типовыми контекстами и консультациями употребления, экстралингвистическими параметрами конкретного коммуникативного события, инвенциями коммуникантов, фондом их знаний (компетенцией). Идущие от носителя языка модальные оценки пронизывают лексикон извне и изнутри.

Среди вторичных номинативных систем особое место в языке занимают имена собственные, возникающие как особые наименования для того, что уже имеет языковые обозначения. ИС вторичны и с генетической точки зрения. Например, календарные имена *Иван*, *Анна*, *Петр* вторичны по отношению к именам святых, включенным в православные святыни, а те в свою очередь – по отношению к нарицательным словам исходного языка. Как потенциальные русские имена, они вторичны по отношению к актуальным именованиям конкретных людей.

ИС, в силу их «особого положения в языке» и «асемантичности», утверждаемых логической теорией в ономастике, научной интерпретации в этом ключе не подвергались. Аксиомой современных теорий имени собственного принято положение о внemодальности онимов. Н. Д. Арутюнова считает, что «собственное имя не характеризует объект, не сообщает о нем ничего истинного или ложного», а антропонимы относятся к конкретным идентифицирующим именам, для которых характерна неспособность к предикации и внemодальность в структуре высказывания [Арутюнова 1999: 2, 35]. Этот тезис отражает достаточно узкий подход к проблеме модальности имени собственного и требует уточнения, поскольку утверждение внemодальности ИС является отрицанием отношения проприального слова к *действительности*, связи имени с *реальным* единичным денотатом, а это справедливо по отношению далеко не ко всем онимам. ИС, действительно, относится к номинативным, а не к коммуникативным единицам языка, но реальность или иреальность денотата или референта ИС – это пресуппозиция, определяющая функционирование онима в речи и включение его в тот или иной контекст. В высказывании антропоним может подвергаться субъектной модальной оценке с позиций его правильности, условности, а также степени необходимости для идентификации лица, по соответствию ситуации именования и т. д. С модальным аспектом связано отношение имени собственного к норме, понятие стандартных и нестандартных имен собственных. Даже написание имени собственного с прописной буквы также может интерпретироваться как формальное средство для выражения оценки особой онтологической сущности слова, его pragматической значимости, используемое носителем языка.

В антропонимике понятие модуса имени собственного не используется, хотя многие высказывания известных ономастов связаны с описанием данного явления. Например, А. В. Суперанская предложила термин «концепция личного имени», под которым понимается «общественное восприятие и оценка имени» [Суперанская 1999: 58]. Н. И. Толстой, отрицавший наличие у имен собственных значения, тем не менее отмечал в них «индивидуальную информацию об индивиду-

ально-прагматическом отношении к предмету» [Толстой 1970: 200–201]. Е. Ф. Данилина, изучавшая образование и функционирование «деминутивных личных имен», в числе трех основных функций антропонимов, кроме номинативной (быть именованием), социальной (быть социальным знаком), называет и эмоциональную, или модальную, функцию (выражать отношение говорящего к именуемому) [Данилина 1977: 73]. Непосредственно с данной проблемой связаны исследования, посвященные анализу «оценочных» антропонимов [Полякова 1977; Бахвалова 1985; Вуйтович 1986, и др.].

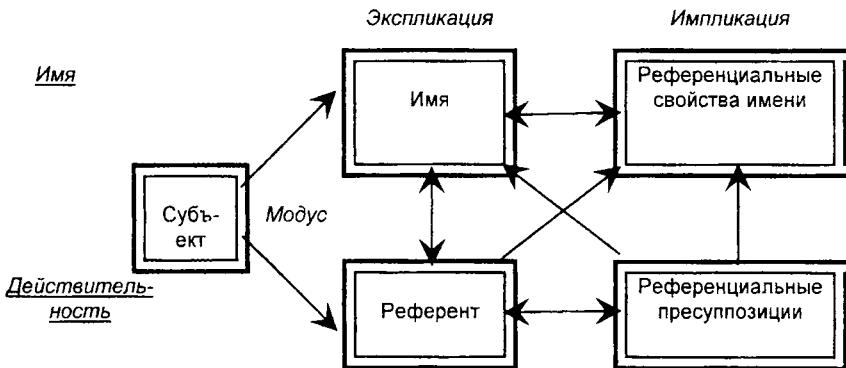
Применительно к ИС понятие модуса целесообразно рассматривать в когнитивном и прагматическом аспектах. Первый обусловлен концептуализацией представлений о мире в языке, предполагающей оценочную деятельность языкового сознания. Второй аспект связан с воплощением в речи объективированных и субъективированных точек зрения, ориентированным на реализацию тех или иных интенций говорящего, выбором способов представления фактической информации и ее интерпретации, актуализацией модальных свойств единиц языка в процессе коммуникации. В этом плане модус антропонима может рассматриваться в качестве отражения онтологического бытия антропонимии в реальном (речевом) и ментальном (концептуальном) пространствах, определяющих два вида содержания языка – «когнитивное» и «коммуникативное».

Рассматривая модусы антропонимической номинации, следует говорить о ее связи с выражением нескольких планов модальных отношений.

Модальность референции имени собственного. Модальность референции имени тесно связана с понятием референциальных пресуппозиций, определяющих референциальные свойства имени в высказывании. Референциальная пресуппозиция – это пропозициональное знание о конкретном предмете, называемом в речи, необходимое для понимания высказывания и его компонентов.

Референциальные пресуппозиции предполагают наличие у имени как компонента высказывания референта, который может мыслиться как определенный или неопределенный, известный или неизвестный, реальный или условный. Имя может быть и нереферентным (потенциальные имена собственные; имена, называющие неизвестные объекты, и т. д.). Референциальные свойства имени представляют собой совокупность его имплицитных характеристик. К ним относятся актуальность / потенциальность (*Иван* как имя конкретного человека и *Иван* как нереферентное имя, которое может быть дано человеку), известность / неизвестность референта или его имени («неизвестный мне Иван»; «не знаю его фамилии»), определенность / неопределенность референции («какой-то Иван»; «то ли Иван, то ли Петр»).

условность имени («называет себя Иваном»; «условимся называть его Иваном») и др.

Соотношение и взаимосвязь имени и референта устанавливается носителем языка – субъектом высказывания. Модальность данного отношения отражает, с одной стороны, содержание имени, а с другой – его внешнелингвистические характеристики.

Референциальные свойства имени собственного во многом обусловлены конвенциональностью антропонимической номинации. «В основе употребления конкретных имен лежит номинативная конвенция, т. е. договор об именовании» [Арутюнова 1999: 24]. Соблюдение данной конвенции непосредственно связано с модальным планом речи и предполагает антропонимическую компетенцию участников коммуникации (Я знаю, что этого человека все именуют Иван Петров, поэтому я не назову его Петром Ивановым. Я не назову *незнакомого* человека ни Иваном Петровым, ни Петром Ивановым даже в случае крайней необходимости идентификации–дифференциации лиц, потому что эти имена могут носить вполне конкретные, хотя и незнакомые мне люди). Перефразируя тезис А. Ф. Лосева о соотношении вещи и ее имени, можно сказать, что имя человека «есть орудие взаимного понимания» между ним и окружающими: «Вы назвали меня Алексеем – не только потому, что *вы знаете*, что это имя есть мое имя, мое собственное имя, но еще и потому, что *Я признаю его своим* и что я, услыхав от вас свое имя, так или иначе отвечу вам и заговорю с вами» [Лосев 1997: 194].

Не менее значима *условность / обусловленность* антропонимической номинации, которая также может быть связана с внешними факторами, определяющими отношение носителей языка к именам собственным, и с внутренними свойствами онима как лексической единицы. По словам А. В. Суперанской, ИС характеризуется *искусственностью*,

вторичностью и условностью, следствием чего является возможность переименования называемых ими предметов, а также формальных преобразований, каким не подвержены слова общей лексики [Суперанская 1993: 33–35].

По мнению В. Э. Стальмане, внеязыковая обусловленность антропонима связана с тем, что «ономастическая номинация допускает причинно-следственные отношения, когда имя – следствие известного положения вещей, характерных для определенной ономастической ситуации, в которой объект практически не может быть назван никак иначе» (ТМОИ: 18–19). Номинация календарным именем, например, носит условный характер (*Я мог бы быть Иваном, Николаем, Михаилом, но называли меня Василем*). Поэтому принято считать, что календарные имена «не сообщают ничего об именуемом, не характеризуют его». Это говорит о том, что календарные имена в языке обладают некоторым постоянным свойством, связанным с наличием в структуре их значения модальной семы.

Референциальные свойства по-разному характеризуют разряды антропонимов. Например, личные имена (*Иван, Анна, Бажен, Третьяк*) и прозвища (*Ворона, Кислый, Сусло*) обладают свойством абсолютной референции, относятся непосредственно к именуемому лицу и не требуют установления соотношения смежных объектов. Номинация лица, опосредованная через именование его родителя (патронимы) или главы семьи (матронимы, андронимы), семейного коллектива, объединяемого именем общего предка (фамилии *Коншин, Клестов, Подошевников*) или названием изначального места проживания семьи (фамилии *Загарский, Ивашевский, Марденгский* и др., восходящие к топонимам), выражала относительную референцию «через несимметричные отношения партитивности, посессивности, координированности и локальности» [Арутюнова 1999: 35] и отличалась от абсолютной референции, выражаемой прямым отнесением имени к предмету. Конечно же, обозначенная оппозиция значительно упрощает противопоставление разных разрядов антропонимической лексики, референциальные свойства которых в истории языка могли меняться. В качестве примера достаточно вспомнить историю календарных имен, во многом утративших относительность референции (координацию именуемого и одноименного святого), или историю русских фамилий, потерявших свойство относительной референции, но до конца так и не ставших прямыми номинациями лица.

Конвенциональность антропонима связана непосредственно с самим словом, отнесенностью его к определенному разряду имен собственных, способностью выражать отношение к лицу, денотацией и референцией, то есть его внутренними свойствами (*Имена Анна, Марья называют женщин, а имена Иван, Петр – мужчин, и никогда наоборот;*

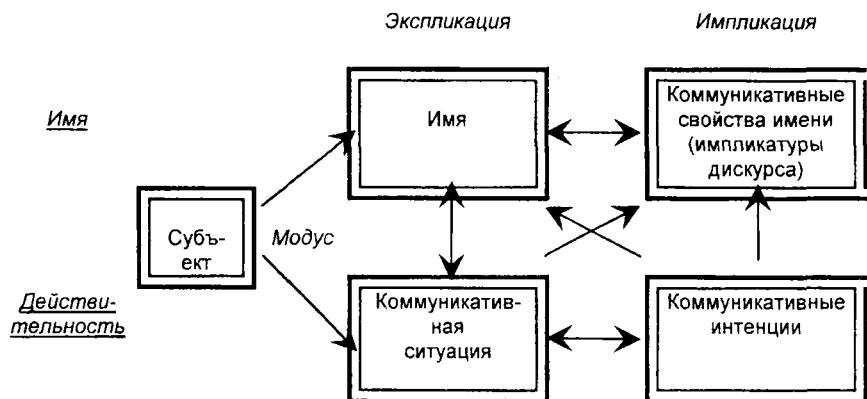
слова *Иванов*, *Ивакин*, *Ивашевский* не могут быть личными именами и т. д.). По мнению многих лингвистов, в структуру значения ИС входит компонент, определяемый как «разрядное значение», т. е. отнесенность онима к определенной группе наименований, обладающих общими признаками.

Коммуникативная модальность имени собственного. Непосредственную связь с модусным планом имеет интенциональность антропонимии. Интенции связаны с двумя видами деятельности человека, определяющими функционирование имен собственных: созданием новых актуальных антропонимов и употреблением их в речи. Интенциональность имяречения проявляется в выборе средств именования, определяемом различными мотивами. Внутренний модус интенциональности закреплен значением антропонима, основное назначение которого – выражение целей именования и отношения говорящего к именуемому лицу.

Интенциональность является одним из центральных понятий теории речевых актов и лингвопрагматики. А. В. Бондарко предлагает различать два аспекта интенциональности: 1) аспект актуальной связи с намерением говорящего в акте речи, с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью говорящего, т. е. с тем, что он хочет выразить в данных условиях коммуникации – аспект «существенно интенциональный»; 2) аспект смысловой информативности – способность данной функции быть одним из элементов выражаемого смысла [Бондарко 2002: 145–146]. Первый аспект – деятельностный (динамический) – позволяет рассматривать интенциональность в ходе практического наблюдения за речемыслительной деятельностью, второй – «результативный» (статический) – позволяет анализировать интенциональность готового «продукта» данной деятельности (текста, высказывания, номинации). Прагматический подход к изучению номинации в ономастике также предполагает рассмотрение материала с двух сторон, поскольку прагматику имятворчества определяет «человеческая намерительность и смысловое наполнение, ради которого и создается новое имя» [Голомидова 2003: 112]. Исследователь антропонимии прошлого не имеет возможности наблюдать непосредственно процесс номинации, но может судить о нем, анализируя семантику и употребление имен собственных.

Особенно ярко интенциональность отражается в экспрессивном словообразовании антропонимов. Исследователями неоднократно отмечалось, что экспрессивные модели словообразовательной модификации личных имен вторичны по отношению к моделям образования нарицательных слов. Обоснование методики выявления и описания оценочных значений модификаторов личных имен в современных английском, русском и польском языках было предпринято А. Вежбицкой.

которая определила оценочное значение как прагматическое содержание форм. Например, сопоставляя женские имена с суффиксами -ок, -еныш и имена нарицательные с омонимичными формантами, исследователь описывает содержание «форм» следующим образом: *Нинок, Лизок* – «я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства (я испытываю хорошие чувства, говоря с тобой)», «я не хочу говорить с тобой так, как говорят с тобой другие люди», «я хочу говорить с тобой так, как если бы ты была мальчиком»; *Катеныш, Клареныш* – «я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства (я испытываю хорошие чувства, говоря с тобой)», «я не хочу говорить с тобой так, как говорят с тобой другие люди», «я хочу говорить с тобой так, как если бы ты был молодым, не совсем взрослым животным» [Вежбицкая 1996: 126–128].

Называние человека именем, не характеризующим его физические и моральные качества (*Сергей, Анна, Эдуард, Ростислав*), в современном обществе также интенциально по своей сути. В сознании носителей языка подчеркнутая неинтенциональность противопоставляется официальные личные имена прозвищам, которые могут быть «контактными, дружескими, ироничными, презрительными или вполне нейтральными» [Никонов 1986: 268].

Интенциональность антропонимической номинации может обнаруживаться и в способах введения имени собственного в речь. Использование антропонимов в речи в большей степени, чем употребление нарицательных имен, ориентировано на адресата и учитывает уровень его компетенции в области референции онима. Новое для адресата имя собственное обычно требует введения в речь формулы идентификации, устанавливающей соответствие имени представлению о конкретном лице.

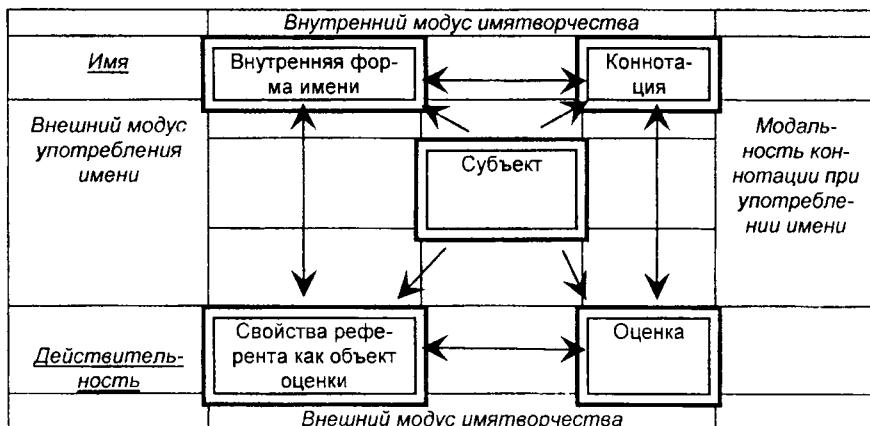
Аксиологическая модальность имени собственного. Интенциональность антропонимической номинации обуславливает очень тесную связь антропонимии с категорией оценки.

С одной стороны, многие имена собственные дают оценку называемому ими предмету или лицу и обладают свойством квалитативности, отражая модусы номинации (имятворчества). Оценочный модус находит отражение во внутренней форме онима, может актуализироваться или нейтрализоваться в процессе употребления имени собственного и во многом определяет восприятие имени носителями языка. Иными словами, внутренний модус оценки связан с имянаречением как целенаправленной деятельностью человека – носителя и творца языка, а внешний – с употреблением имени собственного в речи.

Внутренний модус оценки находит выражение во внутренней форме имени – лексической («Григореи Стефанов сын Лизунъ» (Кн. им. Вол. 1693: л. 20 об.); *Лизунъ* < *лизунъ*) и структурной (ср., например, старорусские некалендарные имена *Балуй*, *Бушуй*, *Поблагуй*; *Пинай*, *Хватай*, *Таскай*; *Мазиха*, *Унесиха*, *Оплетиха* и др.) мотивированности экспрессивно-оценочными лексемами.

Внешний модус имятворчества отражен в мотивировочном признаком, соответствующем свойствам именуемого лица в момент создания антропонима: *Болта* (<*болтати* 'говорить вздор' (Сл.РЯ XI–XVI: 1, 283)); *Кучка* (<*кучить* 'усиленно просить, домогаться', волог. (СРНГ: 14, 190)) и др.

Способность выражать положительную/нейтральную/отрицательную оценку находит отражение в коннотации – эмоциональной, оценочной или стилистической окраске языковой единицы узульного или окказионального характера» (ЛЭС: 236).

При употреблении имени коннотация может вступать в противоречие с целями именования человека (например, в официальном документе), а внутренняя форма имени – со свойствами референта, которые в момент употребления имени могли быть утрачены или неактуальны для окружающих.

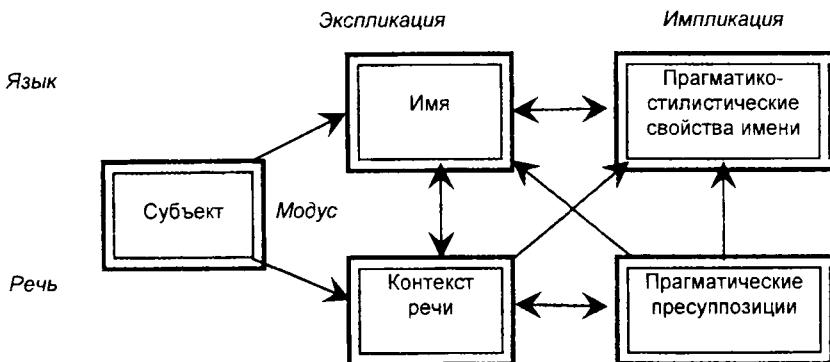
С другой стороны, само имя собственное гораздо чаще, чем нарицательные слова, оказывается объектом оценки – социальной, эстетической, этической, конфессиональной [Никонов 1974; Шварцкопф 1976; Суперанская 2001; 2002; Супрун 2000, и др.]. Оценка антропонима может быть обусловлена как общей концепцией имени, свойственной национальной или конфессионально-этнической культуре на определенном этапе ее развития [Топоров 1993; Суперанская 2001], так и системой ценностей, свойственных отдельным социальным слоям русского общества [Комлева 2004].

Нормативная оценка имени собственного. Социальная конвенция может регулировать употребление имени в том или ином речевом контексте применительно к тому или иному лицу, а также внешний «семиотический ореол именного знака (типовыe конвенциональные знания, связанные с его применением)» [Голомидова 1998: 13–14]. Главным образом это относится к именам, входящим в номинативный ряд потенциального или актуального имени. Использование таких антропонимов в речи предполагает выбор нужного варианта, осуществляемый субъектом речи (носителем языка). Устанавливаемое соотношение имени и типового контекста его употребления как онтологически данной среды его функционирования следует отнести к числу модусов, обуславливающих употребление имени собственного в речи.

Прагматико-стилистические свойства имени собственного, такие, как контекстуальная обусловленность, уместность, нормативность (стандартность), облигаторность номинации и ее компонентов, обнаруживают тесную связь с *прагматическими пресуппозициями*, которые вслед за Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 235] могут быть определены как субъектные пропозициональные установки на корректное использование языка и построение высказывания, учитывающее интересы коммуникантов и уместность номинативной единицы в контексте. Прагматические пресуппозиции имен собственных носят конвенциональный характер, входят в значение слов в качестве имплицитных сем. Контекстуальная специализация имени собственного отражает сложное взаимодействие внелингвистических и внешнелингвистических свойств номинации.

Нормативность проявляется как в моделях образования стандартных номинативных единиц, так и в регламентации употребления антропонимов в типовых речевых контекстах. Внешний модус при регулярности его реализации может закрепляться в классификационном

значении онима, становиться его внутренней содержательной характеристикой.

Противопоставление канонических и неканонических вариантов календарных имен (*Иоанн – Иван*) также базируется не на языковых особенностях данных единиц, а на внешних, связанных с нормами их употребления¹.

Традиции имяречения и традиции именования лица в речи, в том числе правила этикета, связанные с называнием лица и т. д., могут быть связаны как с отдельными антропонимами, так и формулами именования в целом. Описывая традиции именования представителей разных поло-возрастных групп в русской крестьянской общине XIX в., Т. А. Бернштам приводит следующие наблюдения: «Хотя имя давалось ребенку при крещении, пользоваться им начинали обычно лишь с середины детского или подросткового возраста в форме полуимени – Машка, Ванька. К рубежу совершеннолетия появлялось право на имя – Машуха, Ванюха, но только после совершеннолетия могли называть полным именем – Марья, Иван. Получение полного имени и имени-отчества (права на величание) являлось важным показателем признания перехода в совершеннолетие» [Бернштам 1988: 41].

¹ Как отмечает А. В. Суперанская, «вплоть до революции 1917 г. при крещении в церковную книгу записывалась церковная форма имени крещаемого, например *Иоанн* или *Неонила*, но имена восприемников и даже священнослужителей писались в светской форме: *Иван*, *Ненила*. Церковь давала родителям ребенка выписку из церковной книги, с которой они шли в городскую консисторию или к волостному писарю (в деревне) для получения официальных документов, в которых по разумению пишущего или по просьбе родителей писалась церковная или светская форма имени: *Наталия* или *Наталья*, *Стефанида* или *Степанида*, *Даниил* или *Данила*, *София* или *Софья*. При этом близкие к церкви люди предпочитали формы *Гавриил*, *Стефан*, а люди светские – *Гаврила*, *Степан*» (Суперанская 2002: 302).

Данные традиции существовали и в XVII в., о чём, например, свидетельствуют данные писцовых и переписных книг, в которых именование малолетних жителей дворов ограничивается только личным именем: «в. два Ивашка Демидовы дѣти Лебѣдевы да брат их Ивашко ж осми годовъ» (Кн. пер Каргоп. 1648: л. 29 об.); «в томъ же дв. Петрушка 5 л., у него пдв. Пронька Емельяновъ Щукинъ, у него с. Ивашко 10 л.»; «Ивашко 7 л., у него пдв. Ивашко Матвѣевъ Кашинъ» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 151, 152).

В деловой письменности XVII в. сложились особые тенденции именования, определявшие номинацию «по отцу», а жителя посада – и по роду деятельности, которые противоречили бытовым традициям («Алешка Григорьевъ 5 л.»; Кн. писц. УВ 1676–1683: 154). В результате чего могли возникать казусы, подобные именованию малолетних мясников в писцовой книге Устюга Великого 1676–1683 гг.: «2 Стеньки, Никишка 13 л., Стенка 5 л. Аникиевы, мясники» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 151).

Конвенциональный характер носит социальная дифференциация антропонимических ресурсов. Например, в старорусский период возможность образования отчества на -ович от любого личного имени, в том числе и некалендарного, является закономерным и естественным для любого носителя русского языка, поскольку соответствует принятым в обществе правилам создания антропонимов для называния лиц мужского пола. Но использование его для именования незнатного человека считалось бы нарушением социальных конвенций, связанных с употреблением имен собственных.

К числу внешних модусов, наиболее близких к категориям нормативности и оценки, следует отнести модус *облигаторности*, достаточно ярко отражающийся в оценке степени обязательности / необязательности использования тех или иных антропонимических средств номинации лица в определенной речевой ситуации.

Оценка *обязательности / необязательности (облигаторности / необлигаторности)* компонентов именования в первую очередь выражалась путем включения в него слов *имя, прозвище, прозвание* и др.

Слово *прозвище*, включаемое в именование лица, в официально-деловой письменности XVII в. давало антропониму модальную оценку облигаторности, различало «настоящее», обязательное, требуемое официальными нормами, и ненастоящее, необязательное имя. Оно не имело строгого терминологического значения, свойственного ему в современном русском языке. При помощи слова *прозвище* в XVII в. выражалась оценка именования или одного из его компонентов: «на подворника на Нечаева на Ивашка прозвищемъ на Волка» (АХУ III, 121); «Сидорко Борисовъ сынъ, прозвищемъ Пьянко. Полутовскихъ»

(АХУ III, 177), «Ивашко Ивановъ сынъ Стрѣленские волости крестья-
нинъ, по прозвищу Рожинъ» (АХУ III, 183) и др.

Выражение субъектной оценки антропонима связано с наличием определенных отношений между именами одного лица в пределах именования. Оценку предполагала и идентификация разных именований одного и того же лица в официальном документе, то есть оценка имени собственного с точки зрения его нормативности и облигаторности имела относительный характер. Для ее наличия обязательно, чтобы в именовании лица присутствовали как минимум два антропонима, оцениваемых один как правильный, соответствующий норме документального именования, обязательный, а другой – как неправильное, не-настоящее документальное имя. Слово прозвище тем самым выражало отношения антропонимов в пределах именования лица, давало оценку одному из них по отношению к другому.

Вместе с тем слово прозвище маркировало антропоним по сфере функционирования, знаменовало его отнесенность к разговорно-бытовой речи, противопоставляло имя, которым называют («прозывают») человека в быту, тому антропониму, который следует употреблять в документе.

Таким образом, антропонимия может быть рассмотрена в системе модальных отношений с точки зрения широкого подхода к их характеристике. Понятие модуса имени собственного определяется через отношение к субъектной точке зрения, выражаемой в речи (субъекты-номинаторы, субъект речи и адресат в акте коммуникации) или закрепленной в языке (обобщенный, «коллективный» субъект). Термин «модальность» используется при характеристике отношений различного рода (отношение именования к его носителю, или референция; отношение номинативного признака, отраженного в имени в момент номинации, к признакам называемого лица; соотношение кореферентных именований и их компонентов, устанавливаемое носителем языка, и т. д.).

Модусы имен собственных базируются одновременно на внутренней (семантической и формальной) специфике онимов, а также и на внешних типичных условиях их употребления. Взаимосвязь внешнего и внутреннего определяется взаимообусловленностью семантики и функций онимов.

Литература

Апресян 1995 – Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка) / 2-е изд. – М., 1995.

Арутюнова 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.

Бахвалова 1985 – Бахвалова Т. В. Семантические и функциональные особенности некалендарных имен (на материале памятников письменности Белозерья XV–XVII вв.) // Проблемы русской ономастики. – Вологда, 1985. – С. 71–82.

- Бернштам 1988 – Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX в. – Л., 1988.
- Бондарко 2002 – Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002.
- Ваулина 1988 – Ваулина С. С. Принцип функционально-семантического подхода в исторической лексикологии (на материале модальной лексики древнерусского языка) // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка: Тезисы докладов к республиканскому координационному совещанию 23–26 сентября 1988 г. – Вологда, 1988. – С. 21–23.
- Вежбицкая 1996 – Вежбицкая А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Анна Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 89–200.
- Вендина 2002 – Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2002.
- Вуйтович 1986 – Вуйтович М. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв. Северо-Восточная Русь. – Розлай, 1986.
- Голомидова 1998 – Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Автореф. докт. дисс. – Екатеринбург, 1998.
- Голомидова 2003 – Голомидова М. В. Прагматический аспект именетворчества: общий взгляд // Ономастика и диалектная лексика. Сб. научн. тр. Вып. 4 / Под ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд. УрГУ, 2003. – С. 107–120.
- Данилина 1977 – Данилина Е. Ф. Антропонимия одного говора (имена) // Русская ономастика. – Рязань, 1977. – С. 70–73.
- Комлева 2004 – Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков. Автореф. канд. дисс. – Вологда, 2004.
- Лебедева 1999 – Лебедева Л. Б. Модальности восприятия и их отражение в языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна, 1999. – С. 349–359.
- Лосев 1997 – Лосев А. Ф. Вещь и имя // Лосев А. Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы / Под ред. А. А. Тахо-Годи. – СПб., 1997. – С. 168–245.
- Никонов 1974 – Никонов В. А. Имя и общество. – М., 1974.
- Никонов 1986 – Никонов В. А. Русские // Системы личных имен у народов мира. – М., 1986. – С. 262–269.
- Падучева 1996 – Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). – М., 1996.
- Полякова 1977 – Полякова Е. Н. Источники изучения русских неполных и оценочных имен прошлого // Русская ономастика. – Рязань, 1977. – С. 65–69.
- Суперанская 1993 – Суперанская А. В. Имя собственное как разряд специальной лексики // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. – М., 1993. – С. 29–36.
- Суперанская 1999 – Суперанская А. В. Русские имена, которых мы не знаем // Res lingvistica. Сборник статей. К 60-летию профессора В. П. Нерознака. – М., 1999. – С. 57–65.
- Суперанская 2001 – Суперанская А. В. Эволюция антропонимических систем в русском и ряде других языков // Ономастика Поволжья: Материалы VIII конференции по ономастике Поволжья. Волгоград, 8–11 сентября 1998 г. – М., 2001. – С. 27–37.
- Суперанская 2002 – Суперанская А. В. Граждане современной России страдают из-за реформ XVII века // Scripta lingvisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – М., 2002. – С. 294–204.
- Супрун 2000 – Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. – Волгоград, 2000.
- Телия 1996 – Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
- Толстой 1970 – Толстой Н. И. Еще раз о «семантике» имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии Тезисы докладов. – Минск, 1970 – С. 200–201.

Толстой 1997 – Толстой Н. И. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. – М., 1997. – С. 223–243.

Топоров 1993 – Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir*-) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов/ XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады Российской делегации. – М., 1993. – С. 3–118.

Шварцкопф 1976 – Шварцкопф Б. С. О социальных и эстетических оценках личных имен // Ономастика и норма. – М., 1976. – С. 47–59.

Яцкевич 2002 – Яцкевич Л. Г. и др. Морфемика и словообразование русского языка: Учебное пособие. – Вологда, 2002.

Сокращения

АХУ III – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 3: РИБ, Т. 25. СПб, 1908.

Кн. пер. Каргоп. 1648 – Переписная книга посадских дворов города Каргополя, деревень, дворов в черных волостях Каргопольского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–503 об.

Кн. писц. УВ 1676–1683 – Писцовая книга Устюга Великого 1676–1683 гг. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883.

Кн. им. Вол. 1693 – Именная книга посадских людей г. Вологды переписи земского старосты Осипа Полянина 1693 г. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда. Д. 3 а.

Сл. РЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–26. М., 1975–2002.

СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1989.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–35. М.; Л.; СПб., 1965–2002.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

ТМОИ – Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

Л. Г. Яцкевич

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: КОГНИТИВНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

«<...> Наши высшие общественные классы, привыкшие жить умственно чуждой жизнью, невольно переносят вычитанные и высмотренные ими европейские идеалы на действительную жизнь, приурочивая их к нашим общественным явлениям, тождественным по названиям с европейскими, названиям, данным на основании самой поверхностной аналогии».

(Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. М., 2003. С. 319.)

Данная статья посвящена проблеме выражения модальных отношений в системе имён существительных, а также когнитивным, коммуникативным и типологическим аспектам формирования словообразовательной категории модальности у данной части речи.

Вопрос о том, включаются ли имена существительные тем или иным способом в функционально-семантическую категорию модальности, является дискуссионным. Обычно модальные отношения связывают с выказыванием – с предложением и текстом. В силу этого наиболее изученными являются морфологическая категория наклонения глагола и синтаксическая категория модальности предложения как два ядра функционально-семантической категории объективной модальности, а также модальные слова как особая часть речи, модальные глаголы, модальные частицы, выражающие субъективно-объективную модальность [Теория...].

Однако существует мнение, что имя существительное также включается в систему модальных отношений [Клобуков; Яцкевич 1989; 1990; 1991; 2002; Смольников 2004; 2005; Кудрявцева]. Этот подход возможен при широком понимании модальных отношений, при котором любая единица языка, участвующая в процессе коммуникации и предикации, имеет модальный фон. Возникает вопрос, чем отличаются модальные отношения данной части речи по своему содержанию и способам выражения от модальных отношений, связанных с указанными выше грамматическими категориями и лексико-грамматическими классами слов. Эта проблема была успешно решена применительно к выявлению модальных отношений имён собственных в работах С. Н. Смольникова, который выделяет такие модусы антропонимов, как конвенциональность номинации, её условность / обусловленность, интенциональность имени, оценочность [Смольников 2005: 145–151].

В данной статье вопрос о модальности имён рассматривается на материале лексических и словообразовательных средств модального преобразования имён существительных. Как особая словообразовательная категория, производные слова с модальными морфемами (а-, анти-, без-, квази-, контр-, лже-, мало-, много-, не-, недо-, полу-, псевдо-, сверх-, супер-, экстра-, люкс- и др.) до сих пор не рассматривались, хотя существуют исследования, посвящённые этому типу словообразования существительных [Очерки по исторической грамматике...; Голанова; Панов; Цейтлин; Яцкевич 1989; 2002; Хамидуллина].

1. Языковая гносеология имени и функциональная категория модальности существительных

Модальность как свойство лексической единицы понимается по-разному. См. обзор мнений в книге С. Н. Смольникова [Смольников 2005]. Во-первых, она связывается с модальными функциями слова в предложении и шире в тексте (модальные глаголы, модальные (вводные) слова, частицы, предлоги, союзы) [Виноградов, Бондарко, Золотова]. Во-вторых, модальность рассматривается как объект лексиче-

ской номинации (модальные глаголы, прилагательные, существительные, наречия, безлично-предикативные слова [Ваулина; Мельникова]. В-третьих, модальность номинации рассматривается как её коннотативный фон, связанный с разнообразной оценкой и акцентированием свойств объекта номинации, с концептуальной интерпретацией обозначаемого, а также в целом с прагматической составляющей содержания слова [Апресян; Семёнова; Телия]. Для этого используется и соответствующий термин – модальная рамка имени [Апресян: 68–69].

Все указанные выше аспекты модальности имени находят своё определённое выражение в словообразовании существительных и составляют их внутрисловную модальность [Смольников 2005: 142]. Однако до сих пор в лингвистике не уделялось достаточного внимания средствам выражения внешней модальности имени, отражающей характер отношения содержания номинации к её актуальному объекту в конкретном высказывании.

Лексикографы, составляющие толковые словари, давно заметили, что в речи слово актуализирует только отдельные семантические зоны закреплённого за ним потенциального содержания. В связи с этим общеизвестны термины: «языковое и речевое лексические значения», «лексическое значение слова и его употребление», «лексическое значение и оттенок значения». Новое теоретическое содержание получил этот вопрос в связи с развитием коммуникативной и когнитивной лингвистики (см. обзор: [Кубрякова: 417–458]). Опираясь на сложившуюся в современной зарубежной лингвистике определённую традицию, автор использует понятия «интерпретанта», «фрактал», «контейнер», с помощью которых в рамках когнитивной лингвистики предпринята попытка рассмотреть такие виды соотношения между содержанием номинации и её объектом, которые ранее не были достаточно осмыслены в языкоznании [Степанов; Кубрякова].

К внешней модальности относится также характеристика денотата предметной номинации как реального или ирреального [Смирницкий; Смольников 2005: 144].

Существует и ещё один аспект внешней модальности имён существительных, который отражает языковую рефлексию говорящего, связанную с оценкой того, соответствует или нет номинация её объекту, а объект – её номинации. Многочисленные факты подобной языковой рефлексии постоянно встречаются в публицистике, в литературной критике, как, например, в статье А. А. Блока «Краски и слова», где он с большой иронией пишет: *Критика очень много толкует о «школьах» символизма, наклеивает на художника ярлычок: «символист»; критика охаживает художника со всех сторон и обдёргивает на нём платье; а иногда она занимается делом совсем уж некультурным, извинимым разве во времена глубокой древности: если*

платье не лезет на художника, она обрубает ему ноги, руки, или – что вовсе неприлично – голову (АБ: 15–16).

Далее в нашей статье вопрос о характере модальной семантики имён существительных будет связан с представлением о характере соответствия или несоответствия предметной номинации её объекту с точки зрения говорящего лица. Проблема семиотического тождества языкового знака (в процессе его функционирования) и его когнитивной значимости является основной в лингво-философских исследованиях речевой коммуникации, в которых выдвигается когнитивный принцип инвариантной неопределённости [Вальков 1975; 1981; 1990; 1995; 2002; см. также: Яцкевич 1983; 1984]. К. И. Вальков открыл этот принцип первоначально в процессе анализа аксиоматического метода в геометрии [Вальков 1975; 1981; Геометрические модели и алгоритмы; и др.], а затем этот принцип был использован и развит им в иной сфере – при сопоставлении естественных и искусственных языков, в сфере семиотического и когнитивного анализа языка науки, политического и публицистического дискурса [Вальков 1981; 1990; 1995; 1999; 2002]. Содержание словесного знака автор уподобляет айсбергу: лексическое значение, зафиксированное в словарях, является только его вершиной. Позднее этот образ айсberга был использован Е. С. Кубряковой для создания когнитивной теории значения [Кубрякова 2004: 348]. Однако теории языкового значения у этих авторов концептуально различаются. Если Е. С. Кубрякова следует уже сложившейся в семиотике и когнитивной лингвистике методологии – преодолевать пропасть между бытием знака и бытием объекта его презентации с помощью рациональных семиотических технологий, связанных с использованием понятий концепта, интерпретанты, фрактала, контейнера и др., то К. И. Вальков поворачивает решение этой проблемы в иное русло: бытие семиотического объекта (слова, языкового выражения) соотносится с бытием реального объекта на основе инвариантной неопределённости. При этом он имеет в виду не языковую и речевую лексическую полисемию слова, не коммуникативную дейктическую определённости–неопределённости денотата или его реальности / иреальности, а глубинную семиотическую неопределенность имени, которое фактически не в состоянии отразить в своём содержании онтологическую глубину обозначаемого объекта: «Совсем иная многозначность раскрывается перед нашим мысленным взором, когда мы научаемся смотреть на слова как на проекцию некоторого множества элементов реальности, включённого нами в один “проекционный луч”. Эта многозначность заведомо бесконечна, хотя бы потому, что бесконечны пространство и время, вместившие в себя «проекционный луч»» [Вальков 2002: 33]. Обосновав семиотическую инвариантную неопределённость имени как общий принцип языкового

знания, он рассмотрел когнитивную подвижность, неустойчивость речевого общения и обратил внимание на то, что взаимопонимание участников общения возможно только при возникновении особого состояния в их речемыслительной деятельности, которое называют «моментом истины». Такое состояние возникает при наличии абсолютного знания как основы взаимопонимания: «Слова становятся бесполезными, когда они не связаны с необходимым и предваряющим их абсолютным знанием. <...> Если эта связь порвана, то словесный текст повисает в пустоте <...> » [Вальков 1999: 54]. «Абсолютное знание достигается на практике только путём личного опыта» [Вальков 1999: 18].

В речевой коммуникации «с проекционным схематизмом словесных описаний приходится постоянно вести борьбу <...> с помощью дополнительных словесных описаний, и в зависимости от конкретных условий иногда удаётся значительно ослабить схематизм языка, а иногда и полностью его снять», однако многозначность и схематизм абстрактной лексики принципиально неустраним [Вальков 2002: 43]. О проекционном схематизме абстрактных имён размышляли многие философы прошлого. Так, В. В. Розанов в характерной для него парадоксальной форме рассуждает о слове «смерть»: «Какой это ужас, что человек (вечный филолог) нашёл слово для «этого» – «смерть». Разве это возможно как-нибудь назвать? Разве оно имеет имя. Имя уже определяет, уже «что-то знает». Но ведь мы же об этом ничего не знаем».

Вопрос о виртуальности содержания абстрактных имён ставится и в лингвистике. Так, Е. И. Кубрякова содержание абстрактных имён, производных от глаголов, относит к псевдообъектам, однако рассматривает это, вслед за А. М. Пешковским, как положительное конструктивное свойство языка: «В случае реификации (определечивания. – Л. Я.) глагола человек получает возможность манипулировать некими псевдообъектами в любых типах деятельности, а также характеризовать их» [Кубрякова 2004: 398].

С иных позиций прагматическую оценку проективному схематизму абстрактных имён даёт К. И. Вальков. Анализируя современную научную и публицистическую речь, он пришёл к выводу, что чаще всего в процессе речевого общения его участники, не осознавая проекционного схематизма абстрактных имён, впадают в состояние «литоморфизма», которое противоположно антропоморфизму, характерному для первобытного мышления и поэзии [Вальков 1990: 11]: «Когда понятиям «монархия», или «демократия», или «социализм» и пр. приписываются черты конкретных предметов – например, определённость, завершённость, обозримость, явность, бесспорность... – то такое наивное восприятие уместно обозначить термином «литоморфизм» (камню уподобление)» [Вальков 1999: 88]. Отношение к абстрактным словам-

понятиям как к предметам, о которых мы якобы располагаем абсолютным знанием, приводит к «тяжёлой тирании понятий», к созданию «расхожих социальных мифов, ведущих в исторические тупики» [Вальков 1999: 91].

Отсюда и распространённый в наше время «плурализм» общественного мнения, не допускающий взаимопонимания и согласия: «Знания и способности все парализованы изнурительной, бесплодной взаимной борьбой» [Вальков 1999: 96].

Подобные же взгляды на гносеологию имён существительных высказываются и лингвистами. В наиболее завершённой концептуальной системе они представлены в работах В. В. Колесова. Рассматривая содержание слова на основе понятия концептуального квадрата (знак ↔ референт ↔ денотат ↔ сигнификат ↔ концепт), он утверждает, что «понятие может быть применимо лишь к явлениям, но избегает сущностей <...> Понятие ничем не увеличивает нашего знания, лишь усложняет понимание связи событий» [Колесов 2002: 66]. По мнению автора, «все идеологические конфронтации происходят на уровне понятий, но в системе одних и тех же символов» [Колесов 2002: 66]. Как и К. И. Вальков, В. В. Колесов утверждает, что обязательным условием взаимопонимания в сфере публичной речи и политического дискурса является представление говорящих об инвариантной неопределённости имён (Вальков), об их символической природе. Так, В. В. Колесов пишет: «Многие отвлечённые представления современной культуры суть символы, которые настоятельно требуют своего проявления в деле. *Долг, Свобода, Счастье, Судьба, Жизнь* и сотни других – это символы, а не понятия. За своим содержанием они скрывают чужие объёмы. Их следует не различать, выделяя, а творить жизнью. <...> Искривление пути органического развития смысла в словесном знаке грозит неприятностями культуре. Так, присущее нашему времени эмоциональное навешивание словесных ярлыков есть предъявление либо денотата без референта, то есть просто образ, либо референта при отсутствии денотата, то есть символ. В пробегах мысли исчезает понятие, и становится невозможным дать определение тому, что хотел бы понять» [Колесов: 66].

В современной философии плурализм как неизбежное семиотическое свойство речевого общения отразилось в создании новых мировоззренческих систем, в которых намечается противостояние христианской (в культурном смысле слова) и постхристианской традиции в гносеологии.

Согласно философии, определяемой постхристианской традицией, плурализм человеческого знания о мире воспринимается как конструктивное положительное явление: чем больше разных точек зрения на объект, тем полнее наше знание о нём. Следовательно, понятий-

ная и сущностная неоднозначность содержания слова, обозначающего объект, также явление положительное. Чем в большей степени человек владеет этой неоднозначностью, тем большей силой он обладает. К такой философской установке пришли многие современные философы. Приведём один из примеров подобных рассуждений: «Реальность в силу своей принципиальной неисчерпаемости требует бесконечность самых разных интерпретаций, желательно не сводимых друг к другу и комплементарных; именно такие интерпретации позволяют нам вступить в нескончаемый диалог с реальностью. Если мы остановим бег толкований и признаем одно из них «единственно верным», реальность отступит от нас, оставив в руках свой иллюзорный плоский образ. Хотя, конечно, проще объяснять собственные привычные иллюзии адекватным образом реальности, чем создавать различные научные и художественные модели, спорящие друг с другом и дополняющие друг друга» [Бандуровский: 172]. В прошлом мощным теоретическим импульсом к появлению постхристианской традиции понимания гносеологического соотношения мира и человека в нём послужила философия Ф. Ницше, который, например, писал: «Чем больше чувств говорит нам с какой-либо вещи, чем больше глаз, разных глаз мы умеем направить на эту вещь, тем полнее наше «понятие» этой вещи» [Ницше: 368]. По мнению философа, такой способностью в максимальной степени может обладать сверхчеловек. Близок к этой мысли и М. Эпштейн, наиболее яркий современный представитель подобного понимания гносеологических проблем: «Не держаться определённого взгляда на вещи – это, пожалуй, и есть подлинное мировоззрение. Видеть – значит менять точку зрения. Один взгляд на вещь – почти что слепота» [Эпштейн 2001: 153]. Новым мощным импульсом, уже прагматическим, для появления подобных взглядов в наше время послужило развитие компьютерных технологий, создание «виртуальных реальностей» и массовое наркотическое погружение в них.

Однако есть и бодрствующие, осознающие грозное веяние духовной смерти от такой теперь уже не только теоретической, но и житейской традиции. Так, А. В. Кутырев пишет: «Сущее и должное – изъявительное и повелительное наклонения языка. С ними можно соотнести классический описательно-объяснительный и модернистский, деятельностно-проективный этапы развития метафизики. Сейчас человечество устремилось в сослагательное наклонение. Философия третьей эпохи не скрывает своей чистой условности. Эта открытая форма значимости лишена всякого определённого значения. Она ничего не значит ни для мира, ни для индивидуума, ни для общественно-го благополучия. Она создаёт собственную, чисто мысленную, не зависящую от эмпирических фактов историю событий и «космософию»

возможных миров. Плюрализм внутренне обусловлен потенциализмом, другие модусы мешают его последовательной реализации» [Кутырёв: 6].

Постхристианская традиция понимания гносеологического аспекта словесного общения противоположна христианской. Там – установка на полицентричность процесса языкового знания, приводящая к многообразию проекционных моделей этого знания, к его сложности и как следствие – к его элитарности (будь то сверхчеловек или всемирный банк данных, доступный для избранных). А здесь, в христианской традиции, – установка на моноцентричность знания и его простоту, предполагающие единство мира в Боге как его Творце, и соответственно – единство знания о нём, мире, как основы взаимопонимания. Истинное знание о мире человек получает только по благодати Божией – как откровение. А. С. Пушкин писал: «Гений с одного взгляда познаёт истину». Таким образом, у Пушкина и Ницше совершенно противоположные представления об истинном знании.

Бесконечный плюрализм человеческого знания, отражённый в многословии, необходимом для построения теоретических конструкций, – это вавилонское безумие (ср. библейское изречение: «Мудрость мира сего – безумие перед Богом»). Св. Игнатий Брянчанинов писал: «"Падший человек – ложь", то есть образ мыслей, собрание понятий и знаний ложных, имеющих только наружность разума, а в сущности своей – шатание, бред, беснование ума, поражённого смертной язвой греха и падения. Этот недуг ума особенно в полноте открывается в науках философских» [Святитель Игнатий Брянчанинов: 426]. Архиепископ Иоанн Шаховской образно говорил о коммуникативном кризисе, возникающем в том случае, когда люди не стремятся духовно преодолеть инвариантную неопределенность слов: «Люди создают вокруг себя пустыню слов и отгораживаются ею друг от друга, уходят друг от друга в эту пустыню» [Архиеп. Иоанн (Шаховской)]. Перефразируя последнее высказывание применительно к нашему времени, можно сказать и о новой пустыне непонимания: люди создают вокруг себя с помощью компьютера пустыню виртуальной реальности, уходят друг от друга в эту пустыню. Это подобно духовной смерти. Духовно живой человек бодрствует душой и стремится к Истине, и в этом стремлении ему помогает осознание непродолжительности земного существования.

Проблема истинности называния, истинности словесно выраженной мысли, является не только богословской и философской, но и традиционно поэтической. Например, у Б. Корнилова есть такое стихотворение:

*Будет дождик – всего только дождик,
И туман – будет просто туман...
И простор, словно голый подстрочник,
Будет требовать рифм и румян.*

*И начнутся пустые мытарства,
Жажда точности, той, что слепа,
Где ни воздуха и ни пространства –
Только вбитые в строчку слова.*

*Но покамест, на это мгновенье,
Показалось в открытом окне,
Мирозданье, как замкнутый гений,
По случайности вверилось мне ...*
<...>

Наряду с плюрализмом и литоморфизмом, затрудняющими разумный словесный диалог, в обществе существует неискоренимое стремление к моменту истины. Однако осуществляется это стремление по-разному. Так, современные общественные деятели, журналисты, философы оснастили свою речь множеством языковых средств, уточняющих её модальность. Это выражается, в частности, в намерении охарактеризовать степень соответствия содержания употребляемой в речи словесной номинации её объекту с помощью специальных модальных модификаторов – глаголов, существительных, прилагательных, служебных частей речи, с которыми существительные сочетаются в предложении, а также кавычек и словообразовательных аффиксов. Например: (1) *Либерализм в России <...> по сути, разрушил страну, на огромных пространствах которой образованы так называемые национальные государства с нарастающим присутствием США и НАТО вдоль наших границ* (М, 2004, октябрь: 140). (2) *Попытки наших доморощенных «либералов» вернуть Россию на капиталистический путь развития обречены на провал* (М, 2004, октябрь: 142). (3) *Сколько раз за минувшие годы соперники обвиняли коммунистов в авторитарных замашках, антидемократизме. А когда «левое» большинство в Думе рухнуло, даже присяжные «демократы» уразумели, кто сохранял систему сдержек и противовесов* (НС, 2005, №11: 247).

Однако и в этих попытках скорректировать правильность номинации абстрактного понятия также не обнаруживаются словесно выраженные необходимые и достаточные основания абсолютного знания. Поэтому модальные модификаторы номинации отражают субъективную точку зрения, и их значение также объективируется личным или социальным опытом.

2. Коммуникативные и когнитивные факторы формирования словообразовательной категории модальности в русском языке

Рассмотренные выше когнитивные и прагматические закономерности речевой деятельности привели к развитию в языке особой **функционально-семантической категории модальности**. Применительно к именам существительным она имеет свою специфику.

По нашим наблюдениям, семантическая структура функционально-семантической категории модальности у существительных формируется на основе двух многокомпонентных градуальных оппозиций, исходным центром которых является модальное значение семиотического тождества (**соответствия**) номинации её объекту, о котором речь шла выше. Действительно, при обычном употреблении имён существительных в речи между содержанием предметной номинации и обозначаемым объектом **конвенциально** предполагается семиотическое отношение тождества, которое и является имплицитной модальной рамкой данной предметной номинации. Это наблюдается при употреблении имён в простых описательных типах высказываниях: *Наступила зима. Выпал снег. Дети идут в школу.* В поэтической речи это исходное модальное отношение, которое обычно является имплицитным, может быть акцентировано, как в процитированном выше стихотворении Б. Корнилова: *Будет дождик – всего только дождик, / И туман – будет просто туман ...*

Однако обычно речевая коммуникация обладает сложной и подвижной модальной структурой. Так, публицистический текст, как правило, характеризуется модальной полифоничностью, обусловленной наличием разных точек зрения на обозначаемый объект. Поэтому первоначальное отношение семиотического тождества объекта номинации и содержания репрезентирующего его существительного в конкретном высказывании часто нарушается, деформируется под влиянием коммуникативной целеустановки. Это проявляется в том, что при изменении точки зрения и модального фона предметной номинации имена существительные соединяются с модальными модификаторами, указывающими на характер отклонения от исходного семиотического тождества между объектом и содержанием номинации. Эти модальные модификаторы могут быть как синтетическими (включаться в структуру слова в качестве словообразовательных формантов или кавычек), так и аналитическими (сочетаться с существительным в составе модальной конструкции).

Так, например, в современных публицистических текстах при обсуждении вопроса о том, что такое элита и кого можно назвать элитой, преобладает пафос разочарования и разочарования, поэтому соответствующее слово часто сопровождается модальными модификаторами.

характеризующими уменьшение соответствия содержания значения этого существительного называемому объекту, вплоть до противоположного: (1) *Положение усугубляется явным отсутствием у России геополитической стратегии и пораженческим поведением правящей псевдоэлиты* (НС, 2005, № 5: 252). (2) *Надеждой на осознание правящей элитой (а по существу – антиэлитой) опасности, нависшей над страной, тешить себя не стоит* (НС, 2005, № 5: 253). (3) *Поэтому России необходимы: <...> наличие сильной оппозиции – контрэлиты или свободной конкуренции потенциальных элит под контролем общества; <...> максимальная открытость элит на всех уровнях для пополнения её достойными <...>* (М, 2004, октябрь: 146). (4) *А ведь отсутствие у нашей «элиты» собственной стратегии <...> может привести к потере государственности* (М, 2004, октябрь: 141). В приведённых выше примерах в качестве модальных модификаторов используются: а) словообразовательные средства – префиксы псевдо-, анти-, контр-; б) затем прилагательные явный, потенциальный, максимальный; в) модальное сочетание предлога с существительным по существу 'по сути; по внутреннему содержанию'; г) модальные ка-вычки, выражающие несоответствие названия сущности обозначаемого объекта («элиты»).

Таким образом, категория модальности имён существительных обусловлена языковой гносеологией и аксиологией, то есть имеет когнитивный характер. Основными компонентами её семантической структуры являются: 1) объект знания, являющийся объектом субстантивной номинации; 2) субъект знания – говорящий, определяющий и оценивающий характер соответствия предметной номинации её реальному объекту; 3) результат знания – модальное отношение содержания номинации к её объекту.

Все модальные модификаторы предметной номинации выражают вторичные модальные значения, производные от исходной оппозиции семиотического тождества / различия объекта и содержания номинации. От этого исходного центра берут начало две цепочки модальных оппозиций, связанных с повышением и понижением семиотического соответствия содержания номинации её реальному объекту.

Первая цепочка семантических оппозиций, выражающих понижение, уменьшение соответствия, состоит из следующих компонентов: 1) неполное тождество (сходство) – 2) подобие – 3) мнимое тождество – 4) ложное тождество – 5) отрицание тождества – 6) противоположность. Далее приводятся примеры (нумерация соответствует нумерации значений), в которых различными способами выражаются эти вторичные модальные значения: (1) *И всё же: так ли уж небескорыстно любое бескорыстие?* (НМ, 2005, № 6: 194). Именно в силу этого они который год пытаются искать национальную идею и выстраивать

какую-либо идеологию... (М, 2004, октябрь: 141). То, что сейчас принято называть верлибром, перемежается тем, что сейчас принято считать слогом эссеиста, но граница так прозрачна, так неуловима... (НМ, 2005, № 6: 192). (3) ...но граница так прозрачна, так неуловима, что при переходе от мнимой прозы к несомненному стихотворению лишь слегка качнёт, будто ступил на эскалатор, и – поехали! (НМ, 2005, № 6: 192). Наиболее типичным проявлением этих «завоеваний» является мощная «теневая» экономика, коррупция (М, 2004, октябрь: 140). (4) Талдычили о какой-то вилле на Кипре, о заводе на том же «острове любви», принадлежащем якобы Г. Зюганову (НС, № 11, 2005: 241). (5) Практически это не теория, не размышления, не пожелания. Это всего лишь практическая реальность в мире и в России (М, 2004, октябрь: 140). А ведь руководители избирательных комиссий – не птички небесные, которые не помышляют о завтрашнем дне (НС, 2004, № 11: 242). А если съел косточку, то уже не жилец, прогноз неутешителен... (НМ, 2005, № 6: 169) (6) Им не удалось организовать контригру, сформулировать понятную и привлекательную для населения альтернативу правительльному курсу (НС, 2004, № 11: 242).

Вторая цепочка семантических оппозиций, выражающих повышение, увеличение соответствия, состоит из таких компонентов: 1) полное соответствие – 2) истинное соответствие – 3) акцентированное соответствие – 4) безусловное соответствие – 5) исчерпывающее соответствие – 6) высшая степень соответствия. В следующих примерах (нумерация которых соответствует нумерации значений) эти вторичные модальные значения так или иначе выражаются: (1) Все проблемы нашего российского общества на протяжении всего XX и начала XXI века можно свести к одной, но главной, которую сознательно никто не хочет видеть (М, 2004, октябрь: 146). Необходимо провести многообразную работу в различных сферах общества по коренной перестройке <...> прежних представлений <...> (М, 2004, октябрь: 145). (2) Всё, истинно ценное, значительное и священное, утверждается перед лицом смерти, победоносно выходит из огненного испытания и является в своём истинном сиянии и величии (И. А. Ильин). (3) Если власть хочет управлять социальными процессами, то она должна в первую очередь обратить внимание на беспрецедентное падение морали и нравственности в стране (М, 2004, октябрь: 143). (6) Столь однобокое решение уже привело к двум крайностям: чудовищному богатству и чудовищной бедности (М, 2004, октябрь: 147). Не случайно поэтому из года в год растёт число граждан, усматривающих в кризисе морали, культуры, нравственности одну из самых серьёзных проблем, отягощающих кризисное состояние нашего общества (М, 2004, октябрь: 145).

Все вторичные модальные значения носят аксиологический характер, они явно отражают точку зрения говорящего на характер соответствия номинации её объекту.

Семантические типы модальной модификации предметной номинации

	Характер несоответствия содержания слова объекту номинации	Характер соответствия содержания слова объекту номинации
1.	<i>Неполное тождество (сходство)</i>	<i>Полное соответствие</i>
2.	<i>Подобие</i>	<i>Истинное соответствие</i>
3.	<i>Мнимое тождество</i>	<i>Акцентированное соответствие</i>
4.	<i>Ложное тождество</i>	<i>Безусловное соответствие</i>
5.	<i>Отрицание тождества</i>	<i>Исчерпывающее соответствие</i>
6.	<i>Противоположность</i>	<i>Высшая степень соответствия</i>

Имплицитное выражение имеет только исходный семантический компонент – модальное значение семиотического **тождества (соответствия) номинации её объекту**. Это значение носит конвенциональный характер. А производные модальные значения располагают разнообразными языковыми и речевыми средствами выражения, как это было показано выше. Среди них особое место занимают словообразовательные средства имён существительных, например исконно русские префиксы *без-*, *не-*, *недо-*, префиксoidы *лже-*, *недо-*, *пол-/ полу-*, *сверх-*, а также заимствованные препозитивные морфемы *а-*, *анти-*, *де-*, *квази-*, *псевдо-*, *пара-*, *экстра-* и др.

Так, например, значение неполного тождества выражает префикс *пол-/ полу-*: Н. Богомолов счастливо миновал участи «однолюба»; узкого «веда», прочно связавшего своё имя с именем одного классика или *полуклассика* (НМ, 2005, № 6: 184).

Модальное значение мнимого тождества могут выражать морфемы *лже-*, *не-*, *квази-*, *псевдо-*. Данное значение появляется у слова, когда оно обозначает явление, которое только по заблуждению и ошибке считают тождественным истинному объекту номинации. Например: *Молодые люди во всём мире пытаются обрасти квазисемью в компаниях, бандах, психотерапевтических группах, клубах разнообразных фанатов, сектах, политических партиях* (М, 2005, № 6: 173).

Значение ложности выражается префиксoidом *лже-*, префиксом *псевдо-* в ситуации разоблачения: В сеансах разоблачения КПРФ использовались и старые приёмы <...> И новые: исповеди «прозревших» коммунистов, *лжемузеи* и *лжепамятники* Зюганову <...> (НГ, 08.12. 2003).

Значение противоположности выражается обычно с помощью морфем *не-*, *а-*, *анти-*, *де-*, *контр-*: *Личным эстетическим спасением*

для Шергина было как **неумение** ощущать себя жертвой, так и самоотречение, которое «отторгает себя от себя» (НМ, 2005, № 6: 187). Ангелы (ан – гель – **не-вещество, не-плоть**) (ВФ, 2005, № 12: 8). Нашим либеральным демократам такие нюансы ни к чему, так как они портят общую картину ожесточённого «праведного» **антикоммунизма** (М, 2004, октябрь: 143). Причём это значение нередко сопровождается ярко выраженной отрицательной экспрессией.

Некоторые словообразовательные морфемы, в силу своей функциональной многозначности, участвуют в выражении разных модальных значений в зависимости от внутрисловного или внешнего контекста.

Вопрос о том, какие из намеченных выше градуальных оппозиций модальных значений нашли выражение в словообразовательных морфемах существительных, требует специального изучения. Только после этого можно рассматривать семантическую структуру словообразовательной категории модальности. Однако и сейчас можно предположить, что функциональная категория модальности имён существительных имеет полевую структуру, а центром поля является словообразовательная категория модальности.

Рассмотренные выше частные модальные значения могут выражаться словообразовательными средствами или аналитическими конструкциями, в которых носителями модальных значений могут быть предлоги, союзы, частицы, местоимения, прилагательных и, реже, существительные. Как это наблюдается и в ранее изученных функционально-семантических полях [Бондарко; Теория...], в тексте разновневые средства поля модальности существительных взаимодействуют. Например: К первой, наиболее массовой группе восточнославянских западников можно отнести людей, которых, наверное, **правильно** будет называть лавочниками-полуинтеллигентами <...> В своей действительности эти люди представляют собой не что иное, как **квазинтеллигенцию** (М, 2005, июнь: 148).

Внутри общего функционально-семантического поля модальности имён существительных возникают частные функционально-семантические поля, каждое из которых имеет свою модальную семантику как результат определённого познавательного процесса, сопряжённого с предметной номинацией объекта в речи.

3. Типология словообразовательной категории модальности имён существительных

Прежде всего, следует обратить внимание на типологическую неподородность данной категории. Согласно «Русской грамматике», все

производные существительные, образованные с помощью модальных префиксов относятся к модификационным словообразовательным типам [Русская грамматика: 227–232; 265–266]. Однако, по нашим наблюдениям, модальные префиксы могут выполнять две словообразовательные функции: модификационную и мутационную.

Модификационное префиксальное словообразование приводит к образованию существительных, лексическое значение которых отличается от лексического значения производящего слова только дополнительным семантическим компонентом, выраженным модальным префиксом. См. примеры в первом разделе статьи, а также следующие слова: *непризнание, непоэт, неамериканец, Лже-Дмитрий, Лже-Наполеон; лженакура, паралитература, квазимарксист, псевдолатриот, антиэлита, сверхчеловек, недочеловек, суперавиация, супермаркет* и др. Как правило, подобные производные слова возникают в том случае, если в содержании производящего существительного модальной модификации подвергается **референ** или **концепт**. Так, модальная характеристика **референта** дана, например, в таких префиксальных существительных, как: *суперпредложение* (текст рекламы); *неучастие* (М, 2005, октябрь: 224); *неурожай, нефранцуз, недовложение* (ОС), 129); см. также примеры, приведённые выше: *лжемузеи и лжепамятники* (то есть музеи и памятники, которые не существуют).

А модальная характеристика **концепта** наблюдается, например, в префиксальном существительном *квазигосударство*: Хорошо помню смутные толки и тяжёлые предчувствия того лета, когда в Ново-Огарево президенты республик вырвали-таки у <...> Горбачёва согласие на конфедеративное устройство нового *квазигосударства* (НС, 2005, № 11: 119); см. также примеры, приведённые выше: *квазисемья, полуинтеллигент, квазинтеллигенция*. Нередко такие модификаты являются речевыми образованиями, вербоидами, и поэтому не попадают в толковые и энциклопедические словари. Именно такого типа модальность имён существительных рассматривалась в первом и втором разделах данной статьи.

В отличие от модификационного, мутационное словообразование существительных с помощью модальных префиксов создаёт совершенно новые номинативные единицы, содержание которых существенно отличается по своему предметно-логическому содержанию от содержания производящих существительных. В этом случае происходит не модальная модификация исходного лексического значения, а его модальная мутация, приводящая к возникновению совершенно новой семантической структуры. Например: *полубархат* 'хлопчатобумажная ткань, представляющая собой имитацию бархата' (СРЯ, III: 270); *полукустарник* 'растение, стебель которого в нижней части древесный, а в верхней травянистый' (СРЯ, III: 272); *антигормоны* 'за-

щитные вещества, вырабатываемые организмом против длительно применяемых белковых гормональных препаратов' (СИС: 42). Подобные производные существительные возникают в том случае, если модальной мутации подвергается денотат или сигнификат производящего слова.

Так, например, модальной мутации подвергается денотат в указанных выше словах *полубархат*, *полукустарник*, *антигормоны*, а также в следующих словах: *полуобезьяны* 'млекопитающие отряда приматов, к которым принадлежит лемур и др.' (СРЯ, III: 273); *полупроводник* 'вещество, которое по электропроводности занимает промежуточное место между проводниками и диэлектриками (изоляторами)' (СРЯ, III: 274); *антинпротон* 'элементарная частица, являющаяся античастицей по отношению к протону и отличающаяся от него знаками электрического заряда, барионного заряда и магнитного момента' (СИС: 43). Во всех приведённых примерах образуется новая номинативная единица, в содержании которой новый денотат формируется с помощью модальных значений префиксов и префиксOIDов.

Модальной мутации подвергается сигнификат в следующих словах: *антифашист* 'противник, враг фашизма, борец против фашизма' (СРЯ, I: 40); *паралогизм* 'непреднамеренная логическая ошибка' (СРЯ, III: 22); *парапсихология* 'область исследований о сверхчувственном познании, о телепатических свойствах человека' (СРЯ, III: 22). В рассматриваемых примерах новые производные номинативные единицы содержат новый сигнификат, который формируется с помощью модальных значений префиксов и префиксOIDов.

Как правило, модальная мутация характерна для образования новой терминологии, поэтому большая часть подобных слов помещена в энциклопедических и отраслевых словарях. Более подробно мутационное словообразование имён существительных с модальными префиксами описано в данном сборнике в статье И. Г. Кудрявцевой.

Рассмотренный материал свидетельствует, что в рамки сложившейся типологической классификации словообразовательных категорий рассматриваемая в данной статье словообразовательная категория модальности имён существительных полностью не укладывается. Представляется целесообразным для её характеристики, кроме традиционных терминов *модификационное* и *мутационное* словообразование, ввести такие понятия, как **коммуникативно значимые и номинативно значимые** словообразовательные категории. Как было показано в статье выше, модальная модификация имён существительных в речи обусловлена коммуникативной установкой говорящего и направлена на референт или концепт производящего слова, поэтому модальное *модификационное* словообразование имён существительных является **коммуникативно значимым**. А модальная мутация

производящей базы связана со словотворчеством, со сферой номинации и направлена на денотат или сигнификат исходной семантической единицы, поэтому модальное мутационное словообразование имён существительных является **номинативно значимым**.

Соотношение модальных типов словообразования имён существительных с семиотическими типами модальных преобразований содержания производящего слова отражены в следующей таблице.

Семиотические и словообразовательные типы модального преобразования предметной номинации

№ пп.	Семиотические компоненты со- ддержания суще- ствительного	Типы словообразо- вания	Типы словообразо- вательных категорий	Примеры
1.	P – D – C – K *	Модификаци- онное слово- образование	Коммуника- тивно значимая СК	Ненанесение, непечат- ание, непризнание, непоэт, неамериканец, неевропеец лжемузей, лжепамятник, Лже- Дмитрий, Лже-Напо- леон
2.	P – D – C – K *	Мутационное словообразо- вание	Номинативно значимая СК	Полушёлк, полу- шерсть, полубархат, полусапожки, полуке- ды, лжеакация, лже- кувшинка, лжелисти- венница, антивеще- ство, антипротон
3.	P – D – C – K *	Модификаци- онное слово- образование	Номинативно значимая СК	антифашист, анти- коммунист, анти- антаглобалист, парап- лизм, парасихоло- гия
4.	P – D – C – K *	Модификаци- онное слово- образование	Коммуника- тивно значимая СК	Лженакука, квазимар- ксист, квазисемья, псевдопатриот, псев- доэзита, антиэзита, псевдонакука

Условные обозначения:

Р – референт слова;

Д – денотат лексического значения слова;

С – сигнификат лексического значения слова;

К – концепт слова.

* – звёздочкой отмечен компонент, который подвергся модальному преобразованию.

Литература

- Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // Лексикографический сб. Вып. 5. – М., 1962.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
- Архиеп. Иоанн (Шаховской). Избранное. – Петрозаводск, 1992.
- Бандуровский К. В. Случайные связи // Вопросы философии. – 2005. – № 12.
- Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. – М., 2002.
- Вальков К. И. Геометрические аспекты принципа инвариантной неопределенности. – Л., 1975.
- Вальков К. И. Русский язык – Алгол // Вопросы геометрического моделирования. Межвузовский тематический сборник трудов. – Л., 1981.
- Вальков К. И. Тиария понятий // Ленинградская панорама. – 1990.
- Вальков К. И. В сумерках полузнания // Священник Александр Захаров, д. т. н., проф. Кирилл Вальков. У порога вечности. – СПб., 1999.
- Вальков К. И. Границы научного познания. – СПб., 2002.
- Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект): Учебное пособие. – Калининград, 1993.
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. – Т. 2. – М.; Л., 1950.
- Геометрические модели и алгоритмы. Межвузовский тематический сб. трудов / Научн. ред. К. И. Вальков. – Л.: ЛИСИ, 1983–1988.
- Голанова Е. И. Об одном типе препозитивных единиц в современном русском языке (на материале имён существительных с префиксами *квази*-, *лже*-, *псевдо*-) // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова / Отв. ред. Е. А. Земская. – М., 1975.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1983.
- Клобуков Е. В. Падеж и модальность // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – М., 1984.
- Колесов В. В. Философия русского слова. – СПб., 2002.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
- Кудрявцева И. Г. Эволюция процессов морфемообразования и словообразования в системе субстантивной префиксации (на материале препозитивного компонента *псевдо*-) // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. Материалы Всероссийской Академической школы-семинара. – СПб., 2005.
- Кутырев В. А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. – № 12. – 2005.
- Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск, 1990.
- Ницше Ф. Воля к власти. – М., 2005.
- Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительных и прилагательных / Под ред. В. В. Виноградова. – М., 1964.
- Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1. – М., 1980.
- Святитель Игнатий Брянчанинов. Собрание писем Святителя Игната Брянчанинова. – СПб., 1995.
- Семёнова Н. А. Модальность фразеологических единиц в языке и тексте // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции – М., 1999.
- Смольников С. Н. Деминутивные и субъективно-оценочные имена в историческом словаре // Межкафедральный Словарный Кабинет имени проф. Б. А. Ларина / Отв. ред.

А. С. Герд, И. С. Лутовинова. XL. Сборник статей. – Изд-во С.-Петербургского университета, 2004.

Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. – СПб., 2005.

Степанов Ю. С. Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2001.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1990.

Хамидуллина Е. Э. Имена существительные и прилагательные с префиксами сверх-, супер-, ультра-, архи-, экстра-, гипер-. Семантика и функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т рус. яз. РАН. – М., 1995.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивирующих слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. – М., 1977.

Эпштейн М. Философия возможного: модальность в мышлении и культуре. – СПб., 2001.

Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М., 2004.

Яцкевич Л. Г. Лингвистические аспекты принципа инвариантной неопределенности // Вопросы геометрического моделирования: Межвузовский тематический сб. трудов / Научн. ред. К. И. Вальков. – Л.: ЛИСИ, 1981.

Яцкевич Л. Г. Функциональная морфология русского языка: Учебное пособие по спецкурсу для студентов специальности «Русский язык и литература». – Минск: БГУ, 1989.

Яцкевич Л. Г. Префиксы с модальными значениями в словообразовательной системе диалектных имен существительных // Региональные особенности восточнославянских языков. Тезисы докладов и сообщений IV республиканской конференции. – Гомель, 1990.

Яцкевич Л. Г. Система модификационных значений препозитивных морфем русских имен существительных // Вестнік Беларускага дзярж. ун-та імя У. І. Леніна. – Серыя 4. Філалогія – № 1 (красавік). – 1991.

Яцкевич Л. Г. Словообразование // Морфемика и словообразование русского языка / Под ред. Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2002.

Условные сокращения

АБ – А. Блок. О литературе. – М., 1980.

ВФ – журнал «Вопросы философии».

М – журнал «Москва».

НГ – «Независимая газета».

НМ – журнал «Новый мир».

НС – журнал «Наш современник».

ОС – Орфографический словарь русского языка. – Изд. 9-е. – М., 1969.

СИС – Словарь иностранных слов. – 12-е изд., стереотип. – М., 1985.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984.

МУТАЦИОННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С МОДАЛЬНЫМИ ПРЕФИКСАМИ В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей словообразования префиксальных имен существительных мутационного типа. В отечественной лингвистике исследования по разграничению мутационных и модификационных словообразовательных типов проводились рядом ученых (Ю. С. Азарх, Л. А. Вараксин, В. Голов, О. М. Соколов, З. Скоумалова, М. А. Шелякин, Л. Г. Яцкевич), однако на материале имен существительных с модальными префиксами и префиксOIDами, по нашим данным, подобное разграничение не рассматривалось. Исключение составляет статья Л. Г. Яцкевич, помещенная в данном сборнике. В упомянутой статье данный вопрос рассматривается в семиотическом аспекте.

Модификационный и мутационный типы словообразования имеют ряд характерных отличий. Как известно, при мутационном словообразовании создается новое производное слово с качественно новым лексическим значением, имеющим иную, по сравнению со значением производящего слова, предметно-логическую отнесенность. Этим самым мутационные типы производных имен существительных, образованных с помощью модальных префиксов, существенно отличаются от производных модификационного типа, в составе которых модальные префиксы и префиксOIDы не изменяют предметно-логического содержания производящего слова, а являются его модальными модификаторами, т.е. привносят только дополнительное модальное значение.

На наш взгляд, подобное разграничение типов модального словообразования существительных также необходимо, так как производные существительные модификационного и мутационного типов имеют разную сферу функционирования, их образование преследует разные цели, и они могут быть выявлены в разных типах источников. Однако авторы раздела «Словообразование» «РГ–80» все производные имена существительные, образованные посредством модальных префиксов и префиксOIDов, относят только к модификационному типу словообразования: *антициклон* и *антиискусство*, *сверхприбыль* и *сверхподлец*, *неудача* и *неулыбка*, *антитезис* и *антикрасота*, *сверхпроводник* и *сверхшипион* [4: 227–231; 265]. Нам представляется, что в одних словах, указанных в «Русской грамматике», префиксы выполняют модификационную словообразовательную функцию (*антиискусство*, *сверхподлец*, *антикрасота*, *сверхшипион*, *неулыбка*), а в других – мутационную (*антициклон*, *неудача*, *сверхпроводник*, *сверх-*

прибыль). Для доказательства правильности выдвинутого предположения обратимся к анализу лексических и словообразовательных значений производных существительных рассматриваемого типа.

Если в случае мутационного словообразования создается новое производное слово с качественно новым лексическим значением (см. указанные выше примеры, а также: невроз 'группа распространенных пограничных нервно-психических расстройств, психогенных по природе' → псевдоневроз 'невротические состояния, возникающие при различных соматических, органических инфекционно-токсических и подобных им заболеваниях' (СПП: 412, 562) – это термины – названия разных заболеваний), то при реализации модификационного словообразования предметно-логическое содержание производящего слова не изменяется, а всего лишь привносится дополнительное модальное значение: «*В массиве информации, функционирующей в сети Интернет, есть все – и грезы, и знание, и псевдознание*» (ВФ, 2003, № 12).

Модификационные значения модальных существительных отличаются от модальных мутационных словообразовательных значений также тем, что они носят коммуникативно обусловленный характер – выражают интенцию говорящего, связанную с субъективной эмоционально-экспрессивной оценкой объекта номинации: «*Каким надо быть одержимым и изворотливым супернегодяем!*» (Ст.М. 1988, № 6). Еще одно различие связано с тем, что модификационные типы производных пополняют эмоционально-экспрессивные средства публистики (в силу «полифоничности» и экспрессивности ее текстов), а мутационный тип характерен для терминологической лексики, цель появления которой – создание новых номинативных единиц, называющих новые научные объекты и понятия. Соответственно при рассмотрении функционирования производных имен существительных мутационного типа мы опирались как на данные обследования лексикографических источников (а именно: терминосистем различных отраслей знаний), так и на материал картотеки, составленной по данным обследования текстов научных и научно-популярных журналов.

Термины, с помощью которых общаются специалисты конкретной области знания, представляют собой «особые когнитивные структуры – фреймы, требующие соответствующего поведения» [6: 95]. «Прозрачность» значения термина (или терминоэлемента) есть залог успешного акта коммуникации в профессиональной среде. По мнению М. И. Фоминой, «их смысловая сущность обязательно должна отражать тот объем информации, ту сумму научных знаний, которые помогают раскрыть содержание понятия» [8: 217]. Семантическая сущность и специфика термина заключаются в «характере его значения, которое устанавливается в процессе сознательной, преднамеренной договоренности и в пределах данной терминологической системы является

прямым, номинативным, синтаксически или конструктивно ничем не обусловленным» [8: 217]. В то же время в терминоведческих исследованиях подчеркивается сложная (неоднородная, многослойная) структура термина, поскольку терминология какой-либо дисциплины представляет собой не простую совокупность слов (или словосочетаний), а определенную систему терминов, соответствующую системе понятий, изучаемых в данной дисциплине: «Никакое понятие не может рассматриваться само по себе, изолированно от других, находящихся с ним в определенной связи, непосредственно классификационной или какой-либо иной» [5: 53]. «Соответственно и каждый термин нельзя образовать изолированно, самостоятельно, основываясь только на понятии, которое он призван выражать. При построении термина необходимо учитывать принципы, положенные в основу создания родственных ему терминов» [5: 53]. Также следует отметить тот факт, что терминологическое словообразование – процесс всегда сознательный (а не стихийный, как в обиходном языке). Сознательное участие в создании терминов дает возможность внедрять в отраслевые терминологии специализированные по значению словообразовательные морфемы, которые позволяют связать определенную классификационную систему понятий с определенной системой языковых средств выражения этих понятий, т.е. «акт терминологического словообразования находится в теснейшей зависимости от классификации понятий» [2: 95]. Таким образом, каждый вновь создаваемый термин включается в специфические отношения внутри терминосистемы (Ср.: *гиперграф* ‘обобщение понятия графа’ ← *граф* ‘множество V вершин и набор E неупорядоченных и упорядоченных пар вершин’). В данном случае препозитивный компонент *гипер-* выражает значение *над-*, а не *сверх-*.

Далее рассматриваются особенности словообразовательных функций препозитивных компонентов с модальными значениями при образовании номинаций математической терминосистемы.

В составе математических терминов модальные препозитивные компоненты встречаются в следующих номинативных классах имен существительных: математические процессы, преобразования, операции (антидвижение, антиизоморфизм, квазилинеаризация, квазирешение), свойства (квазихарактер, псевдовыпуклость, псевдовогнутость), математические отношения, функции и системы (антисимметричность, гиперграф, квазигруппа, квазинорма, квазитождество, псевдогруппа, псевдометрика), математические величины (псевдоскаляр), геометрические объекты, координаты, векторы, модели (антипараллелограмм, антиподера, антипризма, гиперповерхность, гиперпространство, гиперсфера, квазимногообразие, псевдовектор, псевдомногообразие).

В словообразовательной структуре производных математических терминов реализуются не только **общязыковые инвариантные** значения модальных префиксов, но и формируются **частные вариантические** значения, обусловленные семантикой производящих терминов, внутренним синтагматическим контекстом производных терминов, а также в целом парадигматическим контекстом математической терминосистемы, который формирует специфическую семантику её элементов.

При определении частных значений префиксов мы использовали метод компонентного анализа на базе лексикографического толкования математических терминов в справочниках и словарях. Однако следует заметить, что в этих толкованиях энциклопедического типа семантика префиксов, как правило, не структурирована, что создаёт дополнительные трудности при её изучении. Методика нашего анализа заключается в том, что в содержании энциклопедических толкований терминов мы выделяли компоненты, которые помогают реконструировать словообразовательную семантику префикса. В одних случаях эти компоненты напрямую соотносятся с их семантикой, в других – лишь косвенно. В результате такого анализа было установлено, что семантика модальных префиксов значительно преобразуется по сравнению с теми их инвариантными значениями, которые даны в толковых словарях в основном с опорой на этимологию этих префиксов и на особенности их функционирования в сфере общеупотребительной лексики.

Ниже приводятся результаты семантического анализа частных словообразовательных значений некоторых модальных префиксов в структуре математических терминов.

Префикс *анти-*

Значение префикса *анти-* в толковом словаре определяется следующим образом: 'употребляется для выражения противоположности, враждебности чему-л., направленности против чего-л.' (МАС, I: 39). В математической терминологии этот префикс образует производные слова пяти словообразовательных типов, и только в одном из них (1 тип) он семантически близок к данному выше определению, а в остальных случаях его частные значения значительно отстоят от него.

1. 'Отношение → **противоположное** ему отношение'. Например: симметричность 'свойство бинарных отношений, выражающее независимость выполнимости отношения для какой-либо пары объектов от порядка, в котором эти объекты входят в пару' (МЭС: 541) → **антисимметричность** 'антисимметричное отношение' (МЭС: 75).

2. 'Действительные величины → **мнимые величины**' (оба слова здесь употребляются в математическом смысле как термины), характеризующие математические процессы, преобразования, свойства'.

Например: *движение* 'преобразование пространства, сохраняющее геометрические свойства фигур (размеры, форму и др.)' (МЭ: 2–20) → *антидвижение* 'преобразование псевдоевклидова пространства, переводящее точки, отстоящие друг от друга на *действительном* расстоянии *A*, в точки, находящиеся на чисто *мнимом* расстоянии *A'* (МЭ: 1–292).

3. 'Отношение между объектами или системами объектов → **отображение** (в математическом смысле) этого отношения в иной системе объектов'. Например: *изоморфизм* 'соответствие (отношение) между объектами или системами объектов, выражающее в некотором смысле тождество их строения' (МЭ: 2–511) → *антиизоморфизм* 'отображение «пси» кольца *A* в кольцо *B*, являющееся изоморфизмом аддитивной группы кольца *A* на аддитивную группу кольца *B*' (МЭ: 1–292).

4. 'Объект или система объектов → **зеркальное представление** этого объекта или системы объектов'. Например: *подера кривой I относительно точки O* 'множество оснований перпендикуляров, опущенных из точки *O* на касательные к кривой *I*' (МЭ: 4–370) → *антиподера линии I относительно точки O* 'линия, подера которой относительно точки *O* есть линия *I*' (МЭС: 75).

5. 'Объект → **частично тождественный** ему другой объект'. Например: *параллелограмм* 'плоский четырехугольник, у которого все противоположные стороны попарно равны и параллельны' (МЭ: 4–205) – *антипараллелограмм* 'плоский четырехугольник, у которого все противоположные стороны попарно равны и антипараллельны относительно других сторон' (МЭ: 1–296); *призма* 'многогранник, у которого две грани суть п-угольники (основания призмы), а остальные *n* граней (боковых) – параллелограммы' (МЭ: 4–633) – *антипризма* 'полуправильный многогранник, у которого две параллельные грани – равные между собой правильные *n*-угольники, а остальные *2n* граней – правильные треугольники' (МЭ: 1–297).

Префикс гипер-

В толковом словаре указано такое значение этого префикса: 'приставка, употребляющаяся для указания на превышение какой-л. нормы' (МАС, I: 310). В математической терминосистеме этот префикс имеет специфические частные значения – две функциональные новидности, обусловленные разным парадигматическим контекстом.

1. 'Математическое понятие → **обобщение** (в математическом смысле) подобных математических понятий'. Например: *граф* 'множество *V* вершин и набор *E* упорядоченных пар вершин' (МЭ: 1–1105) → *гиперграф* 'обобщение понятия графа' (МЭ: 1–1006).

2. 'Геометрический объект → **обобщение** (в геометрическом смысле) подобных объектов – проективная модель'. Например: *поверх-*

ность 'одно из основных понятий геометрии. Двумерное многообразие (в топологии). В трехмерном пространстве – гомоморфизм квадрата в E^3 ' (МЭ: 4–702) → гиперповерхность 'обобщение понятия обычной поверхности трехмерного пространства на случай п-мерного пространства' (МЭ: 1–1008); пространство 'логически мыслимая форма (или структура), служащая средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции' (МЭ: 4–712) → гиперпространство 'пространство, точками которого являются элементы некоторого семейства подмножеств пространства X с той или иной топологией' (МЭ: 1–1009); сфера 'множество S^n точек x евклидова пространства, находящихся от некоторой точки O (центра сферы) на постоянном расстоянии R (радиус сферы)' (МЭ: 5–287) → гиперсфера 'разновидность гиперповерхности, задаваемая уравнением $X_1^2+X_2^2+\dots+X_n^2-1=0$ ' (МЭ: 157)'.

Префикс *квази-*

В толковом словаре этот префикс определяется так: 'первая часть сложных слов, соответствующая по значению словам: *мнимый, ненастоящий*' (МАС, II: 43).

1. 'Действительные величины → **мнимые** величины (оба слова здесь употребляются в математическом смысле как термины), характеризующие математические процессы, преобразования, свойства'. Например: *характер представления π группы G* 'в случае конечномерного представления функция $X\pi$ на группе G определяемая функцией $X\pi(g)=t\pi(g)$, $g \in G$ ' (МЭ: 5–749) → *квазихарактер* 'непрерывный гомоморфизм C абелевой топологической группы G в мультиплективную группу комплексных чисел' (МЭ: 2–826). Примечание: употребляемое в толковании этих терминов понятие *комплексное число* включает в себя *действительные и мнимые* числа.

2. 'Математическая операция или её результат → **обобщение** (в математическом смысле) операций, которые приводят к *мнимому* результату, *истинному* только при определённых условиях'. Например: *решение 'исход (или множество исходов), удовлетворяющий принятому в данной модели принципу оптимальности'* (МЭ: 4–979) → *квазирешение 'обобщенное решение некорректных задач, которое (при достаточно общих условиях), в отличие от истинного решения, удовлетворяет условиям корректности по Адамару'* (МЭ: 2–821).

3. 'Математическое понятие → **обобщение** (в математическом смысле) подобных математических понятий'. Например: *группа 'один из основных типов алгебраических систем. Теория группы изучает свойства алгебраических операций'* (МЭ: 1–1138) → *квазигруппа 'естественное обобщение понятия группы'* (МЭ: 2–802); *тождество 'частный случай квазитождества'* (МЭ: 5–357) → *квазитождество 'условное тождество'* (МЭ: 2–825).

4. 'Математическое понятие → **подобное** ему при определённых **условиях** математическое понятие'. Например: норма 'отображение $x \rightarrow \|x\|$ векторного пространства x над полем действительных или комплексных чисел в совокупность действительных чисел, подчиняющуюся условиям $\|x\| \geq 0$, причем $\|x\|=0$ только при $x=0'$ (МЭ: 3–1047) → квазинорма 'неотрицательная функция $\|x\|$, определенная на линейном пространстве K и удовлетворяющая тем же аксиомам, что и норма, кроме аксиомы сложения $\|x+y\| \leq \|x\| + \|y\|'$ (МЭ: 2–818).

Предфикс псевдо-

В толковом словаре этот префикс характеризуется так: 'первая составная часть сложных слов, обозначающая: ложный, мнимый' (МАС, III: 553). В математической терминосистеме он имеет несколько частных словообразовательных значений.

1. 'Действительные величины → **мнимые** величины (оба слова здесь употребляются в математическом смысле как термины), характеризующие математические процессы, преобразования, свойства'. Например: выпуклость 'термин, используемый в разных разделах математики и указывающий на свойства, обобщающие отдельные свойства выпуклых множеств в Евклидовых пространствах' (МЭ: 1–799) → псевдовыпуклость и псевдовогнутость 'свойства областей в комплексных пространствах, а также комплексных пространств и функций на них, аналогичные свойствам выпуклых и вогнутых областей и функций в пространстве R' (МЭ: 4–728).

2. 'Математическая величина, система → **частично подобная** ей иная математическая величина, система'. Например: группа 'один из основных типов алгебраических систем. Теория группы изучает свойства алгебраических операций' (МЭ: 1–1138) → псевдогруппа 'семейство диффеоморфизмов открытых подмножеств многообразия M в M , замкнутое относительно композиции отображений, перехода к обратному отображению, а также сужения и склейки отображений' (МЭ: 4–730); метрика – расстояние на множестве x 'определенная на декартовом произведении $x \times x$ функция P с неотрицательными действительными значениями, удовлетворяющая при любых $x, y \in X$ определенным условиям' (МЭ: 3–658) → псевдометрика 'неотрицательная действительная функция P , определенная на множестве всех пар элементов множества X' (МЭ: 4–740); скаляр 'величина, каждое значение которой может быть выражено одним действительным числом. В общем случае скаляр – элемент некоторого поля' (МЭ: 4–743) → псевдоскаляр 'величина, не изменяющаяся при переносе и повороте координатных осей, но изменяющая свой знак при замене направления каждой оси на противоположное' (МЭ: 4–1197).

Таким образом, словообразовательные значения модальных префиксов в математической терминосистеме также терминологизируют-

ся, так как их семантика неотделима от внутрисловного и парадигматического контекста терминов. Это приводит к утрате ими автосемантии, они становятся синсемантическими в структуре математического термина. Эта особенность значительно отличает их от соответствующих модальных префиксов, выполняющих модификационную словообразовательную функцию в публицистическом стиле.

Далее в таблице приводятся рассмотренные выше частные значения префиксов в составе математических терминов.

Таблица 1

Префиксы и префиксoids	Частные словообразовательные значения префиксов и префиксoids									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Анти-</i>	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
<i>Гипер-</i>	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
<i>Квази-</i>	-	+	-	-	-	+	-	+	+	-
<i>Псевдо-</i>	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+

Условные обозначения в таблице

1. 'Отношение → противоположное ему отношение'.
2. 'Действительные величины → **мнимые величины**'.
3. 'Отношение между объектами или системами объектов → отображение (в математическом смысле) этого отношения в иной системе объектов'.
4. 'Объект или система объектов → зеркальное представление этого объекта или системы объектов'.
5. 'Объект → частично тождественный ему другой объект'.
6. 'Математическое понятие → обобщение (в математическом смысле) подобных математических понятий'.
7. 'Геометрический объект → обобщение (в геометрическом смысле) подобных объектов – проективная модель'.
8. 'Математические операции или её результат → обобщение (в математическом смысле) операций, которые приводят к **мнимому результату, истинному только при определённых условиях**'.
9. 'Математическое понятие → подобное ему при определённых условиях математическое понятие'.
10. 'Математическая величина, система → частично подобная ей иная математическая величина, система'.

Отметим, что при образовании математических терминов функции модальных префиксов носят реляционный характер. С одной стороны, они играют важную роль в формировании новых терминологических понятий и их номинации. С другой стороны, реализация самостоятельной семантики префиксов минимальна: в содержание лексического значения производных терминов они включаются только в качестве реляционного модального компонента, связующего производное терминологическое понятие с исходным понятием и указывающего на иной модус его существования в данной терминосистеме.

Таким образом, модальные префиксы мутационного словообразовательного типа активно участвуют в создании математической терминосистемы.

Литература

1. Азарх Ю. С. О связи словообразования с морфологическими категориями // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1982.
2. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977.
3. Исследования по русской терминологии / Отв. ред. В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1971.
4. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словообразование // Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1.
5. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминозлементов. – М.: Наука, 1982.
6. Мишланова С. Л. Терминоведение XXI века: история, направления, перспективы // Филологические науки. – 2003. – № 2.
7. Современные проблемы русской терминологии / Отв. ред. В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1986.
8. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 2001.
9. Шурыгин Н. А. Филологические термины межсистемного функционирования // Филологические науки. – 1998. – № 5–6.
10. Юшманов Н. В. Элементы международной терминологии: Словарь-справочник. – М.: Наука, 1968.
11. Яцкевич Л. Г. Словообразование // Морфемика и словообразование русского языка / Отв. ред. Яцкевич Л. Г. – Вологда: «Русь», 2004.

Условные сокращения

Словари и справочники

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.
2. МАС – Словарь русского языка: В 4-х тт. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – М., 1985 – 1987.
3. МЭС – Математический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ю. В. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.
4. МЭ – Математическая энциклопедия: В 4-х тт. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
5. СПП – Справочник практического психолога. – М., 2004.

Тексты

- Ст. М. – Студенческий меридиан. – 1998. – № 6.
ВФ – Вопросы философии. – 2003. – № 12.

О ДИАЛОГИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ ЦЕРКОВНО-ПРОПОВЕДНИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Особое внимание исследователей привлекает проблема определения специфики диалогичности церковно-проповеднических текстов. Признание диалогичности любого текста встречается еще в античности, в риторике Аристотеля, получает завершение у М. М. Бахтина. Диалогические отношения, согласно М. М. Бахтину, – понятие более широкого плана, нежели диалогическая речь, в узком смысле понимаемая как взаимное общение, при котором активность и пассивность переходят от одного участника коммуникации к другому, а наиболее благоприятной является атмосфера нравственного равенства говорящих [Бахтин: 321].

Проповедь как жанр церковно-проповеднического стиля обладает всем набором признаков монолога: 1) длительная форма воздействия на адресата; 2) связность, построенность, композиционная сложность; 3) односторонний характер высказывания, не рассчитанный на немедленную реплику адресата; 4) наличие заданности, предварительного обдумывания [Якубинский: 25].

Существуют проповеднические тексты-диалоги как композиционные формы речи, например катехизические «Вопросы преподобного Дорофея и ответы, данные на них святыми старцами Варсонуфием великим и Иоанном пророком» (Дорофей: 211–268). Если у аввы Дорофея диалог представлен в вопросно-ответной форме, то свт. Игнатий разнообразит диалогическое общение, привносит в него элемент дискуссии (ср. реплику ученика: «Суждение старца Серафима представляется мне слишком строгим» – и ответную реплику его собеседника старца: «Оно представляется таким только при поверхностном взгляде на него...») (Игнатий 1:204). У свт. Игнатия тексты-диалоги обозначены в заглавии жанрами беседы, разговора, совещания: «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником (в 3 отделах)» (Игнатий 1:203–296); «О смирении. Разговор между старцем и учеником его» (Игнатий 1:304–318); «О монашестве. Разговор между православными христианами, мирянином и монахом» (Игнатий: 1:453–495); «Совещание души с умом» (Игнатий 2:109–118). От диалога в узком смысле слова следует отличать диалогические отношения, возникающие в монологическом тексте.

Любая проповедь, по количеству активных участников речи представляющая собой монолог, отмечена диалогичностью в широком смысле. А. К. Михальская признает проповедь монологичной только «по форме», указывает на приемы и средства диалогизации («слова

высоких духовных авторитетов – святых отцов, учителей и наставников... и голос самого оратора» [Михальская: 65–66]). Для О. А. Прохватиловой признак диалогичности является доминирующим в проповеди [Прохватилова 1998, 1999]. По мнению О. Т. Лойко, вся «христианская культура в наибольшей степени диалогична и дихотомична» [Лойко: 51].

С другой точки зрения, «проповедующий голос по природе своей монологичен» [Аверинцев: 223]. Полнотью отрицает диалогичность в текстах церковно-проповеднического стиля А. А. Ильин. Говоря об отсутствии в проповеди диалога, А. А. Ильин подразумевает под последним прежде всего диалог, представляющий собой конфликтный тип семантического взаимодействия авторской и чужой речи в монологическом контексте с несовпадением точек зрения говорящего и субъекта цитируемой речи [Ильин: 16] (ср.: противоположная точка зрения: «Нельзя... понимать диалогические отношения упрощенно и односторонне, сводя их к противоречию, борьбе, спору, несогласию. Согласие – одна из важнейших форм диалогических отношений» [Бахтин: 321]). Таким образом, о категории диалогичности в проповеди существуют две точки зрения.

Предположительно, диалогические отношения в широком понимании в проповеди могут возникать на нескольких коммуникативных уровнях (КУ), каждому из которых соответствуют определенные коммуникативные модели, представляющие участников речевого акта.

1. Собственно нарративный уровень (НКУ), или внутритекстовый. На этом уровне обе стороны коммуникации представлены эксплицитно. Здесь коммуникация возможна в разных концептуальных системах:
 - человека с Богом. Этому уровню соответствует коммуникативная модель (КМ): Он/оны – Бог;
 - человека с человеком – уровень, которому соответствуют две КМ:
 - 1) конвергентная КМ: Он/оны (+) – он/оны (+), Он/оны (-) – он/оны (-);
 - 2) конфликтная КМ: Он/оны (+) – он/оны (-);
 - человека со своими мыслями: состоит из реплик, называемых в святоотеческой литературе «греховными помыслами», обращённость которых имеет внутренний характер, они направлены на диалог в душе человека (коммуникация, ведущая к конфликту на 2 уровне); соответствующая КМ: Он (некий человек, в том числе адресат) – греховный помысл (Игнатий 2:86), Я (автор) – греховный помысл; а также диалог других персонифицированных составных частей человека, например души и ума («Совещание души с умом» (Игнатий 1:109–118)).

Примером коммуникации человека с Богом может служить такой отрывок: «Пилат обиделся Христовым молчанием, которое ему показалось гордым. «Мне ли, – сказал он, – не отвечаешь? Или не зна-

ешь, что я имею власть отпустить тебя и власть распять тебя?» (Игнатий 1:540). Этот модальный вопрос Пилата, обращённый к Иисусу Христу, служит раскрытию христианского понятия смиренномудрия. Свт. Игнатий переводит евангельский отрывок с книжного церковно-славянского языка на русский (ср. в Евангелии: «Мне ли не глаголеши; не веси ли, яко власть имам распятии тя, и власть имам пустити тя» (Ин. 19:10)). В проповеди вопрос с или, следующий за речевым актом, косвенно выражающим упрек и требование ответа, сигнализирует о том, что Пилат ожидает отказ в ответе со стороны адресата (Иисуса Христа). Евангельский ответ Иисуса Христа в проповеди пропозицируется и интерпретируется: «Господь объяснил свое молчание явлением воли Божией...»; затем делается вывод, в котором понятие смирения, не заявленное специально в вопросительном предложении, раскрывается: «Пилат от собственной гордости был не способен понять, что ему предстояло всесовершенное смирение: вочеловечившийся Бог» (Игнатий 1:540).

Рассмотрим пример коммуникации человека с человеком: «Что значит веровать? – спросили одного великого угодника Божия. Он отвечал: «Веровать – значит пребывать в смиреннии и милости» (Игнатий 1:539). Этот частичный диктальный вопрос и ответ на него с коммуникативным центром веровать включены в нарративную ситуацию, однако отсутствие указателей на конкретных участников речевого акта (неопределенно-личная форма 3 л. мн. ч. спросили, а также замена имени собственного (авва Пимен Великий) описательной характеристикой в положительном плане с функцией авторитаризации («одного великого угодника Божия») указывают на важность этого вопроса в нравоучительном плане для всех и служат цели поучения проповедником своей паствы (ср.: подобная модель диалога со св. Исааком Сирским: «Что значит чистое сердце?» – спросили одного великого наставника иночествующих. Он отвечал: «Сердце по подобию Божества движимое безмерным чувством милости ко всем созданиям» (Игнатий 1:520)).

2. Уровень, свойственный неканонической речевой ситуации, отражает диалогические отношения на внешнетекстовом уровне (ВКУ):

- между автором и адресатом проповеди. КМ: Автор – адресат; Я – Ты/вы;
- между проповедником и носителями чужого голоса, чужой точки зрения. На этом уровне, по мнению некоторых исследователей, формируется полифония, основанная на прямых указаниях чужих мнений и неявных заимствованиях из Священного Писания и святоотеческих произведений (Баженова-Рагрина: 72, Бахтин: 321). Соответствующие этому уровню КМ: Я – они (-), Я – ты (-), Я – они (+), Я – он (+).

Одним из примеров коммуникации на этом уровне могут служить следующие вопросно-ответные единства, вопросительные предложения которых могут быть заданы только от лица автора проповеди ее адресату и представляют собой условное утверждение, которое требует после себя побудительный речевой акт: «Хочешь ли усвоиться Богу молитвою? – Усвой сердцу милость» (Игнатий 1:161); «Хочешь ли переносить скорби с легкостью и удобством? – Смерть за Христа да будет вожделенна тебе» (Игнатий 1:351, см. также 1:318). Вопросы других вопросно-ответных единств являются гипотетическими вопросами адресата: «Научись молиться от всего помышления твоего, от всей души твоей, от всей крепости твоей. Спросишь: что это значит? – Этого нельзя иначе узнать, как опытом. ... Внимательная молитва доставит тебе разрешение вопроса блаженным опытом» (Игнатий 1:148). Здесь полный диктальный вопрос остается без ответа, является неразрешимым в понятийной сфере, тем самым углубляет поучительную и побудительную функции (поучение о внимательной молитве и побуждение к ней). Предположительно, все вопросы типа «что значит ... ?» обращены не к собеседнику, а задаются от собеседника («Что такое чистота? Это добродетель, противоположная блудной страсти» (Игнатий 1:331)). Такие вопросы представляют собой предполагаемую реакцию адресата на предшествующие высказывания. Вопросно-ответные единства создают «двухагентную ситуацию» общения [Арутюнова: 356], адресат речи осознается как реальный конкретный участник речевой коммуникации.

Однако в проповеди свт. Игнтия нередко можно встретить и контексты, отражающие своеобразие коммуникативной ситуации богословской проповеди, которая отличается от церковной. Часто свт. Игнатий размышляет в проповеди: его вопросы обращены не к мыслимому адресату, а к объекту мысли и отражают актуальное членение внутреннего монолога и предикативный характер нашей внутренней мысли. Так, например, многие вопросы являются косвенными речевыми актами, выполняющими интродуктивную функцию, служа не для запроса информации об осведомленности адресата, а предваряют новую информацию, которую хочет сообщить проповедник: «Что же мы увидим, братия, в нашей душевной клети, когда осветит ее Божественный свет? – Мы увидим безчисленное множество наших согрешений...» (Игнатий 4:283); «Какое первое ощущение является в душе от исполнения евангельских заповедей? – нищета духа...» (Игнатий 1:518, ср. также: 1: 505, 526, 527; 2: 68).

3. Автокоммуникативный уровень (АКУ) представляет диалог автора проповеди с самим собой; КМ: Я–Я. По мнению Ю. М. Лотмана, такая модель наиболее последовательно представлена «не в искусстве, а в моралистических и религиозных текстах» [Лотман: 39].

Для этого уровня характерно слияние субъекта и адресата речи, например в следующем вопросно-ответном единстве: «*К кому обращаюсь с заключением этого убогого Слова? Слово служит обличением моих собственных недостатков, и потому обращаюсь с увещанием, которым обыкновенно оканчивается всякое Слово, к самому себе...*» (Игнатий 2:411). Вопросы к самому себе могут маркироваться местоимением 2 л. ед.ч.: «*За что, за что ты отвергнут?*» (Игнатий 1:299). В этом употреблении значение адресатности у местоимения *ты* теряет свое прямое назначение выражения отношения действия к конкретному собеседнику [Виноградов 1972:365], приобретая «реальную или потенциальную отнесенность к любому лицу, в том числе и к отправителю речи» [Химик: 54]. Некоторые вопросы связаны с само-рефлексией проповедника: «*Что же вижу я в себе? Вижу грех...*», «*Куда еще несешься мысль моя?*» (Игнатий 1:384). Личное местоимение 1 л. ед. ч. и притяжательное местоимение *мой* создают в проповеди особый дейксис – не ориентационно-дистантный, демонстративный, а коммуникативно-ролевой, позволяющий относиться данным высказываниям не только к говорящему, но и к адресату.

Уровень автокоммуникации обнаруживает сходство с внутренней речью: известность говорящему предмета речи и неназывание его, слияние субъекта и адресата речи, вместе с тем автор одновременно отправляет сообщение неопределенно широкому кругу адресатов [Бескровная: 88]. Автокоммуникация проповеднического текста существенно отличается от автокоммуникации текста художественного. «Автодиалог» текста художественного – это «речь для себя», где другой «нужен лишь как посредник в общении с самим собой и миром» [Фатеева: 53]. Автокоммуникативный уровень в проповедническом тексте – это переходная ступень к диалогу с Богом. Если в художественном тексте реплики диалога «нейтрализуют коммуникативную границу между отправителем и адресатом, говорящим и слушающим», в результате чего создается «внутренняя речевая ситуация, в которой адресат становится не внешней, а внутренней категорией» [Там же: 54], в проповеднических текстах автор превалирует над своим адресатом. Создается некая метакоммуникативная модель «Я – Бог» как образец для молитвы. Цель высказываний на автокоммуникативном уровне – настроить адресата на сопереживание, при котором возникает автокоммуникация у читателя как отражение авторской коммуникации, заложенной в структуре текста [ср. Левин: 177].

4. Гиперкоммуникация (ГКУ) (термин О. Прохватиловой) – уровень, обычно представленный в молитвенном коммуникативном блоке; свойственная ему КМ: Я/Мы – Бог. В широком смысле этот уровень присущ любому тексту: кроме простого адресата, «автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего

нададресата (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в данном историческом времени... В разные эпохи и при разном миропонимании этот нададресат и его идеально верное ответное понимание принимают разные конкретные и идеологические выражения (Бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести)... Каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога» [Бахтин: 323]. Несомненно, что гиперкоммуникация православного дискурса имеет свою специфику.

Рассмотренные уровни не изолированы друг от друга: могут переходить один в другой. Чаще переход направлен к внешнетекстовому и гиперкоммуникативному уровням. Это оправдано главными функциями проповеди: воздействующей, функции побуждения к созерцанию божественных истин и обращению взора на свою душу, грех, и информативной, заключающейся в раскрытии божественных истин, а также специфическим свойством проповеди – молитвенностью.

Часто святитель Игнатий, вступая в гиперкоммуникацию, показывает необходимость образца молитвы. Вопросы могут формировать целые периоды. Так, проповеднический текст «Сети миродержца» построен на текстовом периоде.

1. НКУ+ГКУ. Основой периода является вопрос св. Антония к Богу: «*Увидев, что этих сетей безчисленное множество, с плачем вопросил он Господа: «Господи! Кто же может миновать эти сети и получить спасение?»*» (Игнатий 1:393).

2. АКУ+ГКУ. «*Погружаюсь задумчиво в разматывание сетей дьявола... Невольно повторяется во мне вопрос блаженного пустынножителя: "Господи! Кто же может избавиться этих сетей?"*» [Игнатий 1:393] – этот вопрос открывает повествовательные и описательные коммуникативные блоки о сетях дьявола.

3. ВКУ+АКУ. Вывод из предшествующих рассуждений: «*Вот слабое начертание сетей, разставленных миродержцем для уловления христиан. Начертание слабое, но едва ли оно не навело на вас, братья, справедливого ужаса, едва ли в душе вашей не родился вопрос: "Кто же может избежать этих сетей?"*» (Игнатий 1:395).

4. ВКУ+ГКУ. Обоснование вопроса к Богу: «*Справедлива была печаль блаженного Антония. Тем справедливее печаль христианина нынешних времен при зрении сетей дьявольских; основателен плачевный вопрос: "Господи! Кто же может миновать эти сети и получить спасение?"*» (Игнатий 1:396).

5. НКУ+ГКУ. Ответ Бога: «*На вопрос преподобного пустынножителя последовал от Господа ответ: «Смиренномудрие минует эти сети, и оне не могут даже прикоснуться к нему»* (Игнатий 1:396).

Этот фрагмент показывает, что один и тот же перифразируемый вопрос может задаваться на разных коммуникативных уровнях и каждый раз соответствовать гиперкоммуникации.

Как видим, коммуникативные уровни не представлены в чистом виде, но все же более характерным является их не смешение, а переход от одного к другому с целью поучения. Конечным пунктом перехода является молитва.

Диалогичность в проповеди тесно связана с категорией модальности, при этом диалогические отношения выражаются в высказываниях с разными видами модальности: и эпистемической, и деонтической, и алетической. Если высказывания с эпистемической модальностью чаще представлены вопросительными предложениями и вопросно-ответными единствами, то высказывания с деонтической и алетической модальностью – в высказываниях, содержащих разные способы выражения императива.

Пример взаимодействия категорий диалогичности и модальности, в частности модальности эпистемической, мы можем найти в «Лествице» преп. Иоанна Лествичника (Лествица: 164–165). Диаглизация фрагмента проповеди «Об искоренителе страстей, высочайшем смиренномудрии, бывающем в невидимом чувстве» помогает раскрыть понятие смиренномудрия. Этот фрагмент отчетливо ограничен кольцевой композицией диалогического сюжета, рамки которого содержат рассуждения с элементами апофатического богословия, утверждающего непостижимость Бога.

Вначале преп. Иоанн Лествичник говорит, что невозможно определить, что такое смиренномудрие, без его опытного познания, поэтому преп. Иоанн осуждает два типа речевых действий: информативный («Кто хотел бы чувственным словом изъяснить ощущение и действие любви Божией во всей точности, святого смиренномудрия») и дидактический («Кто думает одним сказанием своим просветить и научить не вкушивших сего самым делом»), отмечая, что они в самом начале ошибочны: «*Как последний* всеу риторствует, или, лучше сказать, пустословит: так и *первый*, будучи неопытен, сам не знает, о чем говорит, или сильно поруган тщеславием». В православном сознании существует некий концепт, основным вербализатором которого являются имена *смирение* и *смиренномудрие*. Определить же значения этих имен, соотношение с идеей, которую они выражают, через посредство других слов, имен, с точки зрения преп. Иоанна, невозможно: «*Никакое слово не может изъяснить его качество. Одну надпись имеет сие сокровище, надпись непостижимую, как свыше происходящую; и те, которые стараются истолковать ее словами, принимают на себя труд великого и бесконечного испытания. Надпись эта такова: святое смирение*» (ср. у свт. Игнатия: «Смирение

есть неизъяснимая благодать Божия, непостижимо постигаемая одним духовным ощущением души» (Игнатий 1: 316)).

Преп. Иоанн использует и такой прием риторической хрии, речи-рассуждения, как «противное». Для того чтобы его речь была максимально убедительной, он прибегает к соборному познанию, призывая святых людей дать словесное определение смирения: «Все, которые Духом Божиим водятся, да внидут с нами в сие духовное и премудрое собрание, неся в мысленных руках богоиспанные скрижали разума!». Далее следует диалог, реплики участников которого не противоречат одна другой, а, скорее, дополняют друг друга: «И мы сошлись, исследовали силу и значение честного оного надписания. Тогда один сказал, что смирение всегдашнее забвение своих исправлений. Другой сказал: смирение состоит в том, чтобы считать себя последнейшим и грешнейшим всех. Иной говорил, что смирение есть сознание умом своей немощи и бессилия. Иной говорил, что признак смирения состоит в том, чтобы в случае оскорблении предварять ближнего примирением и разрушать оным пребывающую вражду. Иной говорил, что смирение есть познание благодати и милосердия Божия. Другой же говорил, что смирение есть чувство сокрушенной души и отречение от своей воли».

Вывод преп. Иоанна в содержательном плане повторяет вступление к речи и завершает апофатическое рассуждение. Преп. Иоанн, по сути, говорит о том, что для познания сущности того, что именуется смирением, недостаточно диалога даже таких людей, которые Духом Божиим водятся: «Все сие выслушав, с великою точностью и вниманием рассмотрев и сообразив, не мог я слухом познать блаженное чувство смирения», хотя, безусловно, этот диалог помог сделать вывод, в котором преп. Иоанн вновь говорит о невозможности словесно описать этот концепт: «...собрав крупицы, падавшие со стола мудрых и блаженных мужей, т. е. слова их уст, определяя добродетель оную», преп. Иоанн определяет это слово так: «Смиренномудрие есть **безымянная** благодать души». Это не значит, что связь имени и идеи, которая стоит за ним, для человека вовсе непознаваема, понять, что стоит за знаком, именуемым **смирение**, можно, но только при посредстве опытного познания: «имя которой (добродетели смирения. – С. И.) тем только известно, кои познали ее собственным опытом; оно есть несказанное богатство; Божие именование, ибо Господь говорит: научитесь не от Ангела, не от человека, не от книги, но от Мене, т.е. от Моего в вас вселения и осияния и действия, яко кроток есмь и смирен сердцем и помыслами, и образом мыслей, и обрящете покой душам вашим от браней и облегчение от искушательных помыслов» (Мф. 11:29). Конец рассуждения преп. Иоанна Лествичника показывает логическую связь между определением смирения и апофатическим

богословием: смиление – это, оказывается, имя, или одно из имен Божиих, а свойства непостижимого Бога постижимы только в опытном познании (Ср. у свт. Игнатия: «Хочешь ли стяжать смиление? Исполни евангельские заповеди: вместе с ними будет усваиваться святое смиление, т.е. свойства Господа нашего Иисуса Христа» (Игнатьев 1:539); «Истинное смиренномудрие состоит в послушании и последовании Христу» (Игнатьев 1:535), «Истинное смиренномудрие – характер евангельский, нрав евангельский, образ мыслей евангельский» (Игнатьев 1: 536)).

Рассуждение преп. Иоанна Лествичника пронизано эпистемической модальностью, которая соединяется с алетической. Эпистемическая модальность представлена в репликах диалога, в которых преп. Иоанн ищет адекватное выражение понятия смиление, способное привести к его познанию. Алетическая модальность нашла выражение в высказываниях, окружающих этот диалог, в которых утверждается невозможность какого-либо точного словесного определения смысла этого имени.

Диалогическое единство в одном из катехизических текстов свт. Игнатья также дает уклончивое определение смиления, отсылая вопросивающего к опытному познанию на основе исполнения евангельских заповедей: «Ученик. Какое различие между смиренномудрием и смилением? Старец. Смиренномудрие есть образ мыслей евангельский, заимствованный всецело из евангелия, от Христа. Смиление есть сердечное чувство, есть залог сердечный, соответствующий смиренномудрию... Когда же делание человека осенится божественною благодатию, тогда смиренномудрие и смиление в изобилии начнут рождать и усугублять друг друга» (Игнатьев 1:314).

«Носитель духа» свт. Игнатья игумен Никон (Воробьев) (1894–1963) также, говоря о смилении, использует диалогизацию, но не на нарративном, а на автокоммуникативном уровне: «Что же такое смиление?... Однажды мне пришла мысль, совершенно отчетливая и ясная: а что такое все наши дела, все наши молитвы, наше все?». Риторический вопрос служит косвенным ответом на предшествующий диктальный вопрос, он не требует ответа, но требует пояснения. Далее игумен Никон включает высказывание с модальностью деонтической и следующую за ним молитву: «Надо взывать, как мытарь: "Боже, милостив буди мне грешнику!"». Молитва помогла проповеднику определить, что включает в себя понятие смиления, но определить опять же не путем вдумчивого его рассмотрения и словесного описания, а путем диалога с Богом: «Сердце вот тут-то у меня и поняло, что самое существенное – это милость Божия. Это было понятно не умом, а сердцем...». Проповедь должна не только информировать, она должна побуждать к определенным действиям.

виям, поэтому высказывания с эпистемической модальностью сменяются высказываниями с модальностью деонтической. Следующее высказывание поясняет предшествующий риторический вопрос на внешнекоммуникативном уровне: «*Это и есть начальное смирение – начальное, подчеркиваю, – [сознавать] что мы сами – ничто, а творение Божие, мы – создание Божие только. Поэтому, чем нам гордиться, что нам противопоставлять Богу? ...Грешиш, грешиш – Господь прощает, это – дар Божий. А у нас что? У нас своего – ничего. Вот это должно войти в сердце человеческое. Не умом нужно понять, а сердцем*Человек должен в каждой молитве, как бы он ни вдохновился, какое бы восхищение в молитве Господь не дал человеку, он должен в основе молиться, как мытарь: «Боже, будь милостив мне, грешному»... Нет в нас ничего доброго, все – от Господа. Это и есть начальное смирение, именно начальное» (Никон: 22) (ср. у свт. Игнатия: «*Начало смирения – нищета духа*» (Игнатьев 1: 539).

Игумен Никон не оставляет без внимания, как и преп. Иоанн Лествичник (см. выше), противопоставление словесного рассуждения о смирении, уподобляя это риторству, красноречию, и опытного его познания, также используя диалогичность на внешнетекстовом уровне: «...как говорил Давид, я – блоха во Израиле, я – червь, а не человек. Что думаете, для красоты что ли эти слова он говорил? Нет. Они исходили из этого состояния, о котором я говорю. К этому искренне надо прийти и из этого состояния должна исходить всякая наша молитва» (Никон: 22).

Особого внимания заслуживает вопрос о взаимодействии в проповеди высказываний с деонтической и алетической модальностью, по-разному функционирующих в побудительных речевых актах. Эти типы модальности по-разному ведут себя в отношении разных речевых актов. Пропозиции, выражающие алетическую возможность, почти не употребляются в побудительных речевых актах, обращённых к человеку: «*Каждый из нас должен, должен непременно в определенное, не известное для него время оставить поприще кратковременного земного странствования, вступить в область вечности*» (Игнатьев 4:228). Чаще высказывания с алетической модальностью представлены в молитвенных коммуникативных блоках, «поскольку на самом деле лишь Бог держит под контролем алетическую возможность» [Булыгина, Шмелев: 145].

Деонтические возможность и необходимость определяются в проповеди требованиями Евангелия: «*Долженствовало бы нам не нуждаться в особенном времени для внимания себе, для очищения наших*

греховных пятен исповедью и покаянием»; «Образец чистоты, до которой мы должны достигнуть, совершен» (Игнатий 4:45).

Разрешение и предписание предполагают алетическую возможность, но не наоборот – эта связь отражается в том, что в конструкциях можно и должно алетическое может являться предпосылкой деонтического должен: «*И каждый христианин может и должен произносить о себе самом молитву венчанного Пророка*» (Игнатий 4:197). Итак, «специально аффективная» функция форм повелительного наклонения в проповеди имеет значение долженствования, обязанности, возможности.

Необходимо еще остановиться на особенностях функционирования в проповеди диалогических форм согласия и несогласия. Согласие, по мнению М. М. Бахтина, – одна из важнейших форм диалогических отношений. В проповеди она проявляется в цитировании святых отцов, высоких иерархов Церкви. Диалогические отношения, имеющие конфликтный характер, чаще проявляются на внешнетекстовом уровне, включающем нарративный фрагмент, моделирующий диалог адресата с греховными помыслами. Свт. Игнатий убеждает собеседника сразу пресекать такой диалог: «*Не скажи себе сам в унынии и разслаблении душевном: «Я впал в тяжкие грехи... они обратились от времени как бы в природные свойства, сделали для меня покаяние невозможным», – эти мрачные мысли внушают тебе враг твой, еще не примечаемый и не понимаемый тобою...*» (Игнатий 1:97). Средство отказа от диалога с «чуждыми помыслами» проповедник видит в молитве: «*Не только не должно принимать таких помыслов и соглашаться с ними, но даже не должно беседовать с ними, а немедленно, при самом первоначальном появлении греховного помысла, прибегать молитвою к Господу Богу, чтобы Он отгнал врага от врат душевных*» (Игнатий 1:302).

Рассуждая об унынии, которое является результатом общения человека с греховными помыслами, игумен Никон также призывает к молитве: «*Итак, если враги будут всевать сомнение, страх, безнадежие и прочее – не беседуйте с ними, повернитесь к ним спиной, смотрите на распятие, вспоминайте все слова евангельские, где особенно ярко выражена любовь Божия, призывайте имя Господа Иисуса Христа – и враги исчезнут*» (Никон: 51).

В другом тексте игумен Никон показывает образец правильной молитвы – молитвы смиренного человека, которая помогает бороться с греховными мыслями. Сначала он обращается к своему адресату, моделируя возможный его диалог с греховными помыслами, а затем предлагает молитву: «*Вы уже увидели в себе падение, общее всему человечеству и Ваше лично, но смириться от этого не хочется – у Вас все время гнездится мысль: зачем я такая плохая, почему мне*

не помогли быть хорошей... и прочее... От этого и скорбь ваша. Скажите из глубины сердца Господу: я грязь и нечистота, нет и не было во мне ничего моего хорошего. А что хорошее получила, то испортила, загадила и восстановить сама не могу (да и не хочу), а припадаю к тебе, как прокаженный, бесноватый, расслабленный, и умоляю – сжался надо мною, очисти, как прокаженного... воздвигни меня, как расслабленного... прими меня, как блудного... но ты по не-постижимой Любви своей прости меня, как его простил и принял» (Никон: 61). В этом фрагменте соединились три коммуникативных уровня – внешнетекстовый, нарративный и гиперкоммуникативный.

Некоторые вопросы могут замыкаться в коммуникативной ситуации диалога человека с греховными помыслами: «Что значит это? – Велик ли это грех? – Что это за грех? – Это не грех!» (Игнатий 1:368). Здесь свт. Игнатий показывает, что цепочка вопросов такого рода, не переходя на внешнекоммуникативный уровень – разговор с проповедником, заведомо ведет к формированию ложного представления, на что святитель указывает специально, как бы со стороны наблюдая этот диалог: «*Так рассуждает небрегущий о спасении своем, когда он решает вкусить запрещенной Законом Божиим греховой сnedи. Основываясь на таком неосновательнейшем суждении, он постоянно попирает совесть*» (Игнатий 1:368).

Широко использует в своих проповедях противоположные мысли свт. Феофан Затворник. Так, в недавно о мытаре и фарисее он пишет: «*А еще – это что за философия: однообразие рождает равнодушие и холодность? Мир свое переносит и на Божие... Спросите, отчего это отцу Серафиму, отцу Парфению не наскучила такая однообразная и даже однообразнейшая жизнь? Церковь да келлия, церковь да келлия... а то еще и затвор...* А они и не думали мучить себя, а напротив, блаженствовали» (Феофан: 33–34). Церковно-проповеднические тексты не лишены диалогичности, носящей конфликтный характер, но эта диалогичность не допускает раскрытия содержательной и идейной стороны высказываний, противоречащих точке зрения автора. Чужая точка зрения, противоположная авторской, не может быть принята принципиально, она отвергнута в самом начале. В этом смысле точка зрения А. А. Ильина (об отсутствии в проповеди спора, дискуссии, диалога в широком понимании) оказывается верной. Автор проповеднического текста не входит в спор, а отсылает своих оппонентов к опытному познанию (см., напр.: Игнатий 1:131).

Итак, хотя проповедь целиком пребывает в сфере авторской речи, сама эта речь не является монологичной, а представляет собой сложную, многоуровневую систему соотносящихся между собой вербальных моделей, она осложнена диалогическими отношениями на нарративном, внешнетекстовом, автокоммуникативном и гиперкомму-

никативном уровнях. Диалогичность является важнейшей коммуникативной категорией проповеди, она имеет совершенно определенную, конкретную цель – спасение человека, поиск пути спасения определяет форму и содержание этого постоянного собеседования.

Части проповеди, отмеченные диалогическими отношениями, характеризуются повышенной экспрессивностью. В отличие от монолога, где читатель как бы в стороне наблюдает за ходом мысли автора, диалог включает его в действие. Диалогические отношения в проповеди не допускают ситуации (основной признак диалога), когда каждый из участников «привносит свой опыт, свои пристрастия, свою речевую систему» [Еремина: 170], не допускают «перебивов», переходящих в полифонию. Диалогическое сознание, ориентированное на широкие межличностные контакты, обогащение чужим опытом в церковно-проповеднических текстах реализуется только в конвергентных высказываниях. Диалогичность проповеди, связанная категорией молитвенности, не допускает полифонии, дискуссии, спора, так как проповедник стоит на догматических позициях церкви и проповедь, происходящая внутри церкви, отражает ситуацию соборности.

Основной иллокутивный компонент многих проповеднических текстов – указание на греховность всего человеческого рода – ориентирован на перлокутивный эффект – смирение, которое может выражаться в молитве. Особая значимость гиперкоммуникации свидетельствует о том, что эти тексты обращены не столько к собеседнику, сколько к самолитвеннику. Церковно-проповеднический текст обращен к человеку как представителю Церкви. Образ проповедника имеет несколько функций. Кроме побуждения к созерцанию божественных истин, которое находит выражение часто в высказываниях с алетической и деонтической модальностью, он отвечает за информативность своей речи и истинность утверждений (эпистемические обязательства). Проповедник говорит не от себя, он передает волю Бога, поэтому автор выступает посредником между Богом и человеком. В этих текстах на первом месте присутствует теология, а не присущая диалогической форме сознания антропология. В проповедях осуществляется постоянно длящийся диалог, но диалог прежде всего человека и Бога.

Литература

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1997.

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – № 4. – С. 356–367.

Баженова-Рагрина С. И. Риторическая организация «Слова на Святую Пасху» Кирилла Туровского и «Поучения на Святую Пасху» Клиmenta Охридского // Проблемы исторического языкознания. – Вып. 4. – СПб., 1993. – С. 68–75.

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
- Бескровная И. А. Поэтический текст как модель автокоммуникации: типы адресантов // Филологические науки. – 1998. – № 5–6. – С. 87–96.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Коммуникативная модальность // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992. – С. 110–153.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
- Дорофей*: Преподобный отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. Шамордино, 1913.
- Еремина Л. И. Диалогизация как способ построения публицистического текста (О типологии публицистических жанров) // Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. – М., 1987. – С. 166–196.
- Игнатьй*: Святитель Игнатьй (Брянчанинов). Творения: В 7 т. – М., 1993.
- Ильин А. А. Письма преподобных оптинских старцев и поэтика русской литературы // Традиции. Филология. Образование. – М., 1997.
- Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague – Paris, 1973. – С. 177–180.
- Лествица*: Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. – М., 2004.
- Лойко О. Т. Диалог как имманентное состояние культуры // Православие и Россия: Прошлое, настоящее, будущее: М-лы духовно-исторических чтений / Под ред. прот. Л. М. Харaima и к. ф. н., доцента О. Т. Лойко. – Томск: Изд-во НТЛ, 1998. – С. 51–54.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1999.
- Михальская А. К. Пути развития отечественной риторики: утрата и поиски речевого идеала // Филологические науки. – 1992. – № 3. – С. 55–67.
- Никон*: Игумен Никон (Воробьев). Нам оставлено покаяние: Сб. писем. – М., 2005.
- Прохватилова О. А. Внешняя диалогичность звучащей православной проповеди // Мир Православия. Сб. научных статей. – Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1998. – Вып. 2. – С. 97–108.
- Прохватилова О. А. Православная проповедь как феномен современной звучащей речи. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999.
- Фатеева Н. А. Автокоммуникация как способ развертывания лирического текста // Филологические науки. – 1995. – № 2. – С. 53–63.
- Феофан*: Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. – М., 1997.
- Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л., 1990.
- Якубинский Л. П. Язык и его функционирование. – М., 1986.

C. A. Громыко

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПОЛЕМИКИ

В современном социально-гуманитарном знании диалогичность – понятие многоуровневое. Необходимо разграничивать, по крайней мере, два тесно взаимосвязанных аспекта диалогичности. Философский подход, отраженный в работах М. М. Бахтина, М. Бубера, А. Тойнби, М. Эпштейна и других философов, социологов и культурологов, рассматривает диалогичность сквозь призму диалога как онтологически

значимой категории, константы человеческой культуры. С этой точки зрения в диалоге «человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть... Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается – все кончается. Поэтому диалог в сущности не может и не должен кончаться» [Бахтин 1994: 153]. Такая постановка проблемы приводит исследователей к выводу, что диалогичность есть необходимое условие взаимодействия не только по схеме «личность – личность», но и по схеме «культура – культура», «цивилизация – цивилизация», «человек – природа» и даже «человек – Бог». Конфликты, войны, катастрофы – все это результаты замены диалогических, равноправных отношений на монологические, неравноправные, делящие участников коммуникации на субъект и объект.

Языкоznание, риторика, лингвистическая прагматика, теория коммуникации изучают другую сторону диалогичности – условия осуществления полноценного диалога в процессе речевой деятельности людей, структуру и динамику этого диалога. При этом в качестве основы изучения диалога и диалогичности отечественными языковедами принимается положение, выдвинутое Н. Д. Арутюновой, о том, что «в диалоге реализуется прежде всего не информативная функция языка, а его ориентирующая функция... Обмен репликами – это взаимоорганизующее поведение коммуникантов. Этим и объясняется тот факт, что основные «информационные» структуры... имеют тенденцию приобретать поведенческие смыслы» [Человеческий фактор в языке 1992: 3–4]. Очевидна актуальность этого высказывания по отношению к современному речевому общению: сегодня партнеры коммуникации чаще всего воспринимают друг друга только как источники необходимой им информации, что значительно ослабляет взаимоорганизующую функцию диалога. Интерес к личности собеседника, уважение к партнеру по коммуникации, ориентация на дальнейшее продолжение диалога, пусть в другое время и в другой ситуации, – все эти характеристики диалогического общения взаимоориентируют участников коммуникации, помогают им организовать совместную деятельность, причем не только в данной конкретной ситуации, но и в перспективе дальнейшего общения. Сегодня же нередко наблюдается противоположное явление: для партнеров по речевому взаимодействию важны исключительно собственные интересы, после удовлетворения которых акт речевого общения зачастую обрывается. Это ведет не только к развитию того, что можно назвать «речевой эгоизм», который, по-видимому, представляет собой яркое проявление эгоизма вообще как качества личности, но и к совершенно реальным жизненным неудачам, к неумению адаптироваться в коллективе, к невозможности самореализации.

Поэтому очевидно, что изучение диалога и диалогичности с позиций лингвистики является базой для формирования воззрений на диа-

лог в философском плане, оказывает влияние на ряд социально-гуманитарных дисциплин. Однако дать точное определение диалогичности в речевом общении, в отличие от философского определения диалогичности, очень сложно из-за многоаспектности самого этого явления. По-видимому, диалогичность как необходимое условие осуществления полноценного речевого общения является неким инвариантным ядром коммуникативных пресуппозиций, которые понимаются как «когнитивные структуры, содержанием которых являются знания, представления и установки на определенный тип коммуникативного поведения, являющиеся результатом отражения в сознании коммуниканта релевантных для данного акта коммуникации компонентов и параметров текущего (или предстоящего) коммуникативного события» [Борисова 2005: 82–83]. Если рассматривать диалогичность в этом аспекте, то ее можно понимать как установку коммуникантов на совместное равноправное создание текста. При этом важнейшим признаком творения такого текста должна быть не только его целостность, но и наличие единого ретроспективного и проспективного пространства. Из такого понимания следует, что диалогичность – это еще и высокая степень организации речевого общения, на которой совместное равноправное творение текста взаимоориентирует коммуникантов в процессе деятельности.

Диалогичность, всегда связанная с соотнесением в сознании говорящего «чужого» высказывания со «своим» и с ощущением «своего» как «чужого», особенно важна для тех видов коллективной деятельности, в основе которых лежит эристическое, полемическое в широком смысле начало. «Взаимодействие «своего» и «чужого» активизируется в среде социальной борьбы и полемики, словесной перепалки на разных ее уровнях, в спорах о мнениях и нравственных позициях, в ходе самоутверждения личности или социальной группы, в практическом рассуждении и многих других видах текстов – повседневных и художественных» [Человеческий фактор в языке: 64]. В связи с этим особый интерес вызывают различные проявления диалогичности (как и их отсутствие) в политическом общении, а конкретнее – в парламентской полемике.

Российский парламентаризм возник в 1906 г., когда начала работу Первая Государственная Дума. Первый российский парламент просуществовал всего 72 дня, однако за этот короткий срок он отметился такой бурной деятельностью (главным образом речевой), что оказал огромное влияние на развитие российского парламентаризма в целом. Первая Государственная Дума заложила такие традиции парламентского речевого общения, на которые вольно или невольно ориентировались не только последующие дореволюционные российские парламенты, но и современная Государственная Дума разных созывов.

Поэтому изучение организации вербальной коммуникации в I Государственной Думе помогает ответить на многие вопросы, связанные со спецификой русского парламентского красноречия, с тем, что исследователи риторики называют русским риторическим идеалом. Специфика диалогичности в I Думе, обусловленная определенным уровнем толерантности, речевой агрессии, связности полемики, ее ретроспекции и проспекции и рядом других показателей, есть та отправная точка, от которой отталкивалось в своем развитии отечественное парламентское общение.

При изучении стенографических отчетов работы I Думы 1906 г. и рассмотрении думской полемики как целостного коллективно творимого текста отмечается высокая степень когерентности данного текста, что особенно интересно, если учесть величину его отрезков (в качестве реплик единого диалога можно рассматривать целые речи). Спаянность текста полемики обусловлена большим количеством различных проявлений диалогичности и их структурообразующей ролью. В подавляющем большинстве речей депутатов I Государственной Думы наблюдается максимальная концентрация проявлений диалогичности (отсылки, разного рода скрепы, выражение согласия / несогласия, воздействующая составляющая речи и т.п.), что не позволяет анализировать отдельную депутатскую речь автономно, в отрыве от полемики в целом. В качестве иллюстрации данного наблюдения можно привести фрагмент из речи депутата. Герценштейн (прения по «Проекту сорока двух»): (1а) *Вы говорите, что начала, на которых мы предполагаем отдавать земли, недостаточно обеспечивают крестьянина.* (1б) *Но сравните это с тем, что сейчас делается: крестьяне, ведь, платят теперь нередко 35–40 р. за десятину при погодной аренде. Или вы считаете нормальным, чтобы каждый год цены менялись?...* (2а) *Собственные свои опыты вы подтверждаете примерами из сочинений бывшего министра Ермолова, которые будто бы показывают, как разорились крестьяне, когда получили землю. И что же вы привели в пример? Имение Воронцова-Дашкова.* (2б) *Да зачем же его было покупать за 3½ миллиона, когда, может быть, его можно было купить много дешевле?* (Аплодисменты, браво)...(3а) *Вы говорите, что земля у нас распределена крайне неравномерно. Есть уезды, где буквально ничего не может быть прибавлено, и тогда необходимо переселение.* (3б) *Должен вам сказать, мы никогда не имели в виду создать принудительно переселение, насильственно переселять из одной губернии в другую...*(4а) *Вы говорите, что, когда крестьяне перейдут на новые места, создастся целый ряд невероятных затруднений: население не любит пришлого элемента, оно будет крайне отрицательно к нему относиться.* (4б) *А что же вы делали до сих пор при содействии Крестьянского банка? Разве вы не прини-*

мали целый ряд мер к переселению крестьян и не переводили их из губернии в губернию?... (5б) Мы считаемся с исторически сложившимися формами владения, (5а) а вы говорите нам: или частная собственность, или земля дар Божий. (5б) Разве у нас нет десятков форм владения и без той, которую мы теперь предлагаем? (6а) Вы даже иронизируете: Россия пример покажет, пример всему миру. (6б) У нас уже показали такой пример, нас втянули в позорную войну, какой никогда народ не вел (апплодисменты) [Государственная Дума 1995: 158–162].

Безусловно, речь, представленная данным отрывком, сама по себе уже является текстом: она обладает цельностью, связностью, завершенностью и другими основными категориями текста. Однако можно ли адекватно понять смысл и идею данного текста в отрыве от предшествующих текстов, таких же депутатских речей, отталкивающихся в смысловом плане от сказанного предыдущими ораторами и намечающих и прогнозирующих выступления последующих депутатов? По-видимому, данная речь, как и большинство других, не обладает достаточной степенью автономности, чтобы анализировать ее вне контекста ближайших речей.

Бинарную модель, по которой построена данная речь, можно условно обозначить «вы утверждаете – мы возражаем». В приведенном выше примере четко выделяются шесть фрагментов, построенных по этому принципу. В каждом из этих фрагментов часть «вы утверждаете», отсылающая аудиторию к предыдущим выступлениям, обозначена буквой «а», рематическая часть «мы возражаем» буквой «б». Первая (тематическая) часть этой модели представляет собой переформулирование и интерпретацию высказываний политических оппонентов, выступавших ранее. Это то самое «чужое», о котором говорилось выше. Впрочем, насколько «чужое», настолько и «свое», так как высказывание противника (или даже сторонника) говорящий интерпретирует, переосмысливает, резюмирует и переформулирует. Тематический компонент служит основой для развития и представления оратором перед аудиторией собственно «своей» мысли.

Продуктивность полемики во многом зависит от степени искажения говорящим информации в интерпретирующем компоненте «вы утверждаете». В случае нарушения оратором допустимого предела искажения информации (адресат речи, обозначенный местоимением «вы» не узнает своих слов, не принимает высказывание как свое, считает, что его плохо поняли или аудиторию умышленно вводят в заблуждение) полемика может далее развиваться по двум сценариям. Во-первых, депутат может попросить слова для того, чтобы разъяснить спорные моменты своих же высказываний и сразу же отреагировать на содержание компонента «мы утверждаем» в речи предыдущего оратора.

В нашем примере так и произошло. Вот как описывал эту ситуацию товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко, представленный вместе с другими представителями правительства в выступлении Герценштейна местоимением «вы»: «Засим вышел мне возражать кто-то из кадетской партии, если память мне не изменяет, Герценштейн, и хотя возражения его были в высшей степени слабы, но так как основанны они были на умышленном извращении сказанного мною, то я тотчас же записался отвечать» [Гурко 2000: 560].

Во-вторых, нарушение допустимого предела искажения информации может привести к ответной речевой агрессии и к нарастанию конструктивного начала в полемике, когда смысл высказываний начинают определять речевые стратегии обвинения и угрозы, а агрессивные речевые действия приводят к агрессии в поведении в целом. Так, например, тот же помощник министра внутренних дел В. И. Гурко во время одного из заседаний Думы после выступления депутата Родичева вызвал его на дуэль. С точки зрения диалогичности полемики первый сценарий является в какой-то мере допустимым, так как стимулирует дальнейшее развитие полемики (пусть и с некоторым возрастанием речевой агрессии), а не ее разрушение. Развитие событий по второму сценарию свидетельствует о том, что оба коммуниканта не имеют более установки на диалогичность общения друг с другом.

Вторая часть модели «мы утверждаем» является ремой в масштабах текста речи и представляет собой не только «свое» высказывание, собственное мнение выступающего, его возражения, но и стимул для дальнейшего развития полемики, намечает линию проспекции, желательную для оратора. От этих сведений отталкиваются последующие выступления в рамках прений.

Важно заметить, что рассматриваемая модель «вы утверждаете – мы возражаем» в полемике I Государственной Думы является проявлением диалогичности, а не диалогизации. Диалогизация – это риторический прием, заключающийся в преднамеренном введении в текст монолога элементов общения с аудиторией. Цель диалогизации – привлечь внимание слушателей к речи, активизировать это внимание на определенных отрезках выступления. Диалогизация есть своего рода наложение ряда элементов извне на уже практически готовый текст. Иными словами, публичное выступление в Думе вполне может обойтись и без приемов диалогизации. Проявления диалогичности в полемике I Государственной Думы, наоборот, являются не просто органичной составляющей речей, но и их конституирующими признаком. Дело в том, что оратор, выходя на трибуну, уже являлся свидетелем нескольких речей, которые оказали влияние на замысел его выступления. Для того чтобы «войти» в полемику, продолжить ее оратору уже на этапе замысла необходимо было вносить в свое выступление би-

нарную модель «говорили до меня – говорю я». Эта модель, в свою очередь, могла быть выражена несколькими своими разновидностями и реализована самыми разнообразными речевыми средствами. Неизменным оставалось то, что тематическая часть этой модели всегда содержала резюме-интерпретацию всего сказанного до оратора (часто с элементами оценки), а вторая часть представляла собой собственное мнение выступающего.

Это положение доказывается еще и тем, что некоторые выступления депутатов и министров продолжались часами, а прения по ряду вопросов (например, по аграрной реформе) шли неделями. Выступая с трибуны, оратору зачастую было просто необходимо представить аудитории в нескольких словах все, что было сказано до него по данной теме, и обозначить свое отношение к сказанному. Во многих случаях замысел оратора был уже частично воплощен в предыдущих выступлениях, поэтому была необходима ссылка на эти высказывания и, опять же, демонстрация отношения к сказанному.

Для понимания роли бинарной модели «вы утверждаете – мы возражаем» в тексте полемики необходимо обратиться к тем исследованиям, в которых текст рассматривается прежде всего как целостное построение. Такова оригинальная концепция текста В. Г. Адмони, опирающаяся на изучение грамматической системы языка не только как системы отношений, но и как системы построения. «Грамматическая система языка (грамматический строй) образуется взаимодействием двух рядов: ряда грамматических единиц, находящихся во взаимодействии друг с другом, и ряда средств, обеспечивающих их воплощение, организацию и дифференциацию и также находящихся во взаимодействии друг с другом» [Адмони 1964: 12]. В основе текста как закрепленной в целях воспроизведения исторически и функционально изменчивой единицы социальной коммуникативно-когнитивной практики лежит тот же самый принцип. Целостность текста обеспечивают не только единицы, находящиеся во взаимоотношении друг с другом (система отношений), но и средства, служащие для организации структурного единства текста (система построения). С этой точки зрения исследуемая бинарная модель есть не что иное, как средство организации структуры текста полемики в I Государственной Думе, основной принцип системы его построения.

Такое представление о тексте проясняет некоторые сложности понимания и истолкования закономерностей построения текста полемики в I Думе, в том числе помогает установить роль диалогичности в этом тексте. Используя термины В. Г. Адмони, можно сказать, что вся полемика в I Государственной Думе 1906 г. является цельным высказыванием. Цельные высказывания – те высказывания, «которые охватывают все высказывание (любого характера) полностью, от самого начала

до самого конца» [Адмони 1994: 7], это «любой текст любого размера» [Адмони 1994: 8]. Таким образом благополучно разрешается вопрос об объеме текста полемики в I Думе: от первого до последнего заседания Думы коллективно творимый текст полемики является одним цельным высказыванием, в котором нет текстовых разрывов и пустот.

В большинстве случаев цельные высказывания состоят из элементарных высказываний, которые представляют собой «мельчайшие составные части целого единства, образующие структурные единства» [Адмони 1994: 8]. В масштабах думской полемики элементарными высказываниями являются депутатские речи с трибуны и реплики из зала. Как уже было сказано выше в примере с выступлением депутата Герценштейна, речь депутата сама по себе является текстом. Это наблюдение коррелирует с выводом В. Г. Адмони о том, что «элементарное высказывание в его основной форме состоит из высказывания, в принципе обладающего смысловой и формальной законченностью» [Адмони 1994: 16]. Но как тогда объяснить с точки зрения построения полемики наличие в речи Герценштейна, как и в выступлениях других думцев, большого количества цитат и отсылок к другим высказываниям (в приведенном выше примере это фрагменты под буквой «а»), ведь все эти средства диалогичности ослабляют самостоятельность элементарных высказываний? Почему речь, обладая законченностью и другими признаками текста, не может быть адекватно осмыслена в отрыве от других подобных текстов?

Дело в том, что «цельным высказыванием является такое высказывание, только по отношению к которому получают свой коммуникативный статус входящие в него – непосредственно или через посредство более дробных единств – элементарные высказывания» [Адмони 1994: 18]. Иными словами, различные реализации бинарной модели в речи депутатов образуют не только систему отношений текста полемики, но и систему его построения. Система построения текста, в свою очередь, помогая более точно установить отношения между депутатскими высказываниями, отражает расстановку сил в полемике. Таким образом, полную картину содержания речи, ее интенциональные и когнитивные установки можно понять только в совокупности с другими высказываниями. Именно проявления диалогичности «встраивают» речь депутата в общую полемику, соотносят данное выступление со всем цельным высказыванием (особенно четко эта функция проявляется у частей 1а, 2а, 3а, 4а, 5а и 6а в нашем примере).

Для того чтобы депутатскую речь (элементарное высказывание) рассматривать как коммуникативную единицу речевого общения в I Государственной Думе, необходимо в процессе анализа соотносить ее с цельным высказыванием (всем текстом полемики). Так как в нашем случае цельное высказывание велико по объему, оно является

многоярусным образованием: между речью-выступлением и текстом полемики находится еще одна структура, объединяющая думские речи по тематическому признаку. В регламенте проведения заседаний Думы с такой единицей часто совпадают (впрочем, далеко не всегда) прения по одному вопросу повестки дня. В. Г. Адмони называл подобные образования полифоническими речевыми единствами [Адмони 1994: 7]. Несколько выступлений думцев по одной теме формируют целостность, которая отражает ход полемики на конкретном ее этапе. Мы назвали это образование **сложным полемическим целым**. Необходимость исследования речевого общения депутатов в рамках сложных полемических целых обусловлена тем, что смысловая структура элементарного высказывания «определяется... взаимодействием двух тенденций в возникающей при формулировании высказывания психологической установке говорящего: функциональной перспективой, то есть тенденцией исходить из уже известного, двигаясь к тому новому, ради сообщения которого и произносится высказывание (движение от темы к реме), и тенденцией выделять то наиболее важное в смысловом и/или эмоциональном плане, что содержится в высказывании и что может совпадать с темой, но может охватывать и лишь какую-то ее часть или вообще содержаться в реме» [Адмони 1994: 18]. В речи депутата этот принцип проявляется в ретроспекции и проспекции текста, в постоянных отсылках к сказанному другими и в прогнозе последующего развития полемики. Таким образом, сложное полемическое целое – это отражающая ход полемики на конкретном ее этапе совокупность высказываний депутатов и других участников думских обсуждений по одной теме, которые особым образом соотносятся друг с другом и наиболее тесно связаны диалогически, то есть охватывают ближайшее ретроспективное и проспективное пространство полемики. Сложные полемические целые, связанные множеством связей друг с другом, непосредственно образуют цельное высказывание-полемику.

Проявления диалогичности в полемике I Государственной Думы были разнообразными, однако имели односторонний характер. Участниками полемики были не только сами депутаты, но и представители правительства. С первых же дней работы Думы началось жесткое противостояния депутатов членам правительства. Видный политический деятель того времени С. Ю. Витте отмечал, что «между правительством и Думою явились такие обостренные отношения, что никаких дел вести в Думе было невозможно» [Витте 1994: 345]. Депутаты имели четкую установку на диалогичность только при общении друг с другом, а в процессе полемики с представителями правительства были нередки случаи сознательного ухода от конструктивного диалога путем нациска речевой агрессии, особенно к концу работы Думы. В результате текст полемики обладает не только высокой степенью цельности, но и

единим модальным планом. имеет негативную обращенность к российскому правительству.

Таким образом, диалогичность в парламентской полемике есть необходимое условие успешности этой полемики, как и успешности любого речевого общения. Однако именно в парламентском общении роль диалогичности настолько велика, что пренебрежение ею или направленность диалога только на «своего» коммуниканта и игнорирование «чужого» не просто снижает политический потенциал парламента, но зачастую ведет к его коллапсу. Так случилось с I Государственной Думой 1906 г. Выстраивая диалогические отношения только друг с другом, депутаты вместе с тем стремились подчинить себе неугодное российское правительство. Депутаты не желали диалога с министрами, в результате чего представители обеих ветвей власти, щедро разбрасывая в своих речах слова «народ», «свобода», «демократия», «власть», говорили друг с другом, по сути, на разных языках. Апофеозом противостояния стал знаменитый лозунг кадета В. Д. Набокова, в бешенстве выкрикнувшего с трибуны: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!». Примерно через месяц I Государственная Дума указом императора была распущена.

Литература

- Адмони В. Г. Основы теории грамматики. – М.; Л., 1964.
- Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. – СПб., 1994.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1994.
- Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М., 2005.
- Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. – Т. 3. – Таллинн; М. – 1994.
- Государственная Дума. Стенограмма заседаний. 2004 г. Весенняя сессия. 18 февраля – 13 марта 2004 г. – Т. 2 (129). – М., 2004.
- Государственная Дума. Созыв 1-й. Стенографические отчеты: В 2 т. – Т. 1. – СПб., 1906.
- Государственная Дума. Созыв 1-й. Стенографические отчеты: В 2 т. – Т. 2. – СПб., 1906.
- Государственная Дума. 1906 – 1917. Стенографические отчеты. – Т. 1. – М., 1995.
- Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М., 2000.
- Китайгородская М. В. Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.
- Степанов В. Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации. – СПб., 2003.
- Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОВ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА В «ПРОСТРАННОЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ» Н. И. ГРЕЧА

Данная статья посвящена исследованию особенностей концептуального содержания морфологических терминов Н. И. Гречи.

Целью работы является анализ тех грамматических явлений, описанных в «Пространной русской грамматике» Н. И. Гречи, которые в современной грамматике именуются как морфологические категории глагола. Главная задача работы – выявить специфику концептуального содержания терминов глагольных категорий Н. И. Гречи.

Для этого используется методика анализа терминов, предложенная Б. Н. Головиным, который различал объектное и концептуальное содержание терминов. Под объектным содержанием понимаются объект номинации, языковые факты, явления, называемые данным термином. Концептуальное содержание отражает научное мировоззрение автора, в нашем случае Н. И. Гречи [Головин: 20].

Концептуальный план терминов Н. И. Гречи определить довольно сложно, так как теоретическая морфология первой половины XIX в. не была достаточно разработана. Ввиду того, что не сложилась концептуальная морфологическая система, в которой бы каждому грамматическому понятию соответствовал определенный грамматический термин, мы восстанавливаем концептуальное содержание не воплощенного в определении понятия. При анализе используется метод реконструкции: концептуальный план термина выявляется на основе объектного содержания, примеров, также обращается внимание на принципы описания Н. И. Гречи.

Кроме того, применяется сравнительно-сопоставительный метод. Главным образом термины Н. И. Гречи сравниваются с современными. Современная морфология обладает более четкой системой терминов, следовательно, при анализе материала Н. И. Гречи мы можем использовать данные современного концептуального содержания терминов. Определенные результаты дает сопоставление концептуального содержания терминов Н. И. Гречи с соответствующими терминами и понятиями М. В. Ломоносова и А. Х. Востокова. В частности, это позволяет выявить изменения концептов: их развитие от прошлого к современности, а также эволюцию во взглядах Н. И. Гречи, его работах разных периодов.

Далее в статье рассматривается концептуальное содержание морфологических терминов глагола.

Концептуальное содержание термина «глагол»

Концептуальное содержание терминов глагольных грамматических категорий во многом определяется тем специфическим пониманием глагола, которое приводится в грамматике Н. И. Гречи.

В концепте «глагол» Н. И. Гречи пересекаются логические, морфологические и синтаксические тенденции. Первая проявляется в том, что практически все глаголы (кроме *быть*), по мнению ученого, состоят из самостоятельного глагола *быть* и признакового слова (причастия), например, *грешит* = есть грешащий, где есть – связка, а *грешащий* – логический предикат.

Н. И. Греч учитывает также морфологические характеристики глагола: наличие категорий наклонения, времени, вида, залога, лица. Наряду с морфологическими терминами грамматист использует синтаксические, Н. И. Греч вводит в концепцию глагола синтаксическое понятие *сказуемого*.

Покажем далее, как специфика понятия «глагол» проявляется в трактовке Н. И. Гречем глагольных категорий.

Время, наклонение, лицо

Для морфологических категорий времени, наклонения и лица характерна коммуникативная значимость. Поскольку все они связаны с процессом коммуникации, их целесообразно рассматривать в одной группе. В толковании этих категорий Н. И. Гречем отмечаются не только их коммуникативные свойства, но и признаки логического и морфологического, а в категории наклонения и синтаксического подходов. Обратимся непосредственно к данным понятиям.

Время

Рассмотрим концепт грамматического времени в трактовке Н. И. Гречи.

«Присовокупляя к предметам понятие о их действующих качествах, выражаем вместе с тем, что сии качества принадлежат им ныне, принадлежали прежде, или еще будут принадлежать впредь. Из сего видно, что могут существовать три разные времени: *настоящее, прошедшее, и будущее* (здесь и далее выделено нами. – С. Т.)» [Греч 1827(а): 243–244].

Данное определение интересно в терминологическом и понятийном плане. Обращает на себя внимание то, что при описании глагольной категории Н. И. Греч использует такие термины, как *предмет* и *качество*, в отличие, например, от М. В. Ломоносова и А. Х. Востокова, которые связывают время только с *действием* [Ломоносов: 33;

Востоков: 396]. Думается, что здесь проявляется приверженность Н. И. Грече логическому направлению (см. выше о глаголе). Таким образом, определяя понятие «время», Н. И. Греч не выходит за рамки своей концепции о глаголе и соответствующей терминологии.

На несколько иные мысли наводит сопоставление определений глагола, приведенных Н. И. Гречем и современными авторами. В ЛЭС глагол толкуется следующим образом: «Глагол – часть речи, выражающая грамматическое значение *действия* (то есть *признака подвижного, реализующегося во времени*)...» (ЛЭС: 104) (ср. у Н. И. Греча *действующие качества*). Таким образом, в обоих определениях отмечается некоторая двойственность природы глагола. В этом смысле дефиницию времени Н. И. Греча можно считать приемлемой.

Трактовки понятия «время» разными языковедами позволяют проследить развитие концептов глагола и времени. Данные концепты пре-терпевают изменения за короткие сроки: Н. И. Греч (1827) связывает представление о глаголе с признаком, А. Х. Востоков (1844) с действием или состоянием. Современная грамматика объединяет обе точки зрения.

Обратимся к более подробному анализу концептуального содержания термина «время» Н. И. Грече. В определении ученого присутствует идея деления на формы времени: настоящее время (*ныне*), прошедшее (*прежде*) и будущее (*еще будут...впередь*). Особенностью толкования времени Н. И. Гречем является смешение реального и грамматического времени. Языковед не указывает коммуникативные особенности категории времени, а именно: ориентировку действия по отношению к *моменту речи* (предшествование, одновременность, следование) или к другому действию [ср. Бондарко 1971 (а): 49]. Однако это учитывается в более поздних работах Н. И. Грече, например в «Учебной русской грамматике (для учащихся)» 1851 г.: «*В изъявительном наклонении выражается, когда именно действие происходит: в то ли время, когда говорят о нем, прежде ли того происходило, или будет происходить после. Это выражение называется временем глагола*» [Греч 1851: 95].

Итак, на примере понятия «время» наблюдается эволюция во взглядах Н. И. Грече. Постепенно автор приходит к выявлению коммуникативных свойств времени, начинает различать время физическое и время лингвистическое.

Наклонение

В «Пространной русской грамматике» понятие наклонения определяется следующим образом:

«*Сказуемое может быть присоединено к подлежащему посредством глагола двояким образом: во-первых, повествовательно,*

то есть выражая, что такое-то сказуемое относится к такому-то подлежащему; во-вторых, повелительно, то есть выражая желание, приказание, чтоб сказуемое относилось к подлежащему. Сии положения глагола именуются наклонениями: первое изъявительным, второе повелительным.

Еще может выражать действие или состояние, то есть соединение глагола со сказуемым, не определяя подлежащего, к коему оные относятся: читать, быть любиму. Сие наклонение именуется неокончательным » [Греч 1827(а): 248–249].

I. В отличие от дефиниции термина «время» данная описательная характеристика построена Н. И. Гречем по иным принципам. Здесь ученый отказывается от терминологии качеств, предпочитая синтаксические термины и понятия, например подлежащее и сказуемое. Концепт «наклонение» связан не только с морфологией, но и с областью синтаксиса [Русская грамматика 1980, 2: 90]. Судя по определению Н. И. Греч, языковед понимал неоднозначность данного грамматического явления. Значения, приводимые в дефиниции наклонения в «Пространной русской грамматике», касаются и морфологического, и синтаксического наклонения, а термины используются только синтаксические. Таким образом, Н. И. Греч попытался отразить сложность понятия наклонения, однако «не справился» с терминологией. Вероятно, поэтому в последующих работах лингвист отходит от синтаксических терминов и заменяет подлежащее и сказуемое на действующий предмет речи и глагол [Греч 1827 (б): 126–127], предмет и действие [Греч 1840: 300; 1851: 95].

Наклонение – исторически наиболее поздняя и сложная, многоаспектная категория [Потебня: 206–207], поэтому в грамматиках XIX в., в частности у Н. И. Греч, теория наклонения разработана еще недостаточно. Трактовка наклонения в работе Н. И. Греча существенно отличается от современных представлений об этой категории. Последняя связывается сегодня с отношением действия к действительности с точки зрения говорящего (ЛЭС: 321). С позиции Н. И. Греча получается отношение действия не к действительности, а к субъекту действия (*такое-то сказуемое относится к такому-то подлежащему*).

Н. И. Греч выделяет три формы наклонения: неокончательное, изъявительное и повелительное. Языковеды первой половины XIX в. рассматривали три формы наклонения, изъявительное, повелительное и неопределенное, или, по терминологии Н. И. Греч, неокончательное, то есть инфинитив [Виноградов: 458]. В «Пространной русской грамматике» помимо этих трех разновидностей присутствует также комментарий по поводу сослагательного, желательного наклонений.

«Во многих языках есть наклонение **сослагательное**, изъявшее возможность, подчиненность действия, а в некоторых еще наклонение **желательное**, коим выражается цель, намерение действующего. В русском языке сии формы глаголов выражаются прошедшими временами изъявительного с присовокуплением союзов: бы, чтобы, дабы, да...» [Греч 1827(а): 249].

По мнению ученого, данные формы относятся не к сфере морфологии, а к сфере синтаксиса, точнее словосочетания. Эту особенность отметил академик В. В. Виноградов [Виноградов: 459].

Концепт «наклонение» связан не только с делением данной категории на формы (изъявительное, повелительное, неокончательное), но и с понятиями времени, лица. Н. И. Греч не включает эти особенности в определение наклонения в «Пространной русской грамматике», а приводит эти сведения ниже [Греч 1827(а): 250], однако позже это становится неотъемлемой частью дефиниции термина «наклонение» [Греч 1851: 95].

Таким образом, Н. И. Греч рассматривает и семантические, и формальные показатели категории наклонения. Недостаточно четко высказана мысль о модальности, об отношении действия к действительности с точки зрения говорящего.

Лицо

Н. И. Греч упоминает лицо в числе так называемых *второстепенных принадлежностей глагола*, куда он относит также число и род [Греч 1827(а): 249]. При этом конкретной дефиниции термина «лицо» в отношении его к глаголу в «Пространной русской грамматике» не приводится. Однако идея грамматического лица содержится в параграфе о личных местоимениях. Ср.: «*Отношения, выражаемые местоимениями, могут быть троякими, то есть: предмета говорящего, предмета, к кому речь обращается, и предмета, о ком в речи говорится: от сего происходят три грамматические лица*» [Греч 1827(а): 224].

С точки зрения современной грамматики семантика категории глагольного лица соотносится с семантикой этой категории в сфере личных местоимений [Бондарко, Буланин: 136]. Таким образом, можно говорить о совпадении (но только частичном) позиции Н. И. Грече и современных трактовок в данном вопросе. В современных работах по грамматике анализ категории лица глагола предполагает учет не только содержания, но и формы. Такой элемент морфологического концепта «лицо глагола» присутствует и в «Пространной русской грамматике» Н. И. Грече, и «Русской грамматике» А. Х. Востокова. По их мысли, лицо может выражаться как окончаниями глагола, так и личными местоимениями, употребляемыми при глаголе в прошедшем времени.

Ср.: «В изъявительном наклонении только формы настоящего времени сами выражают лицо: говорю, говоришь, говорит; в прошедшем времени оное выражается присовокуплением личного местоимения: я говорил, ты говорила» [Греч 1827(а): 250].

«Лица означаются в настоящем и будущем времени окончаниями, в прошедшем времени приложением местоимений личных к глаголу» [Востоков: 84].

При этом любопытно отметить некоторую эволюцию концепта глагольного лица в рамках взглядов Н. И. Гречка. Позиция автора изменяется в отношении формальных показателей данной категории. Уже в «Чтениях о русском языке» ученый пишет о выражении лица только в настоящем и будущем времени [Греч 1840: 302], тем самым он приближается к современному пониманию глагольного лица.

Таково концептуальное содержание терминов коммуникативно-значимых глагольных категорий. Обратимся к особенностям других категорий в трактовке Н. И. Гречка.

Вид и залог

Морфологические категории вида и залога довольно тесно связаны с лексическим значением, формировались на базе лексических особенностей глагола, поэтому в трактовке Н. И. Гречка в ряде случаев наблюдается смешение данных категорий. Подобная позиция ученого может объясняться также недостаточной объектной соотнесенностью терминов. Покажем толкование Н. И. Гречем этих понятий.

Вид

«Времена в природе ограничиваются тремя: настоящим, прошедшим и будущим; но во временах грамматических, то есть в формах языка, коими выражаются времена, могут быть выражены еще некоторые посторонние обстоятельства действия или времени его суть следующие: может выразить, а) что действие совершилось, совершается или будет совершаться неопределенно или определенно; например: слово *плавает* означает действие плавания неопределенно, показывает обычновение, возможность, умение плавать, а словом *плывет* выражается определенно, что человек совершает сие действие именно в то время, о котором говорится; б) что действие совершилось или совершится в один раз (*толкнул*) или совершалось много раз (*талкивал*); с) что действие кончено (*подписал*) или не кончено (*подписывал*). Такие формы, служащие к выражению сих обстоятельств действия, именуются видами» [Греч 1827(а): 245].

Подобное определение вида можно встретить в научной литературе более позднего времени. Например, позиция А. А. Потебни отчасти напоминает толкование Н. И. Гречи, ученый использует те же примеры, что приводятся в «Пространной русской грамматике». А. А. Потебня считает основными показателями категории вида совершенность – несовершенность и степень длительности. По его мнению, глагол выражает: «конкретную длительность действия», как в *плывет*; «отвлеченную длительность, продолжающуюся без перерывов», как в *плавает*; «продолжение действия с промежутками; действие моментальное (=однократному)» [Потебня: 37]. Таким образом, определенность и неопределенность в терминологии Н. И. Гречи равнозначна терминам А. А. Потебни, «конкретная и отвлеченная длительность действия».

Учение Н. И. Гречи о видах неоднократно подвергалось критике [Виноградов: 381–382; Березин: 87]. Основным недостатком его считалось смешение понятий вида и времени. Действительно, в толковании языковеда очевидна связь вида со временем (во *временах грамматических... могут быть выражены... обстоятельства... именуются видами*). Однако и современная грамматика трактует категорию вида, опираясь на особенности протекания действия во времени или распределения его во времени. Ошибка Н. И. Гречи состоит в том, что он не различает внешнее время действия и внутреннее. Первое выражается грамматической категорией времени, второе представляет собой способ протекания действия в пространстве и времени и связано с понятиями способов глагольного действия и вида [Бондарко 1971 (а): 18]. По этой причине в определении Н. И. Гречем вида сталкиваемся также с проблемой смешения понятия «вид» и явления в современной морфологии, именуемого «способом глагольного действия».

Вопрос о разграничении понятий «категории вида» и «способов глагольного действия» актуален и на сегодняшний день. Размежевание этих грамматических явлений произошло в лингвистической литературе XX в. относительно недавно. Трудность разграничения данных понятий состоит в том, что «вид» и «способы действия» близки в плане содержания, однако вид является грамматической категорией, а способы действия не образуют четких парадигматических противопоставлений, остаются в рамках лексических различий между глаголами [Бондарко 1971 (б): 49].

Так, с учетом семантических показателей Н. И. Греч выделяет шесть главных видов: *неопределенный, определенный, многократный, однократный, несовершенный, совершенный* (см. дефиницию термина «вид»). Помимо них Н. И. Греч различал подвиды у несовершенного вида – *неопределенный и определенный; у совершенного – неопределенный, определенный и однократный* [Греч 1827(а): 247].

Такая разветвленная система видов не вызвала сочувствия у грамматистов XIX в., поэтому взгляды Н. И. Гречи не оказали большого влияния на дальнейшее развитие учения о видах. Возобладала более краткая и рациональная концепция А. Х. Востокова, который выделил три основных вида: неокончательный (несовершенный), совершенный и многократный [Востоков: 81–82].

Несмотря на это, можно сказать, что Н. И. Греч внес существенный вклад в развитие теории видов и способов глагольного действия. В частности, современные исследователи применяют термины, которые встречаются в грамматиках Н. И. Гречи: *многократный, однократный, взаимный, однов направленный (определенно-моторный) и неоднов направленный (неопределенно-моторный)* способы действия [Бондарко, Буланин: 21, 25, 22, 26]. Первые два термина употребляются Н. И. Гречем для обозначения видов, третий – залога, а последние термины можно соотнести с *определенным и неопределенным видами* Н. И. Гречи.

Залог

Вопрос о категории залога является одним из сложнейших и дискуссионных. В отечественной лингвистике существует множество определений данного понятия, а также различные классификации залогов. Сегодня распространены две теории залога: трехзалоговая, согласно которой различают действительный, возвратный (или средне-возвратный), страдательный залоги, и двухзалоговая, признающая только действительный и страдательный залоги (ЛЭС: 160). При этом исследователи обращают внимание на переходность–неперходность глаголов и наличие–отсутствие в их составе постфиксa *-ся*.

В дефиниции «залога» Н. И. Гречи эти принципы также прослеживаются, однако есть и своя специфика.

«*Виды глаголов самостоятельных, начинательных, действительных, страдательных, средних, возвратных, взаимных и общих, называются залогами*» [Греч 1827(а): 243].

Практически все из перечисленных залогов рассматривались в русском языкоznании начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова [Ломоносов: 108]. Исключение составляют лишь *самостоятельные и начинательные глаголы*, они встречаются только у Н. И. Гречи. Обозначим данные понятия.

Самостоятельным, по мнению Н. И. Гречи, является только глагол *быть*. Начинательные определяются в «Пространной русской грамматике» следующим образом: «...глагол *стать*: онym означает-ся начало существования или действия. Сей глагол именуется самостоятельным начинательным» [Греч 1827(а): 120].

Исходя из подобного толкования, а также общей дефиниции залога, *самостоятельные* и *начинательные* глаголы представляются читателю отдельными залогами, что кажется не совсем мотивированным. Однако в другой работе Н. И. Гречка, «Практической русской грамматике», находим объяснение: эти глаголы рассматриваются в рамках средних наряду с непереходными глаголами типа *стоять*, *сидеть* [Греч 1827(а): 121–122]. Вероятно, в определении залога Н. И. Греч стремился подчеркнуть наличие тонких оттенков в семантике *самостоятельных* и *начинательных* глаголов.

Средним глаголам Н. И. Греч противопоставляет *действительные*. По мнению ученого, разница между ними состоит в том, что первые всегда непереходные, вторые переходные, это особенно подчеркивается использованием синонимичных терминов.

«Глагол *совокупный* может выражать действие двоякое: во-первых, выходящее из пределов главного предмета, простирающееся на другой второстепенный предмет (я читаю книгу), во-вторых, действие, не выходящее за пределы действующего предмета, внутреннее его движение, состояние (я сижу, ты стоишь). Первые из них именуются *переходящими* или *действительными*, а последние *непереходящими* или *средними*. Сие последнее наименование дано им потому, что они занимают среднее место между *действительными* и *страдательными*» [Греч 1827(а): 239].

В самом деле, форма действительного залога образуется от переходных глаголов [Русская грамматика 1980, 1: 614]. А вот позиция Н. И. Гречка насчет среднего залога резко отличается от современного учения о трех залогах. С точки зрения лингвистов-современников, средне-возвратный залог включает глаголы с постфиксом -ся, образованные от переходных глаголов. Непереходные глаголы, согласно этой теории, не имеют залога. Представители учения о двух залогах считают, что глаголов вне категории залога не существует. По их мнению, глаголы, не имеющие соотносительных страдательных форм, типа *стоять*, *сидеть*, как у Н. И. Гречка, являются однозалоговыми и относятся к действительному залогу [Бондарко, Буланин: 150–151]. Несмотря на различия с обеими современными теориями, позиция Н. И. Гречка заслуживает внимания. Ученый попытался отразить специфику непереходных глаголов: в отличие от действительных и страдательных глаголов средние глаголы никак не связаны с понятием объекта действия.

Выявление Н. И. Гречем страдательных, возвратных, общих, взаимных глаголов связано с их отличительной чертой – наличием аффикса -ся. Все они образованы от переходных глаголов, но, поскольку страдательные глаголы отличаются от остальных по характеру отношений к объекту действия, Н. И. Греч рассматривает их отдельно.

а возвратные, общие и взаимные включает в состав глаголов действительного залога. Такая, более четкая, классификация представлена в его «Практической русской грамматике» [Греч 1827(б): 120–122] и в «Учебной русской грамматике (для учащихся)» [Греч 1851: 93–94]. Следует отметить также, что идея об отнесении возвратных глаголов к действительным упоминается в книге А. В. Бондарко, Л. Л. Буланина «Русский глагол» при критике теории залогов Академической грамматики. Авторы считают, что неграмматическое противопоставление действительного и возвратно-среднего залогов должно быть устранено именно таким образом [Бондарко, Буланин: 163–164].

Таким образом, анализ понятия «залог» Н. И. Гречи показал, что ученый рассматривает залоги в большей степени с опорой на переходность–непереходность глаголов. С учетом этого выделяются три главных залога: действительный, средний и страдательный.

Итак, выше были рассмотрены особенности концептуального содержания терминов глагольных категорий Н. И. Гречи. Концептуальный план данных терминов непосредственно связан с пониманием ученым глагола. Ввиду того, что в концепте «глагол» сочетаются логические, морфологические и синтаксические подходы, в концептуальном содержании морфологических категорий глагола наблюдаются эти же тенденции. Условно глагольные категории Н. И. Гречи можно разделить на две группы: время, наклонение и лицо трактуются как коммуникативно-значимые категории, вид и залог как зависимые от семантики глагола. В целом грамматические концепты не получили воплощения в определенных грамматических понятиях из-за отсутствия четких границ между логикой, морфологией и синтаксисом. Процесс оформления в понятия был длительным.

Литература

- Березин Ф. М. История русского языкоznания. – М.: Высшая школа, 1979.
Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971 (а).
Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971 (б).
Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967.
Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972.
Востоков А. Х. Русская грамматика. – СПб., 1844.
Головин Б. Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкоznания. – 1976. – № 3. – С. 20–24.
Греч Н. И. Пространная русская грамматика. – СПб., 1827(а).
Греч Н. И. Практическая русская грамматика. – СПб., 1827(б).
Греч Н. И. Чтения о русском языке. – СПб., 1840.
Греч Н. И. Учебная русская грамматика (для учащихся). – СПб., 1851.
Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990 (ЛЭС).

- Ломоносов М. В. Российская грамматика. – СПб., 1755.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – Т. 4. – Вып. 2.– М.: Просвещение, 1977.
- Русская грамматика. В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 1. – М.: Наука, 1980.
- Русская грамматика. В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 2. – М.: Наука, 1980. .

C. A. Новичкова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЁЗДА С ВЕРШИНАМИ «ЖЕНА» И «МУЖ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Смена научной парадигмы в лингвистике, характеризующаяся повышением интереса к содержательной стороне языковой системы, антропоцентрическим подходом к языковым явлениям, появлением новых методов и приёмов анализа языковых фактов, позволила по-новому взглянуть на сущность такого языкового явления, как словообразовательное гнездо.

Стремление получить всеобъемлющие характеристики столь мощной микроструктуры привело к осознанию необходимости анализа семантического пространства словообразовательного гнезда, что, в свою очередь, предполагает изучение многих формальных и семантических характеристик гнезда и его составляющих.

В число характеристик словообразовательного гнезда сегодня включают его объём (на синхронном срезе), структурный тип, словообразовательную глубину гнезда, учитывают частеречную принадлежность исходного слова и производных первых–вторых ступеней, моносемию / полисемию вершинного и производных слов, словообразовательные связи слов и семантические отношения в гнезде.

На первый взгляд может показаться, что понятия объёма, структурного типа, глубины словообразовательного гнезда, а также словообразовательной глубины слова являются понятиями только лишь системы словообразования, однако количественные характеристики гнезда и его качественные характеристики в общей семантике гнезда не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены. Словообразовательное гнездо, обладающее большим объёмом и сложной структурой, значительной глубиной гнезда и словообразовательной глубиной слова, имеет, как правило, довольно развитое, объёмное и сложное семантическое пространство.

Интересным, на наш взгляд, представляется сопоставление семантического пространства словообразовательных гнёзд с содержательно соположенными вершинами «Жена» и «Муж».

Наличие содержательно соположенных единиц относится к числу важнейших особенностей лексико-семантической группы имен существительных.

ствительных – названий лиц по родству. Имена существительные – названия лиц по родству могут быть содержательно соположенными по семантическим признакам пола (женский/мужской): *муж* – *жена*, *папа* – *мама*, *отец* – *мать*, *сын* – *дочь*, *брать* – *сестра*, *дядя* – *тётя*, *тёстру* – *тёща*, *деверь* – *золовка*, *шурин* – *сноха*; поколения: *предок* – *потомок*, *мать* – *дочь*, *отец* – *сын*, *дед* – *внук*, *дядя* – *племянник*, *тёстру* – *зять*, *свекровь* – *сноха*; степени родства: *брать* – *кузен*; родства по браку (по жене / по мужу): *свёкор* – *тёстру*, *деверь* – *шурин* – *сояк*, *сноха* – *золовка*; отсутствию близкого родства (по крови / по браку): *сирота* – *вдова*.

Обращает на себя внимание факт наличия в ряде случаев одинакового или близкого количества производных у содержательно соположенных единиц:

<i>мать(42)</i> – <i>отец (38)</i>	<i>сноха(7)</i> – <i>зять(5)</i>
<i>дед (20)</i> – <i>внук (19)</i>	<i>тёстру(3)</i> – <i>тёща(2)</i>
<i>сын (18)</i> – <i>дочь (17)</i>	<i>шурин(3)</i> – <i>деверь(2)</i>
<i>мама(17)</i> – <i>папа (14)</i>	<i>агнат(2)</i> – <i>когнат(2)</i>
<i>тётя (9)</i> – <i>дядя (8)</i>	<i>деверь(2)</i> – <i>золовка(1)</i>
<i>дядя(8)</i> – <i>племянник(8)</i>	<i>потомок(2)</i> – <i>предок(1)</i>

Отметим, что лишь такие слова, как *жена* и *муж*, а также *брать* и *сестра*, будучи содержательно соположенными единицами, образуют разные по объёму гнёзда (54 – 26 и 36 – 14). Немаловажно, что из всех имён существительных – названий лиц по родству, возглавляющих словообразовательные гнёзда, существительное *жена* имеет самое объёмное гнездо.

Истоки качественного своеобразия названий лиц по родству корениются в действии экстралингвистических факторов. Экстралингвистическая информация о лицах, находящихся в отношениях родства, связана с семейным статусом лица, с системой норм и ценностей в обществе, характеристикой фольклорных контекстов и мотивов и т.д.

В патриархальной семье ценились мужчины. Это нашло отражение в иерархии лиц в системе родственных отношений. В народной традиции *муж* – глава семьи, хозяин, образующий с женою чету. Ср.: «*Муж – глава, хозяин, а жена должна любить и бояться мужа. Любить – это надо предоставить жене, как ей угодно, насилию мил не будешь; а заставить бояться – уже это дело мужа...*» (А. Н. Островский. *Невольницы*). *Муж* и *жена* – одна сатана (иноск.) – одно и то же. Где *муж*, там и *жена*. *Жена* без *мужа* – *вдовы* хуже. В старые годы бывало – *мужья* *жён* бивали; а ныне живёт, что *жена мужа* *бьёт*. *Муженёк* хоть всего с кулачок, да за *мужиной головой* не сижу *сиротой*. *Жена мужу* всего на свете дороже. *Муж* – в *дверь*, а *жена* – в *Тверь* (иноск.).

– намёк на дело одного и безделие другого. *Великий муж, доблестный муж* – здесь муж выражает достоинство человека.

Согласно данным «Словаря современного русского литературного языка» (М.; Л., 1948–1965) слово муж включает в свою семантическую структуру *три значения*:

МУЖ

1. *Мн. мужья*. Мужчина по отношению к женщине, состоящей с ним в браке; супруг.
2. *Мн. мужи*. Обычно в торжественной речи. Мужчина в зрелом возрасте.
3. *Мн. мужи*. Деятель на каком-либо общественном, научном поприще.

Ядерная сема первого значения – *мужчина*; дифференцирующая сема – *по отношению к женщине, состоящей с ним в браке*; атрибутивная сема – *супруг*. Второе значение связано с первым значением при помощи ядерной семы – *мужчина*; дифференцирующая сема – *в зрелом возрасте*; коннотативная сема – *обычно в торжественной речи*. Третье значение связано со вторым при помощи компонентов *мужской пол, возраст*; ядерная сема – *деятель*; дифференцирующая сема – *на каком-либо поприще*; атрибутивная сема – *общественном, научном*. Отношения – метафора. Тип связи – цепочечный.

Жена – одно из самых главных лиц в системе родственных отношений. В традиционной культуре считается, что женщина может реализовать себя лишь в браке. Жена считалась опорой дома, основная её деятельность протекала в доме, что служило основой её противопоставления мужчине: *Мужик да собака на дворе, баба да кошка в избе*. Жена должна поддерживать мужской авторитет, а не претендовать на главенство в семье: *Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком*. При этом жене принадлежит главная роль в сохранении традиций во всех сферах жизни. Женские достоинства, с точки зрения мужа, – это достоинства прежде всего благонравной, физически крепкой супруги, которые гарантируют мир, достаток и благополучие в семье: *Благочестивая жена – корона мужа*. Красоте предпочитается верность, уму – доброта и послушность (Славянские древности. – Т. 2. – М., 1999. – С. 205–208). Данное лицо имеет весьма противоречивые содержательные характеристики: жена может быть доброй и злой, умной и глупой, покладистой и сварливой, добродетельной и распущенной, хорошей матерью и хозяйкой или плохой и т.д.

В современном русском языке в семантической структуре слова *жена* зарегистрировано *2 значения*:

1. Замужняя женщина (по отношению к своему мужу). – Вы свободны, – продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине. – Нет, – отвечала она. – Поздно – я обвенчана, я жена князя Ворейского (А. С. Пушкин. Дубровский).
2. Устар. То же, что женщина. Пустеет поле понемногу, Тогда через пёструю дорогу Перебежали две жены (А. С. Пушкин. Полтава).

В первом значении ядерная сема – женщина, дифференцирующая сема – замужняя, атрибутивная сема – по отношению к своему мужу. Второе значение женщина толкуется как «1. Лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью». Учитывая этимологию слова жена, а также стилистическую характеристику данного слова при употреблении его во втором значении как устаревшее, можно предположить, что второе значение анализируемого слова некогда было первым, но в процессе развития слова перешло из ядра на периферию. Таким образом, первое значение слова жена развилось на основе второго в результате метафорического сужения значения.

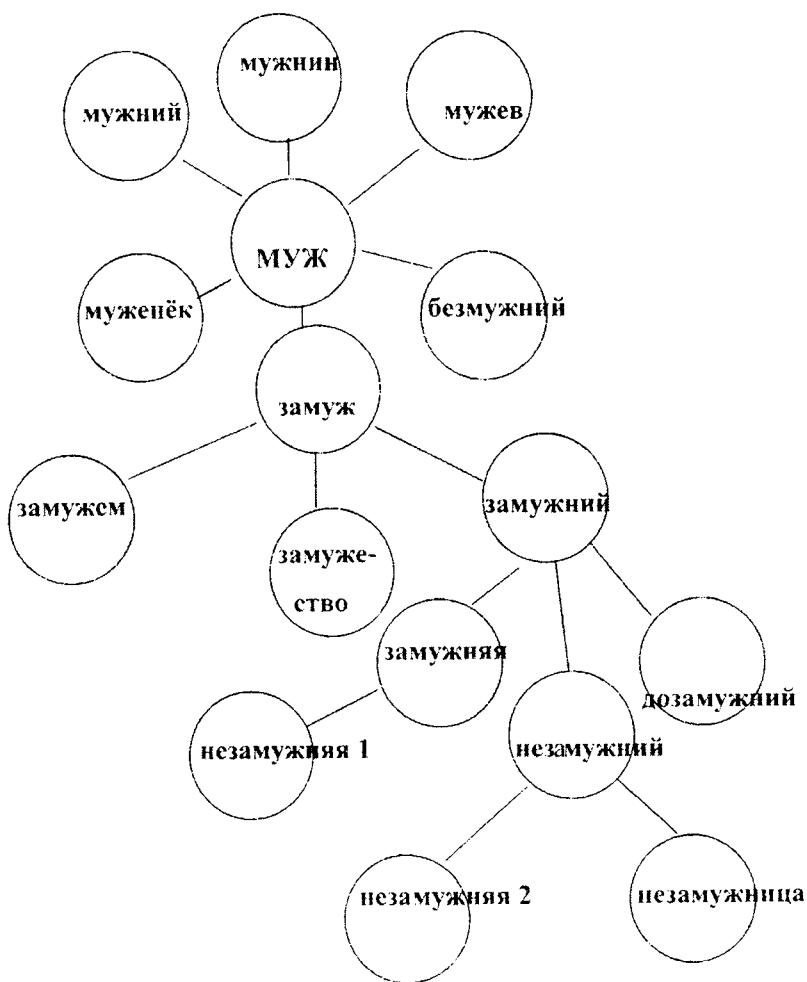
Общие характеристики словообразовательных гнёзд с содержательно соположенными вершинами «Жена» и «Муж» в сравнении даны в таблице.

Общие характеристики гнёзд							
Вершина СГ	Кол-во значений	Объём СГ	Кол-во моносемантов	Кол-во полисемантов	Глубина СГ	Тип СГ	Типы отношений
Жена		38	35	3	4	Комбинир.	Транспозиция, модификация, мотивация
Муж		15	12	3	4	Комбинир.	Транспозиция, модификация, мотивация

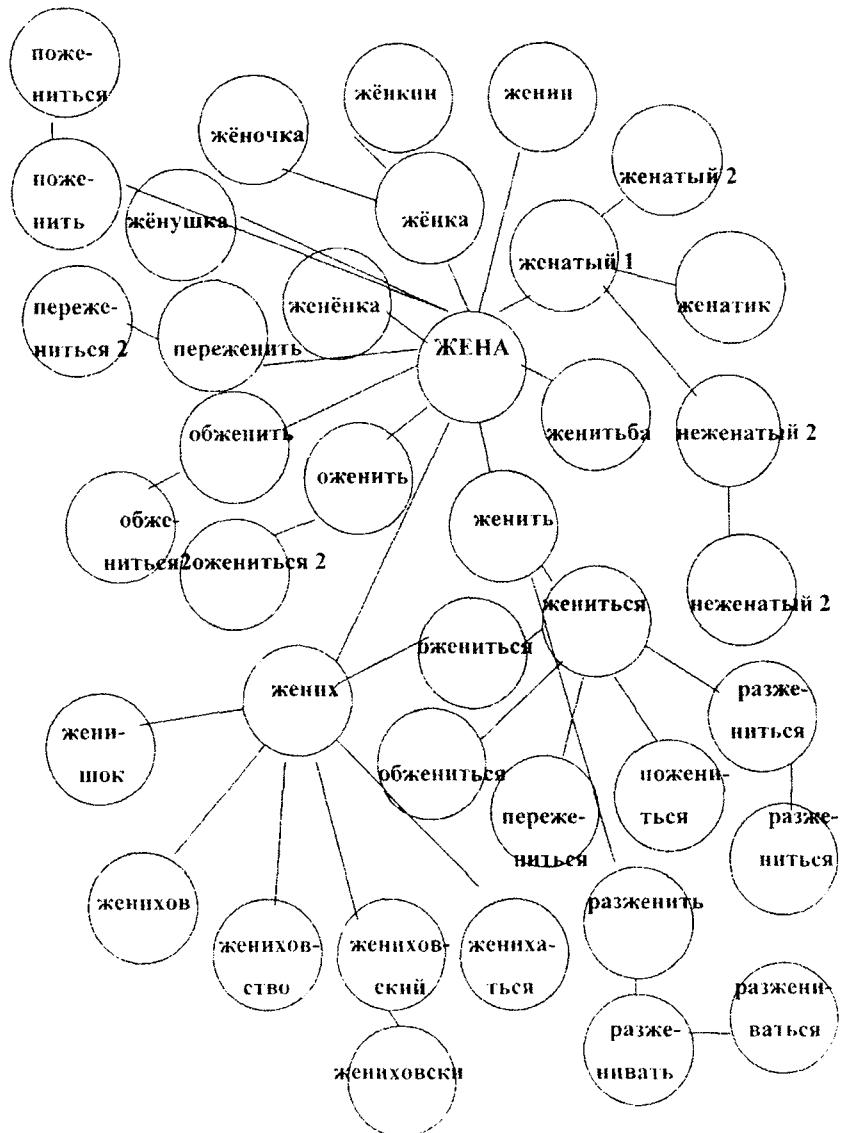
Сопоставительный анализ семантики словообразовательных гнёзд с вершинами «Жена» и «Муж» показывает, что гнёзда не совпадают по объёму (38 и 15), но совпадают по глубине (4 : 4) и типам семантических отношений. Полного наложения семантики не происходит.

Пространство вообще и семантическое пространство словообразовательного гнезда в частности трёхмерно. Оно не может быть схематически представлено на плоскости, однако на плоскости могут быть представлены его фрагменты.

*Схема фрагмента семантического пространства СГ
с вершиной «Муж»*

*Схема фрагмента семантического пространства СГ
с вершиной «Жена»*

Представленные схематически фрагменты семантического пространства вышеназванных гнёзд дают лишь общее представление об их структуре. Однако при сопоставлении даже таких фрагментов становится очевидным, что наложения не происходит: словообразовательное гнездо с вершиной «Жена» значительно богаче по своему составу и содержанию.

Исследование показывает, что внутри одного из блоков наивной картины мира, отражённого лексической микроструктурой, которую представляют словообразовательные гнёзда с вершинами существительными – названиями лиц по родству нет абсолютной соположенности. Даже в системных характеристиках обязательно обнаруживаются фрагменты, которые могут быть объяснены только восприятием человеком мира.

Н. С. Федотова

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

«Этнизация» политических и экономических процессов, пристальное внимание к особенностям межъязыковых контактов выдвинули на первый план феномен национально-культурной специфики языкового сознания [8: 3]. Язык, как явление семиотическое, способен эксплицировать ментальные образы господствующей модели мироздания лингвокультурного сообщества, реконструируя картину мира данного этноса. Специфический «покрой» культуры каждого народа отражается в способе категоризации вещей, их отношений и свойств. Создавая «свою» языковую систему с конкретным набором грамматических категорий, данный этнос определяет формы и способы мировидения [1: 3]. Для проникновения в языковое национально-культурное сознание русского народа в качестве лексической базы могут рассматриваться приставочные глаголы.

«Идеологизация структурализма делала акцент на внутренних, имманентных законах языка, что неизбежно приводило к автономизации языка, «обособлению» его как от мира, так и от человека, но в тот период именно такой акцент был продуктивным» [6: 9]. На протяжении многих десятилетий отечественные и зарубежные русисты стремились разобраться в сложности механизмов внутриглагольного приставочного словообразования, пытались найти закономерности в присоединении префиксов к глагольным основам, выявить системность в объемном и менее всего организованном массиве приставочной глагольной лексики. В лингвистике сложились определенные традиции в изучении

глагольных приставок и четкие стандартные описания приставочных глаголов. Аналитический обзор научных и учебно-методических работ в области глагольной префиксации показал, что в языкоизнании были реализованы три направления в исследовании значений и функций глагольных приставок: от приставки, от бесприставочного глагола, от приставочного глагола [3: 3]. Названные подходы прочно закрепились в научно-исследовательской практике, стали привычными, удобными, разумными и единственно возможными.

Современные акценты и стратегии, свойственные лингвистическим теориям в условиях антропоцентрической парадигмы, определяют новые повороты в описании приставочных глаголов. Так, в данной статье предлагается идеографическая классификация приставочных глаголов, цель которой состоит в том, чтобы «из семантически неупорядоченного списка получить семантически упорядоченный словарь-тезаурус» [5: 4].

Согласно толковым словарям, *идеографический* – прилагательное к слову *идеография*. *Идеография*, лингв. (или спец.) – письмо при помощи идеограмм. *Идеограмма*, лингв. (или спец.) – условный письменный знак, обозначающий (в отличие от буквы) не звук какого-либо языка, а целое слово или корень [7; 13; 14].

В современной мировой лексикографии прилагательное «идеографический» употребляется со словом «словари». «В широком понимании этого термина идеографические словари – это такие словари, в которых материал группируется не по алфавиту, а по семантическим классам, по определенным понятиям, темам или ассоциациям» [9: 9].

В соответствии с принятой в теории лексикографии классификацией идеографические словари делятся на три типа: словари-тезаурусы, или идеологические словари, к которым некоторые исследователи относят и ассоциативные словари; тематические словари.

В идеологических словарях тезаурусного типа предлагается такая классификация лексики, которая обеспечивает отнесение каждого слова в каждом из его значений к определенной смысловой группе. При лексической единице частодается грамматическая характеристика, иногда даже токование [11: 4]. Идеографический словарь аналогичного типа совмещает в себе черты алфавитного и смыслового расположения лексики. Слова размещаются в нем по алфавиту, однако лексические единицы, связанные по смыслу, группируются, кроме того, вокруг так называемых слов-центров, или смысловых доминант. Например, насекомое – муха, пчела, муравей, бабочка; ползать, лететь, прыгать, жалить и т. д. Первым таким словарем, выполненным на материале русского языка, является минимальный идеографический словарь Ю. Н. Карапулова, опубликованный в качестве приложения к его книге «Общая и русская идеография» и содержа-

щий описание центральной части 340 лексико-семантических полей и 25 расширенных полей – полных статей словаря-тезауруса (таких, как «Болезнь», «Вверх», «Дом», «Думать» и т. п.).

В идеографических словарях тематического типа (тематические словари) рассматриваются не любые лексические единицы, а главным образом те, значения которых характеризуются очевидной тематической прикрепленностью (связанностью). При создании тематического словаря сначала отбираются и определенным образом организуются необходимые темы, а затем каждая тема обеспечивается (наполняется) соответствующими словами. Иначе говоря, в идеографическом словаре тематического типа смысловой (тематический) спектр, в отличие от идеографического тезауруса, не воссоздается, а задается исходя из тех или иных потребностей [12: 8]. Именно в рамках идеографической классификации по тематическому признаку предполагается проанализировать приставочные глаголы.

Образование приставочных глаголов является одним из звеньев словообразовательной системы русского языка и представляет собой микросистему, богатую и разноспектрную по объемам семантической информации, передаваемой приставочными глаголами. Хотя состав глагольных приставок и небольшой (в-, вз-, воз-, вы-, дө-, дис-, до-, за-, из-, на-, над-, недо-, низ-, о-, об-, от-, пере-, по-, под-, пре-, пред-, при-, про-, раз-, ре-, с, со-, у-), в семантической структуре приставочных глаголов находит выражение и направленность действий в пространстве (богатая по количеству приставочных производных группа глаголов движения), и последовательность во времени (зааплодировать, за-ворчать, закричать, подуть, посыпаться, взмахнуть, переждать, перезимовать, предусмотреть, предугадать, почитать, понаблюдать и др.), и интенсивность действия (начистить, наготовить, перепугать, переволноваться, приоткрыть, притормозить, разукрасть, раскормить, разодеть и т. д.), и разнообразные оттенки результативности (законспектировать, завизировать, вылечить, выстроить, дочитать, допрыгнуть, израсходовать, истратить, насмешить, напугать, ослабеть, оглохнуть, отзвести, отшуметь, прокричать, созреть, скиснуть, укомплектовать и др.). Однако приставочные глаголы – это производные единицы, мотивированные другими знаками, которые характеризуются своими индивидуальными значениями. Свойство двойной референции производного слова дает основания утверждать, что семантика предшествует деривационному процессу и в то же время является и его результатом [2: 4].

Реализация значений приставочной морфемы определяется семантикой мотивирующей основы, поэтому изучение закономерностей русской глагольной префиксации не может обойтись без характеристики исходных глаголов. Влияние лексической базы, семантически раз-

личных серий исходных слов на приставочное глаголообразование в лингвистике доказано.

На первом этапе описания приставочных глаголов в рамках идеографической классификации, на наш взгляд, необходимо исходные корневые мотивирующие глаголы сгруппировать по темам. А затем уже в рамках каждой темы выявить закономерности взаимодействия глагольных приставок с корневыми производящими и определить продуктивные словообразовательные типы.

При формировании тематических разделов мы руководствовались утверждением, что «человек есть живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и приобретенного» [10: 126]. Имеющиеся в тематических словарях группы глаголов не покрывают все семантическое пространство, в котором располагаются приставочные глаголы. Как уже было отмечено, приставочные глаголы – это обширный пласт глагольной лексики, поэтому представить его в полной мере в рамках одной статьи не представляется возможным. Приведем лишь только отдельные фрагменты публикации языкового материала, относящегося к сфере жизнедеятельности человека. На наш взгляд, приставочные глаголы могут быть распределены по следующим темам: «Биолого-физиологические свойства человека», «Деятельность человека», «Эмоциональный мир человека», «Поведение человека», «Быт человека», «Человек и общество». В рамках каждой темы четко выделяются подтемы:

1. Биолого-физиологические свойства человека:

а) **жизнь человека** – жить (вжиться – вживаться, выжить – выживать, дожить – доживать, зажить – заживать, изжиться – изживаться, нажить, нажиться – наживаться, ожить – оживать, обжиться, обжиться – обживаться, отжиться – отживать, пережить – переживать, пожить, прижиться, прижиться – приживаться, прожить – проживать, разжиться, сжиться – сживать, ужиться – уживаться); моло-деть (помолодеть); глотать (заглотать – заглатывать, поглотать, проглотить – проглатывать); потеть (вспотеть, выпотеть – выпотевать, запотеть – запотевать, напотеть, отпотеть – отпотевать, перепотеть, попотеть, пропотеть, упот-теть);

б) **самочувствие человека** – болеть (заболеть – заболе-вать, отболеть, переболеть, поболеть, побаливать, приболеть, проболеть, разболеться, выболеть, наболеть); кашлять (закаш-лять, закашляться – закашливаться, откашлять – откашливать, покашлять, покашливать, подкашливать, прокашлять, прокаш-ляться – прокашливаться, раскашляться); знобить (зазнобить, по-знобить, познабливать, прознобить); слабеть (ослабеть, послабеть, заслабеть); чихать (вычихать, дочихать, дочихаться,

зачихать, начихаться, отчихать, отчихаться, почихать, прочихаться, расчихаться);

в) **внешний вид** – седеть (поседеть); полнеть (пополнеть, расположить); худеть (исхудеть, похудеть); хорошеть (похорошеть, охорашивать, охорашиваться, прихорашиваться).

2. Деятельность человека:

а) **физическая деятельность** – работать (вработаться, выработать – вырабатывать, доработать – дорабатывать, доработаться, заработать – заработаться, наработать – наработаться, обработать – обрабатывать, отработать, переработать, приработать – прирабатывать, проработать, разработать – разработаться); заниматься (от заниматься, перезаниматься, позаниматься, прозаниматься);

б) **познавательная деятельность** – знать (вызвать – вызнавать, дознать – дознавать, дознаться, зазнать, обознать, познать, признать, прознать, разузнать); наблюдать (она наблюдать, пронаблюдаться).

Таким же образом могут быть представлены и другие глаголы познавательной деятельности (помнить, думать, читать, писать и др.) [15];

в) **речевая деятельность** (болтать, тараторить, шутить, дрожать, спрашивать, кричать);

г) **отсутствие деятельности** (спать, отдыхать, дремать, зевать).

3. Эмоциональный мир человека (хочеть, смеяться, плакать, любить, радоваться, веселиться, бодрить, грустить ...).

4. Поведение человека, поступки (хулиганить, шалить, хамить, скандалить, винить).

5. Быт человека:

а) **жилище** (красить, шить, мыть, греть, гореть, стирать, ремонтировать);

б) **питание** (чистить, готовить, варить, жарить, тереть, обедать, завтракать, ужинать, солить ...);

в) **семья** (жениться, сватать, вдоветь ...).

6. Человек и общество:

а) **труд** (работать, сажать, растить);

б) **транспорт** (ехать, идти, плыть, лететь ...);

в) **финансы** (платить, класть, купить, продать, страховать ...);

г) **культура** (творить, создавать, снимать ...).

В процессе анализа языкового материала выявляется непропорциональность в количественном распределении производных приставочных глаголов от корневых глаголов, что вынуждает задуматься над

причинами продуктивности обраствания бесприставочных глаголов производными. Однако это предмет самостоятельного исследования. Таким образом, идеографическая классификация будет интересна для различного рода изысканий как при изучении лексики носителями языка, так и при сопоставительном изучении лексики разных народов.

Литература

1. Беляева Е. В. Грамматические ошибки в русской речи китайских учащихся // XXXII Международная филологическая конференция: Сборник. Вып. 15.: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 11–15 марта. 2003 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н. А. Любимова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.
2. Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. – Екатеринбург, 1996.
3. Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. – Воронеж, 1993.
4. Идеографический словарь русского языка. – М., 2000.
5. Карапулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.
6. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М., 2004.
8. Привалова И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование). Автореф. докт. дисс. – М., 2006.
9. Проспект. Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире / Под ред. ак. РАН Н. Ю. Шведовой). – М., 2004.
10. Роль человеческого фактора языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова и др. – М., 1988.
11. Русский идеографический словарь. – М., 2004.
12. Сахрова Л. Г., Хасanova Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка. – М., 2000.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М., 1985–1988. (Т. 1 А–И. 1985.)
14. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1956.
15. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – Т. 1, 2. – М., 1985.

Историческое словообразование русского языка

T. Г. Аркадьева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗРУШЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА

Современные исследования в области словообразования в основном нацелены на описание активных деривационных процессов последних лет, что, безусловно, оправдывается как необходимостью изучения динамики языкового сознания, языковой личности, так и языковых, в частности словообразовательных, закономерностей. Словообразовательные возможности позволяют концептуально интерпретировать действительность, словообразование открывает перспективы в понимании того, «какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [Вендин: 9]. Однако представление словообразовательной системы русского языка с креном в сторону дериваторов-неологизмов оказывается недостаточным для осмысливания русского словообразования. Словообразовательные гнезда слов, члены словообразовательных парадигм должны быть подвержены анализу под углом зрения этимологических, диахронических отношений, рассмотрены в свете факторов, определяющих их изменения, развития, условия становления и бытования в современном русском языке. Диахронический анализ выявляет признаки, которые не доступны поверхностному взгляду, а требуют более пристального наблюдения за жизнью слова в его истоках и истории. Осознание словообразовательной системы складывается не только на основе соотнесения слов по живым связям, но принимаются во внимание скрытые историческими напластованиями связи и отношения слов, при этом рельефнее становятся и перспективы движения к современному состоянию словообразовательной системы. При таких широких ориентациях в изучении словообразования от его ретроспективы до сего-дняшнего состояния вскрывается глубокое объективное содержание слов, обнаруживаются некогда существовавшие связи происхождения слова от другого, отсюда – исторические отношения называния и словоизвестства.

В данной работе рассматриваются словообразовательные гнезда, однако этот материал отличается от традиционно описываемых гнезд слов особыми характеристиками – это этимологические гнезда слов, члены которых пережили деэтимологизацию в современном русском языке. Слова эти утратили связи с родственными по образованию словами, которыми определялись его структурные и семантические характеристики, первоначальная мотивированность этих словстерлась, они переосмыслились в своем значении, нередко и в морфемном составе, вступили в систему новых структурных и семантических отношений, «обросли» новыми словообразовательными гнездами.

Существенным компонентом изучения этимонимов (слов, переживших деэтимологизацию) является установление языковых и экстраварлингвистических факторов и механизмов их формирования в языке. Здесь мы не останавливаемся на таких очевидных причинах разрыва исконных словообразовательных связей, как фонетические преобразования, коренным образом изменившие облик слова для восприятия их в качестве родственных в языковом сознании современного человека.

Например, буча-бык-лечела: названы по признаку звукоподражания от глагола букать «издавать характерный звук» [Сетаров: 45];

рдеть-рудя-русый-рыжий-рысь: название по цветовому тону [Сетаров: 52];

каравай-корова: в этимологическом соотношении слов отразилась ритуальная связь. По итогам разысканий В. В. Одинцова явствует, что изначально жертвенная корова в обрядовых действиях позднее стала заменяться символом – из теста выпекалось изображение коровы, а затем такой пирог украшали изображением одного из признаков животного – рогами, такой пирог и назывался рогатый каравай [Одинцов: 25–26];

щи-сок: щи букв. значит «постный овощной суп» [Колесов: 78];

выспренний-папоротник-перо-прaporщик, букв. «знаменосец» (от прaporъ « знамя», букв. «то, что развевается, колышется») – парить; слово *папоротник* предположительно первоначально обозначало «крыльце у птицы, малое крыльышко», а потом – по сходству – бесцветковое растение [Черных: 159];

закон (букв. «черта, которую нельзя преступить») – конец-чадо-щенок-начинать [Трубачев 1959: 43].

Вместе с тем присоединимся к постановке М. М. Маковским вопросов «является ли слово «неделимой» единицей языка и до какого предела изменение фонетического состава слова не влияет на его значение? С другой стороны, каков предел изменения значений, не влияющий на изменение «фонетической формы» слова?» [Маковский: 7].

Шагом к ответу на эти вопросы становится анализ этимонимов современного русского языка.

В настоящей статье предметом внимания будут слова, в которых в процессе развития языка под влиянием различных факторов затушевывается этимологическое строение слова, происходят изменения в соотношении производящих и производных слов. Эти изменения связаны прежде всего с разрушением двуединства референции производного слова – осознаваемости формальной структуры (корня и аффиксов) и структуры значения производного слова. Преобразования этимологических связей производных слов могут быть вызваны действием различных закономерностей как в аффиксальной части слова, так и в его корневой части. Связи слов по образованию могут стираться или вообще утрачиваться, а разрушение словообразовательной связи содействует семантическому обособлению. В подобных ситуациях слово невозможно подвести под тот или иной словообразовательный тип, наметить его семантическую схему. Значение данного слова не укладывается в формулу, которая в семантической своей части спаяна с мотивированностью слова и способствует генетически заданной семантизации слова. Вместе с аннулированностью или модификациями словообразовательных элементов утрачивается и мотивированность слова, что влечет за собой ослабление его связей в языке, слово становится единичным образованием, которое не допускает семантического обобщения. Традиция употребления слова, корректируя и конкретизируя словообразовательную модель, компенсируя недостающие в ней смысловые элементы, утверждает реальное значение слова, не соответствующее тому, которое диктовалось исходной структурно-семантической соотносительностью слова.

Прочность связей внутри этимологического гнезда зависит от того, в какой мере значение одного из членов гнезда выводимо из значения другого, находящегося с ним в словообразовательных отношениях, в какой мере при семантизации слова можно опереться на этимолого-семантическое поле словообразовательного гнезда. Доступность самообъяснения значения слова в рамках этимолого-семантического поля неотделима и от того, насколько очевидны и узнаваемы составляющие его морфемы, продуктивен способ образования этого слова. Весьма распространенной предпосылкой разрушения словообразовательного гнезда оказывается утрата в современном языковом сознании суффиксов у этимологически родственных дериватов. Превращение суффикса в мертвый связано с ослаблением связей, обеспечивающих структурно-семантическую соотносительность производящего и производного слова, с невозможностью построения семантической схемы деривата, определения его внутренней формы. Это открывает новые направления формирования значения производ-

ного слова, обуславливает появление в номинативной единице семантической надбавки, тех сем, которые генетически не запрограммированы в новом слове. Дополнительные семы иногда так изменяют значение слова, что не позволяют с точки зрения современных отношений соотнести его с исконно родственными словами. Например, *месяц-мера*: луна мыслилась как мерило времени; «...луна, – пишет Ф. П. Филин, – с ее наглядными фазами изменения в эпоху господства «природного календаря» представляла собою доступное для конкретно-образного мышления средство исчисления времени» [Филин: 113]. *Месяц* первоначально «часть (двенадцатая) года», период времени, за который луна нарождается и вырастает до полнолуния [Черных: 53].

Сивый-сизый-синий-сиять: синий первоначально «сияющий, сверкающий»; дальнейшие трансформации всех производных прилагательных этого гнезда по признаку обозначения цвета [Черных: 90].

Анализ языкового материала позволяет установить комплексный характер в обусловленности разрыва словообразовательных связей. Отчетлива взаимозависимость структурных изменений, в том числе набора собственно словообразовательных средств как строительного материала для новых номинаций, и семантических движений в соотношении производящих и производных слов в общественно-историческом пространстве бытования слов. Семантические смещения неоднородны, здесь просматривается несколько группировок.

Одна из них связана с изменением семантического объема исходного слова как материального выражителя семантической общности в словообразовательном гнезде, в совокупности значений которой отмечены значения не только «острый, резать», но и «болеть»; названия щука и скука и воплотили разные векторы в реализации семантического потенциала древнего корня [Коломиец: 95–96].

Аналогичные преобразования демонстрируют этимонимы *тряпка – стряпать – трепать*, которые базировались на широкой семантике словообразовательной основы «попирать, давить (ногами)» [Абаев: 12].

Стан – стол – стать: по предположению О. Н. Трубачева, корневой глагол обозначал не «стоять отвесно, прямо», а «стоять неподвижно», при этом было несущественно, в какой позе или под каким углом к горизонтам сохранять это неподвижное положение. Забытый ныне компонент «неподвижность» и послужил мостиком к переходу к значению слова *стан* «жилище, обиталище». В отношении такого древнего производного, как *стол* «сидение. стол», «вообще нелогично было бы утверждать, что здесь отразилась вертикальность реалии, поскольку и в этом случае особенно ясно выделена при назывании именно неподвижность, устойчивость» [Трубачев 1966: 125].

Друг-дерево от индоевропейской основы с широким кругом значений «крепкий, прочный», «дерево», «надежный, верный». Извлечение из ряда возможных значений для слова друг «верный, сообщник, товарищ» и актуализировало тот компонент индоевропейского корня, который был удобным для общественного термина [Трубачев 1959: 172].

В другую группу семантических факторов разрушения словообразовательных гнезд входит утрата ступени семантической деривации. С выпадением отдельных звеньев в содержательной истории слова ослабевает семантическое притяжение между этимологическими однокоренными словами, и некогда производные слова оказываются вне структурно-семантических связей, за ними закрепляются автономные значения. Например, в слове *негодяй* в соотношении *негодяй-годный* не определяется значение, востребованное еще в начале XIX в., «человек, непригодный к делу, ни к чему не способный; бездельник» [Лексика: 60].

Привлечение этимологических данных необходимо и для прояснения словообразовательной истории слова *стадо* в упоминавшемся гнезде этимонимов *стан – стол – стать*, куда входит и слово *стадо*. *Стадо* первоначально обозначало «место пребывания скота, стойло, загон для скота», далее слово относилось к скоту, содержащемуся в стойлах, постоянных помещениях [Горбачевич: 12; Трубачев 1960: 104].

Забвение этих семантических шагов обособило слово в словообразовательном гнезде и способствовало закреплению за ним современного значения «группа животных, пасущихся вместе».

Подобный механизм выпадения из этимологического словообразовательного гнезда наблюдается и в отношении слова *рубаха* в гнезде этимонимов *рубаха – рубеж – рубль – рубить*: *рубаха* первоначально «кусок ткани», потом «одеяние»; далее к современному значению «мужская одежда для верхней части тела» [Черных: 71].

Ср. также *наволочка – волочить*: *наволока* сначала означала всякое покрывало, потом покрывало постели; в дальнейшем путем атрибутивного различия противопоставляется *наволока подушечная /наволока постельная*. Затем обозначение *наволока постельная* вытесняется специальными наименованиями (простыни, одеяла), а *наволока подушечная* теряет дифференциальный эпитет [Ларин: 57].

Семантические изменения сопровождаются структурными: слово *наволочка* становится неделимым в своем строении на составляющие.

Утрата одного весьма существенного признака в исходном наименовании *кобель* настолько отдала это слово от производящего белый (в словосложении с *ко-*), что они никак не связываются в семантическом сцеплении друг с другом в современном языковом сознании.

О. Н. Трубачев полагает, что словом кобель в истоках обозначалась разновидность собаки светлой масти. Намек на это первичное значение живет в пословице «черного кобеля не отмоешь добела», где слово кобель выступает не в обычном современном значении «самец», а как обозначение цвета по преимуществу [Трубачев 1960: 29].

Показательна в рассматриваемых семантических ориентациях, связанных с разрушением словаобразовательного гнезда, группа слов-этимонимов, внешний облик которых не претерпел глубоких изменений. Бывшие родственники по формальным показателям накладываются друг на друга, а носители языка без труда соотносят слова по звуковому составу, выделяют аффикс, если их нацелить на такую структурную аналитическую работу. Но при этом даже в филологически подготовленной аудитории утверждается, что слова семантически далеко отошли друг от друга и не воспринимаются как однокоренные. Предпосылка разрыва связей слов по корню в данном случае лежит в собственно семантических преобразованиях, в нарушении того семенного равновесия, которое дает возможность толковать значение одного слова посредством другого в пределах словаобразовательного гнезда. В семантике производного в ходе его функционирования накапливаются и оказываются доминирующими семы иной содержательной принадлежности по сравнению с той, которая предусматривалась этимологического-словообразовательным семантическим пространством. Внутренняя форма слова в данном случае теряет позиции даже имплицитной информации, «передача которой оказывается факультативной при восприятии слова» [Имплицитность: 31]. Этую группу отражают, например, такие этимонимы, как *товарищ-товар*, где *товарищ* букв. значило «сопровождающий товар и торговцев при покупке, продаже, перевозке» [Одинцов: 26].

Изумить – ум: изумить букв. «сводить с ума, лишать рассудка»; при объяснении обстоятельств разрыва некогда родственных связей учитывается древнее представление о том, что состояние экстаза, временного безумия является моментом, приобретения знаний и способностей [Меркулова: 146–147].

Мешкать – мешать: семой, этимологически связывавшей данные глаголы, нужно признать «совершать действие, которое характеризуется круговыми, колебательными движениями небольшой амплитуды, производящимися в течение длительного времени практически на одном и том же месте». Дополнительное семеное наполнение этимологически производного глагола *мешкать*, приведшее к современному значению «долго не приступать к делу, не торопиться», строилось на базе его исходного содержания «долго заниматься каким-либо однобразным делом, находясь на одном и том же месте, например, *месить, мять, чесать и т. п.*» [Петлева: 70].

Зябнуть – прозябать: этимологическим семантическим импульсом для глагола зябнуть было первоначальное значение глагола прозябать «прорастать, расти»; семантический объем слова зябнуть складывался, как объясняют исследователи, по линии абстракции от конкретного значения, связанного с земледелием, – вспашка, посев в начале холодной поры, прорастание в холодную пору – мерзнуть вообще [Трубачев 1959: 154; Матвеева: 21].

Пастырь – пастух: значение слова пастырь «священник, руководитель» с маркером религ. формировалось в процессе его употребления как дифференциация со словом пастух, с которым изначально они обладали одним значением – «тот, кто пасет стадо». Вместе с тем слово пастырь переместилось из скотоводческой лексики в религиозную [Трубачев 1985: 10].

На этой ступени языковой выраженности и коммуникативного восприятия семантические преобразования, по мнению Л. Г. Яцкевич, являются причиной возникновения семантически связанных корней. «Первоначально яркая образная мотивированность производного слова со временем может стереться, потускнеть, утратить актуальность для говорящего и слушающего при частом употреблении, что также приводит к лексическому обособлению корня; его смысловой связанныности с лексическим значением только данного слова, а не всех исторически родственных слов» [Яцкевич: 9].

Очевидны семантические факторы изоляции слова в этимологическом гнезде, наблюдаемые в словах *враг*, *изверг*. Первоначально слова были соположенными по значению «отщепенец, отверженный, человек вне рода, изгнанный из рода» (*враг* от индоевропейского корня со значением «gnать»); потребность в новом производном слове *изверг* появилась, как полагает О. Н. Трубачев, с ослаблением этимологических связей более древнего слова *враг* [Трубачев 1959: 176]. Таким образом, и у слова *враг*, и у слова *изверг* современные значения соответственно «противник» / «жестокий человек, мучитель» вторичны. Эти примеры демонстрируют ту особенность семантических преобразований в словообразовательном гнезде, которая связана с утверждением в поступательном движении значения слова метафорического значения в качестве первого основного, при этом первичное этимологическое значение просто забывается.

Аналогичные закономерности отмечаются, например, и у слова *морошка* в гнезде этимонимов *морошка* – *морось*, *морошка* первоначально именовалась по внешнему виду спелых ягод, напоминающих мелкую каплю [Чепик: 28].

Установление семантических факторов разрушения словообразовательного гнезда не может быть категоричным и прямолинейным. Здесь нельзя не учитывать переплетение и взаимодополнение пред-

посылок, обусловливающих разрыв словообразовательных связей. Лингвистические и экстралингвистические предпосылки в комплексе действуют на лексическую единицу, обособляющуюся в этимологическом гнезде, и определяют ее семантический статус в современном языке. Ср., например, взаимосвязь фонетических, структурных, семантических, внеязыковых изменений, повлиявших на превращение бывших дериватов в этимонимы в гнездах:

Милый – мир: исходным значением слова *милый* принимается «дружественный, полюбовный союз», доминирующее сейчас значение «приятный, прелестный» проистекает от этой главной, определяющей связи своих со своими (ЭССЯ: 40);

Петь – пить: развитие значения глагола *петь* шло по схеме *давать пить – пить в славу – славить – издавать голосом музыкальные звуки* [Савельева: 84];

Ягненок – огонь: ягненок букв. «животное огня, жертвенное животное» – выступал как религиозный термин и обозначал одушевленный огонь, при помощи которого совершались и которому также могли предназначаться жертвоприношения [Трубачев 1960: 73].

При рассмотрении семантических сдвигов в пределах этимологического словообразовательного пространства обращают на себя внимание гнезда, члены которых переживают так называемую обратную мотивацию. Например, *баба – бабочка*: структурно слово *бабочка* образовано от *баба*, однако семантическая эволюция шла в направлении от *бабочки* к *бабе* по цепочке «ведьма, колдунья» – «старуха». Семантическое развитие объясняют старинным поверью, что некоторые животные, в том числе и бабочки, – тайные колдуны [Сетаров: 15].

Аналогично *бог – богатый*: Бог букв. «податель благ, наделяющий благом» [Одинцов: 28], старая мотивировка персонифицируется и позже освещается, в итоге импульсом развития значения непроизводного слова становится семантика производного слова.

Выявление семантических факторов разрушения гнездовых контактов, гнезд слов, члены которых объединены по этимологической основе, слов, утративших первоначальную мотивированность и исконные связи, изолированных по этому признаку в словообразовательных микроструктурах, переосмысливших и освоенных современным языковым сознанием, оказывается возможным не только для углубления знаний об организационных особенностях лексикона, но и для обнаружения путей человеческой мысли в поиске наименования новой реалии. Факты превращения дериватов в этимонимы подтверждают мысль, высказанную О. Н. Трубачевым: «В языке гораздо больше абсолютных прибавлений и вычитаний (утрат). Значит основной путь изменения словарного состава – это переосмысление» [Трубачев 1988: 207].

Литература

- Абаев В. И. Несколько замечаний к славянским этимологиям // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971.
- Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.
- Горбачевич К. С. Язык – памятник культуры. – Л., 1965.
- Имплитность в языке / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. – М., 1999.
- Колесов В. В. Культура речи – культура поведения. – Л., 1988.
- Коломиц В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб. – Киев, 1983.
- Ларин Б. А. Парижский словарь московитов 1586 г. – Рига, 1948.
- Лексика русского литературного языка XIX – начала XX в. – М., 1981.
- Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М., 1989.
- Матвеева Н. П. Свидетели истории народа: Наследие праизуров. – М., 1993.
- Меркулова В. А. Народные названия болезней (на материале русского языка). IV // Этимология. 1986–1987. – М., 1989.
- Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы. – М., 1982.
- Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XV // Этимология. 1986–1987. – М., 1989.
- Савельева Л. В. Языковая экология. русское слово в культурно-историческом освещении. – Петрозаводск, 1997.
- Сетаров Д. С. Типология номинации, мотивации и лексико-семантических преобразований. – Вильнюс, 1988.
- Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М., 1959.
- Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования). – М., 1960.
- Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). – М., 1966.
- Трубачев О. Н. Праславянская лексикография // Этимология. 1983. – М., 1985.
- Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистических реконструкций. – М., 1988.
- Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Уч. зап. Ленингр. Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – 1949. – Т. 80.
- Чепик Ф. А., Попов А. Ю. Этимология русских названий растений. – СПб., 1994.
- Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. – М., 1956.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 19. – М., 1992 (ЭССЯ).
- Яцкевич Л. Г. Слова со связанными основами: Словарь-справочник. – Вологда, 2006.

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА
ТОПОНИМОВ НА -ОВО / -ЕВО, -ИНО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале памятников письменности Белозерья
конца XIV–XV в.)

Словообразование топонимов современного русского языка обычно рассматривается с синхронической точки зрения. В исследованиях, направленных на изучение структурных особенностей географических названий, топонимический материал классифицируется на основании общности топослов и топоформантов, устанавливаются словообразовательные типы и модели онимов [4, 2, 6, 7]. Синхроническое описание топонимических единиц, зафиксированных в памятниках письменности Белозерья конца XIV–XV в., сопряжено с рядом сложностей, обусловленных тем, в данный период топонимическая система Белозерского края находилась в процессе своего формирования. Более продуктивным представляется использование диахронического подхода к описанию словообразовательных явлений в сфере географических названий данной эпохи. В настоящей статье на материале памятников монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV–XV в. рассматриваются особенности процесса топонимообразования и топонимического морфемообразования в сфере посессивных наименований земельных угодий.

Отличительной особенностью памятников деловой письменности Белозерского края является наличие номинативных вариантов топонимов: *Гущина деревня* (ACBP II, 223, 1473) – дер. *Гущино* (ACBP II, 290, ок. 1492). Диахронический подход к изучению топонимического словообразования позволяет объяснить причины возникновения подобных вариантов. По мнению Е. С. Кубряковой, «появление знака всегда отражает стремление заменить одну сущность другой таким образом, чтобы облегчить этим ментальные, или же мыслительные, процессы в человеческом сознании» [3: 421]. Как отмечают исследователи, словоизводственный процесс может развиваться в направлении «от синтаксически выраженного (в словосочетании) содержания к его лексическому объективированию» [5: 17]. Структуру многих однословных топонимов можно рассматривать как своеобразное свертывание, синтетическое сжатие синтаксического целого. В чистом виде лексико-грамматическая конденсация представлена в сфере отапеллятивных наименований. Топонимы типа *ложня Долгая* (ACBP III, 478, 1403/04), село *Конечное* (АФЗХ, 307, 1453) образуются в результате эллиптической субстантивации топонимического сочетания, стяжение не сопровождается изменениями морфемного состава суб-

стантивированного прилагательного. В области отантропонимических наименований лексико-грамматическая конденсация имеет более сложный характер.

Эволюционное словообразование посессивных топонимов может рассматриваться как цикл, как заданный системой путь развития языковых единиц, используемых для номинации географических объектов. Движение по словообразовательному циклу в сфере посессивных именований обусловлено изменением способа выражения разрядного топонимического значения и представляет собой поэтапное движение от раздельнооформленных топонимических сочетаний, в которых разрядное значение выражено географическим термином (*Федоров луг* – АСВР II, 290, ок. 1492), к собственно топонимам, реализующим разрядное значение с помощью специализированного топоформанта (*пустошь Тарасово* – АСВР II, 192, 1491). Статус форманта непосредственно зависит от стадии словообразовательного цикла, следовательно, топонимическое морфемообразование также может быть рассмотрено как эволюционный цикл, состоящий из нескольких фаз. Впервые понятие эволюционного цикла морфемы в связи с проблемами морфемообразования было использовано Л. Г. Яцкевич. В её работе характеристика отдельных фаз циклов морфемообразования производится с применением функционально-типологического подхода, основу которого составляет положение о функциональной неоднородности морфем в слове [8].

Использование в текстах для номинации географических объектов посессивных синтагм, включающих в свой состав географический термин и притяжательное прилагательное на *-ов/-ев, -ин*, отражает начальную fazу цикла топонимического словообразования и морфемообразования. Именования *Мосеикова нива* (АСВР II, 298, ок. 1490х), *Морозов починок* (Арх. еж., 5, ок. 1489–1492), *Мохирева деревня* (АСВР II, 230, ок. 1475–80), *Олешкова пустошь* (АСВР III, 272, 1497) являются формами с живым посессивным значением. Это подтверждается наличием в актах антропонимов, послуживших производящей базой для притяжательных прилагательных: «...с тою поженкою, которую Нестерко у Ондрея выменил в Ондрееве наволоце» (АСВР II, 3, 1397–1410). В конструкциях типа *Ондреев наволок* разрядное топонимическое значение выражено географическим термином, форманты *-ов/-ев, -ин* полностью реализуют свою словообразовательную функцию, следовательно, находятся в сигнификативно сильной позиции.

Эллиптическая субстантивация топонимических сочетаний составляет следующую fazу цикла топонимообразования. В ряде конструкций, зафиксированных в исследуемых монастырских актах, номенклатурный географический термин находится в препозиции по отношению к притяжательному прилагательному: *наволок Неволин* (АСВР II, 223,

1473), пожня Старцева (ACBP II, 35, 1397–1427), огород Микитин (ACBP II, 238, 1476–82), земля Онисимова (ACBP II, 93, ок. 1430-х–40-х), деревня Гаврилкова (ACBP II, 51, 1428–32). Препозиция номенклатурного слова – косвенный показатель начала процесса субстантивации топонимических сочетаний и, как следствие, десемантизации посессивной морфемы. Однако положение географического термина не является достаточным критерием для определения степени топонимизированности именования, поскольку позиция притяжательного прилагательного по отношению к определяемому существительному в текстах могла варьироваться: земля Мохирева – *Мохирева деревня* (ACBP II, 230, ок. 1475–80), *Митина деревня* (ACBP II, 273, 1486–89) – дер. *Митина* (ACBP II, 290, ок. 1492).

Параллельно процессу эллиптической субстантивации посессивной конструкции происходит процесс лексикализации формы единственного числа среднего рода притяжательного прилагательного. Об этом свидетельствует наличие в исследуемых текстах вариантов: *пустошь Сыроешкина* (ACBP III, 267, ок. 1450) – *Сыроежкино земля* (ACBP III, 272, 1497), *деревня Гущина* (ACBP II, 223, 1473) – дер. *Гущино* (ACBP II, 290, ок. 1492), *пустошь Глебцево* (ACBP II, 290, ок. 1492) – *пустошь Глебцева* (ACBP II, 316, 1556) и т.д. В лексикализованных формах земля *Сушково* (ACBP III, 272, 1497), дер. *Мокеиково* (ACBP II, 259, 1481/82), деревня *Сычево* (ACBP II, 267, 1485) форманты *-ов/-ев, -ин*, исконно имеющие значение посессивности, лишаются семантической нагрузки и переходят в разряд слабых морфем. На данной стадии топонимического морфообразования флексия *-о* находится в сильной позиции и выполняет топонимообразующую функцию.

Несмотря на то, что в конструкциях типа дер. *Горчярово* (ACBP II, 290, ок. 1492), *пустошь Кузнецово* (ACBP III, 475, 1508) формальное согласование топонимов с географическим термином отсутствовало, опущения определяемого существительного не происходило. Топонимы, подвергшиеся процессу субстантивации, обычно находятся в постпозиции по отношению к номенклатурному слову: *пустошь Сандалово* (ACBP II, 267, 1485), *пустошь Безопишино* (ACBP III, 267, ок. 1450-х). Исключение составляют географические названия *Носищево земля* (ACBP III, 272, 1497), *Алышкино земля* (ACBP III, 272, 1497), *Шевницино земля* (ACBP III, 272, 1497), зафиксированные в поземельном акте из архива Спасо-Каменного монастыря. Регулярное употребление географического термина при посессивной форме объясняется, по мнению Ю. С. Азарх, необходимостью поддерживать «первично складывающееся разрядное значение имени собственного» [1: 141]. Обязательное использование географического термина могло быть обусловлено характером исследуемых текстов. Официально-деловая

форма записи в XIV–XV вв., вероятно, требовала фиксации номенклатурного слова при географическом названии.

Эволюционный цикл топонимообразования завершается переразложением основы географического именования, выделением топоформантов *-ово/-ево*, *-ино*. В результате данных процессов складывается новый способ топонимического словообразования: аффиксация по модели. О начале формирования к концу XV в. собственно ономастического словообразовательного типа свидетельствует сочетаемость конечных *-ово/-ево*, *-ино* с основами апеллятивного характера (*дер. Передово* – АСВР II, 290, ок. 1492), употребление в текстах топонимов на *-ово/-ево*, *-ино*, образованных способом вторичной аффиксации от основы притяжательного прилагательного (*дер. Понтиново* – АСВР II, 290, ок. 1492), переоформление под влиянием топонимов на *-ово/-ево*, *-ино* йотово-посессивных географических наименований: *Милобудь* (АСВР II, 140, 1448–70) – *Милобудово* (АСВР II, 142, 1448–70). Складывание ономастической модели подтверждается наличием в монастырских актах рядов однотипных по структуре топонимов, употребленных без географического термина: «...дал яз, князь Михаило Андреевичъ, в дом святей Богородице ... *Пружинино* ... да *Пробудово* ... да *Трофимово*, да *Полтино*, да *Добролово*» (АСВР II, 223, 1473). В именованиях, образованных в результате аффиксации по модели, форманты *-ово/-ево*, *-ино* являются средством выражения разрядного топонимического значения, выполняют топонимообразующую функцию.

Разнообразие вариантных форм топонимов, отмеченных в исследуемых текстах, свидетельствует о том, что в XIV–XV вв. процесс формирования посессивных топонимов не был завершен. В исследуемый период действовали два способа образования отанторопонимических географических названий: лексико-грамматическая конденсация топонимического сочетания, аффиксация по модели. Однако относительно каждого конкретного случая невозможно однозначно установить, как возник топоним на *-ово/-ево*, *-ино*: в результате длительного исторического процесса постепенной утраты определяемого существительного (эллиптической субстантивации) и последующей лексикализации формы среднего рода или в результате единичного словообразовательного акта (аффиксации по модели).

Литература

1. Азарх Ю. С. Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. – Вологда, 1980. – С. 137–144.
2. Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. – Томск, 1973.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание На пути получения знаний о языке. – М., 2004.
4. Никонов В. А. Славянский топонимический тип // Географические названия. – М., 1962. – С. 17–34. (Вопросы географии; сб. 58)

5. Торопцев И. С. Словопроизводственная модель. – Воронеж, 1980.
6. Чайкина Ю. И. География словообразовательных моделей Русского Севера (на материале ойкономии Вологодской области) // Ю. И. Чайкина. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – Вологда, 2005. – С. 93–108.
7. Шеулина Г. Л. О структурно-словообразовательном подходе к анализу топонимического материала // Проблемы русской ономастики. – Вологда, 1985. – С. 116–122.
8. Яцкевич Л. Г. Слова со связанными основами: Словарь-справочник. – Вологда, 2006.

Сокращения

- Арх. еж. – Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Археографический ежегодник. – М., 1970.
- АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. II, III. – М., 1958.
- АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. – Т. I. – М., 1951.

Л. М. Голиков

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОДЪЯЗЫКА УГОЛОВНОГО ПРАВА XVIII В.

Совокупность уголовных и уголовно-процессуальных специальных наименований XVIII в. представляют собой принадлежность специального юридического подъязыка. Специальный подъязык (или язык для специальных целей) в лингвистике определяется учеными по-разному. Во-первых, под специальным подъязыком понимается «набор языковых элементов и их отношений в текстах с однородной тематикой» [1: 127]; во-вторых, это разновидность социального диалекта, функция которой – «служить средством связи для лиц, входящих в определенную... профессиональную группировку ... имеющую свои интересы...» [5: 59]; в-третьих, если встать на позиции исторического терминоведения, «подъязыком... следует считать особую функционально и тематически ограниченную форму существования общенародного (а с XVII в. – единого национального) языка, его функциональную подсистему, которая противопоставлена другим формам языка (литературному, народно-разговорному, просторечию, территориальным и социальным диалектам) по ряду признаков» [6: 75–76].

Уголовное право (сюда мы включаем и уголовно-процессуальное, и уголовно-исполнительное право, так как они стали разграничиваться лишь к концу рассматриваемого периода) как одна из древнейших и более развитых в XVIII в. отраслей права имеет четко организованную структуру специального подъязыка. В соответствии со схемой трехслойного устройства специального языка, предложенной О. В. Фельде (Борхвальдт) [6: 77], в уголовном подъязыке выделяются профессио-

нальный диалект (под единицами профессионального диалекта мы понимаем специальные наименования, бытующие в основном в разговорной речи специалистов, однако единицы профессионального диалекта, а среди них можно выделить прототермины, профессионализмы [6: 78], активно проникают в практический документооборот, в государственные указы, рассматривающие частные случаи); терминология – комплекс специальных наименований, официальный статус которых закрепляется их использованием в уголовных и уголовно-процессуальных законодательных актах (необходимо заметить, что количество профессионализмов в подъязыке уголовного права гораздо меньше количества терминов). Кроме того, на протяжении XVIII в. в подъязыке уголовного права начинает формироваться терминосистема, что отражает естественный процесс развития специальных подъязыков, так как все они стремятся наиболее полно и четко отражать понятийный комплекс той или иной области знаний.

При рассмотрении вопроса о системной организации специальных наименований необходимо говорить о понятии «поле». «Поле – своеобразная область существования термина, внутри которой он обладает всеми характеризующими его признаками, область искусственно очерченная и специально охраняемая от посторонних проникновений. Принадлежность к определенному полю является самым существенным признаком, отличающим термины-слова от обычных слов. Поле для термина-понятия – это та система понятий, которой он принадлежит, а для термина-слова – та совокупность других терминов-слов, с которыми он сочетается в рамках данной науки, на базе которых формируется сам и на которые оказывает влияние своей языковой формой. Но первое и главное для поля – экстралингвистическая направленность, в соответствии с которой организуются языковые средства выражения» [17: 111]. Таким образом, контекст (ситуации, регламентированные законом), в котором используются специальные наименования уголовного права, является для них полем. Поле – это структура, которая системно организует терминологию. Основанием для системности специальных наименований является системность понятий теории. В целом экстралингвистический характер организации терминологии уголовного права определяет её лингвистические особенности.

Формируясь, терминосистема устанавливает парадигматические (среди которых следует особо выделить гиперо-гипонимические, паритивные отношения), синтагматические, деривационные и деривационно-ассоциативные отношения между элементами. «Главным фактором смыслового упорядочения словаря являются гипер-гипонимические (родо-видовые, категориально-спецификационные) и паритивные семантические связи. Их действие распространяется на весь словарь,

благодаря им он предстает как целостная иерархическая структура» [13: 73], поэтому данные виды отношений являются определяющими в построении терминосистемы, от них зависят все другие отношения.

Наша статья посвящена деривационным средствам создания терминосистемы, так как анализ словообразовательных типов терминологической системы наиболее ярко демонстрирует процесс её становления. По утверждению А. А. Реформатского, «общая тенденция слов языка – тенденция к системности в словообразовании – в терминах особо рельефна» [15: 166].

Материалом для статьи послужили специальные наименования актов уголовного законодательства XVIII столетия, среди которых наиболее значимы «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинах деньгах» (1697 г.); «Артикул Воинский» (1715 г.); «Краткое изображение процессе или судебных тяжеб» (1715 г.); «О форме суда» (1715 г.); «Наказ, данный комиссии о сочинении проекта Нового Уложения» (1767 г.) «Устав благочиния или Полицейский» (1782 г.) и др.

Мы рассмотрим две развивающиеся подсистемы уголовного права XVIII в: наименования преступлений и наименования наказаний. Наш выбор объясняется большим количеством терминов, входящих в данные группы слов, а также тем обстоятельством, что в них отражаются базовые понятия теории уголовного права того времени.

Характер терминологии в подъязыке уголовного права соответствует общему характеру русской терминологии – субстантивности. «Существительные воспринимаются как основные грамматические типы терминов благодаря своей прямой номинативности» [15: 168]. Специальные номинации уголовного права – преимущественно отглагольные образования. Это обстоятельство можно объяснить общим принципом номинации терминов уголовного права (необходимостью обозначать ненормативные действия или различные отношения к норме). Ономасиологический признак подобного рода номинаций несет значение действия – отклонения от нормы, ономасиологический базис реализует отношение к данному отклонению от нормы. «Отклонениям от нормы несть числа. Множество ненормативных действий распадается на подмножество» [2: 572]. Отношения к аномальным действиям, названные базисами, подвергаются типизации и, в конечном итоге, конструируют систему.

В XVIII столетии определяются две тенденции развития юридического подъязыка: 1) активное заимствование иноязычной лексики, что отражает общезыроковую ситуацию в России того времени; 2) тенденция к славянизации (окнижнению) делового языка [9: 123]. Процесс славянизации делового языка, в частности юридического, начался еще

в XVII в. В. О. Петрунин указывает на западнорусский образец создания новых терминологических единиц. «В условиях недостаточно широкого круга русских языковых средств для обозначения новых и заимствованных юридических понятий памятники западнорусского права явились источником таких обозначений. Так, например, целый ряд имен со значением абстрактности на *-ние/-ение*, *-ость/-ство* исследователи относили к церковнославянскому источнику или же считали новообразованиями петровской поры. В действительности их непосредственным источником была западнорусская письменность. Это подтверждается сопоставлением русских юридических кодексов XVII в. и кодексов петровской поры с памятниками западнорусской письменности, в частности с Литовскими Статутами» [14: 29].

Аффиксы *-и[j]-/ни[j]-/ени[j]-; -ств-*, несущие значение процессуального признака, явились системообразующим средством в рассматриваемых нами группах специальных наименований в подъязыке уголовного права XVIII в. Данные аффиксы – терминоэлементы, то есть минимальные структурные единицы терминологии [8: 37], позволяющие воспринимать производные слова как термины. «Именно в Петровскую эпоху произошло значительное расширение круга употреблявшихся в письменности законодательства деривационных образований, отчасти связанное с повышением в это время терминологичности юридической письменной речи. Это особенно заметно в резком увеличении насыщенности текстов Петровских юридических актов именными образованиями с суффиксами отвлеченностии на *-ние/-ение*, *-ость*, *-ство*» [14: 9]. Терминологичность данных аффиксов в подъязыке уголовного права можно объяснить их способностью называть разные виды отношений к норме. В случае преступления и наказания – это предельное абстрагирование аномальных действий, позволяющее рассматривать их самостоятельно, без деятеля.

В XVIII в. происходит четкое формулирование понятий преступления как «действия, воспрещенного законом» [7: 361] и наказания как средства «охранения общества от преступлений» [7: 370]. Определяются виды преступлений: 1) богохульство, клятвопреступление; 2) государственные преступления; 3) общественные преступления; 4) частные преступления, среди которых выделялись преступления против личных прав и против собственности¹. Наказания различались по степени жестокости (жестокие и легкие наказания), также выделялись денежные, членовредительные, болезненные наказания; наказания, на-

¹ Их перечисление мы даём в соответствии с видами преступлений, выделяемыми традицией начала XIX в., а именно: алфавитным реестром по главным предметам законодательства Полного собрания законов Российской империи.

правленные против свободы, направленные на нарушение чести, различные виды смертной казни.

Подобные развернутые понятийные системы требовали наличия в юридическом подъязыке развитых систем специальных номинаций. Основой развивающихся подсистем явились образования с формантами *-ни[j]-/-и[j]-/-ени[j]-*; -*ств-*, а также аналитические дериваты, где главным компонентом выступают образования на *-ние/-ение*¹:

Наименование преступлений <i>-ни[j]-/-и[j]-/-ени[j]-</i>	Наименование наказаний <i>-ств-</i>	Наименование наказаний <i>-ни[j]-/-ени[j]-</i>
Преступление (родовая номинация)	Воровство (родовая номинация)	Наказание (родовая номинация)
Погрешение	Злодейство	Смертное наказание
Разоренье	Грабительство	Телесное наказание
Возмущенье	Убийство	Жестокое телесное наказание
Хуление		Тяжелое чести нарушение
Богохульство		Легкое чести нарушимое наказание
Похищениe		Смертное наказание
Оскорблениe		Аркебузирование
Дезертирование	Дезертирство	Заключение
Понуждение		Отсечение
Прелюбодеяниe	Прелюбодейство	Застрелиение
Насилие	Насилство	Четвертование
Зажиганиe		Посажение в железа
		Сожжение
		Нарушение чести
		Заклеймение
		Рвание клемщами
		Гоняние шпицрутенами
		Вырезывание ноздрей
		Обрезание ушей
		Ссыпание на каторгу

В формирующейся терминосистеме специальных наименований преступлений, как мы видим, конкурируют образования с формантами *-ни[j]-/-и[j]-/-ени[j]-* и образования с формантом *-ств-*. Образования на *-ств-* использовались в языке русского уголовного права со времен Русской Правды (*убийство*). В дальнейшем количество подобных наименований увеличилось (*воровство, душегубство, ябедничество*)

¹ Данные образования называют виды наказаний. Подсистема наименований наказаний имеет более сложную понятийную организацию, так как наказание зависит не только от того, какое именно совершено аномальное действие, но и от других разнообразных факторов: от психологического состояния преступника, его возраста, от мотивов, способа совершения преступления и др. Структура составного наименования соответствует структуре дефиниции. Большой частью данные образования представляют собой двух- и трехкомпонентные наименования, где главный член (образование на *-ние*) управляет существительным в род п

[4: 54]. Роль родовой номинации играл термин *воровство*, однако уже в XVII в. «отмечается сокращение частоты термина и сужение его значения» [4: 55]. Поэтому в XVIII в. возникла необходимость в термине-гиперониме. Для обозначения родового понятия избирается номинация *преступление*, которая в эпоху абсолютизма приобретает статус термина. Вероятно, процесс сужения значения специального наименования *воровство* и появление гиперонима *преступление* повлияло на то обстоятельство, что образования с формантами *-ни[j]-/-и[j]-/-ени[j]* явились более многочисленной группой. Однако продуктивность данных словообразовательных типов в XVIII в. остается одинаковой (образования петровской поры *дезертирование* – *дезертирство* функционируют в языке уголовного права как равноправные словообразовательные варианты, имеющие одинаковую частотность употребления). Тем не менее на протяжении столетия «слова с суффиксом *-ство* со значением отвлеченного процессуального действия вытесняются тождественными по значению однокоренными образованиями с суффиксом *-ние*» [12: 111].

Результатом заимствования иноязычных терминов и славянизации юридического языка явилась избыточность терминологии уголовного права. Традиционные древнерусские термины, в большинстве своем многозначные, и новообразования некоторое время функционируют как синонимы-дублеты. Например, наряду с термином *оскорбление* в начале XVIII в. функционирует древнее наименование *обида* в значении 'преступление против достоинства личности' («А есть ли хозяин или его люди поставленному на квартире солдату какую *обиду* учинят, тогда долженствует оный о сем своему офицеру объявить, который должен о том генералу или командиру доношение, и потом солдату справедливость учинить» [15: 343]; «По сему артикулу никакой офицер, ни солдат не может оправдатися, хотя с ним от фелтмаршала и генерала непристойным образом поступлено будет, и ему от них некоторым образом *оскорбление* славы учинится» [16: 332]). Таким же образом существуют специальные наименования *возмущение* – *бунт*, *прелюбодеяние* (*прелюбодейство*) – *блуд*, *богохуление* – *грех*.

Также появление заимствования или его производных, восприятие которого так или иначе было затруднено, «как правило, сопровождается мгновенной реакцией на него – попыткой подбора к нему русских соответствий. Роль этих соответствий в указании на смысл нового слова путем ориентировки его на свою лексико-семантическую систему и ее единицы» [3: 246]. Сравните пары *аркебузирование* – *застреление*; *дезертирование* (*дезертирство*) – *лобег*; *экзекуция* – *наказание*.

Все это приводит к избыточности специальных наименований, наличию синонимов-дублетов, то есть процесс становления терминосистемы в подъязыке уголовного права XVIII в. явился одновременно процессом разрушения древней системы специальных наименований. Собственно терминосистема возникает лишь со времени издания Екатериной II «Наказа ...».

Литература

1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкоznании. – Л., 1967.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
3. Биржакова Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. – Л., 1972.
4. Благова Н. Г. Лексика и фразеология памятников русского права XVII века. – СПб., 1998.
5. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. – М., 1987.
6. Борхальдт О. В. Историческое терминоведение русского языка. – Красноярск, 2000.
7. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону, 1995.
8. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М., 1977.
9. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. – М., 1996.
10. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. – М., 1981.
11. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. – М., 1981.
12. Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. – Л., 1975.
13. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. – М., 1988.
14. Петрунин В. О. Из истории письменно-деловой речи (существительные со значением отвлеченного действия на -ние / -ение и качества на -ость / -ство в юридических кодексах древней Руси и Петровской эпохи // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. – Л., 1984. – С. 5–30.
15. Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. – М., 1986.
16. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М., 1986.
17. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. – М., 2004.

СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВИДА В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРНЕВОГО ГНЕЗДА ГЛАГОЛА БРАТЬ

В данной статье рассматривается один из факторов, повлиявших на формирование исторического корневого гнезда (ИКГ) с этимологическим корнем *ber-, – развитие в структуре гнезда словообразовательно характеризованных способов глагольного действия и грамматической категории вида.

Указанные категории приняли активное участие в процессах гнездообразования, поскольку большая часть словообразовательных гнёзд в составе данного ИКГ представлена глаголами. Главную роль в развитии этих гнёзд играют префиксальные глаголы, которые образуют видовые корреляции, а также относятся к различным способам глагольного действия. При составлении словообразовательных гнёзд в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонов также включает видовые пары в структуру гнёзд. Причиной этого является тесная связь глагольной системы словообразования с формообразованием в синхронии и диахронии.

Префиксальные глаголы первой ступени деривации, как правило, образуют способы глагольного действия, а подобные глаголы второй ступени деривации участвуют в образовании видовых пар. Процесс видеообразования в структуре исторических корневых гнёзд носит системный характер на всех диахронических ярусах. В ИКГ с этимологическим корнем *ber- видовые пары от префиксальных глаголов образуются в 91,6 % случаев.

Способы глагольного действия в структуре ИКГ образуются при помощи перфективации, а видовые корреляции – при помощи вторичной имперфективации. В современной аспектологии нет единого мнения по поводу сущности процессов перфективации и имперфективации. В данной работе нам близка точка зрения Н. С. Авиловой, которая считает, что «имперфективация, как и перфективация, является процессом словообразования» [Авилова 1976: 158].

В данной статье подробно рассматривается ИКГ с этимологическим корнем *ber-, так как процессы видеообразования и словообразовательно характеризованные способы глагольного действия пронизывают всю его структуру. Поэтому необходимо сначала представить структуру этого гнезда в виде схем и комментария к ним, а затем уже рассмотреть видовые пары и способы глагольного действия.

По лексикографическим данным, с праславянского по старорусский период в состав изучаемого гнезда входит более 500 лексем. Все сло-

вари, на основе которых проводилось исследование, указаны в конце статьи.

По нашим наблюдениям, структурную организацию данного исторического гнезда определяют два принципа: диахронический и эволюционный. Наши наблюдения подтверждают мысль Л. Г. Яцкевич о том, что «как система систем, развивающаяся во времени, ИКГ характеризуется диахроническими и эволюционными принципами структурной организации» [Яцкевич 2003]. На основе диахронического принципа в комплексной системе исторического корневого гнезда выделяются отдельные подсистемы – диахронические ярусы ИКГ. Это его фрагменты, относящиеся к различным периодам развития русского языка [Рыбакова 2001, 2003; Яцкевич 2002]. Соответственно в ИКГ выделяются: во-первых, исходный для истории развития гнезда праславянский фрагмент; во-вторых, древнерусский фрагмент; в-третьих, старорусский фрагмент; в-четвертых, фрагмент периода XVIII в.; в-пятых, фрагмент периода XIX в.; в-шестых, современный фрагмент – периода XX в. Составление и исследование ИКГ можно начинать с любого из диахронических ярусов. При этом изменится лишь полнота представления структуры ИКГ.

Диахронические ярусы ИКГ связаны друг с другом эволюционными и инволюционными процессами. При эволюционных процессах происходит развитие словарного состава ИКГ, развертывание его словообразовательной структуры, т.е. различные перестройки и преобразования в структуре ИКГ [Рыбакова 1998]. При инволюционных процессах все происходит наоборот: сокращается лексический состав гнёзд, упрощается их словообразовательная структура, исчезают отдельные слова или целые гнёзда, т.е. наблюдается так называемое вырождение словообразовательного потенциала ИКГ.

В результате инволюционных процессов образуются недеривационные блоки, в которые входят однокоренные слова, не вступающие друг с другом в отношения словообразовательной производности [Рыбакова 2003; Яцкевич 1993, 2002 а, 2002 б, 2003; Шаброва 1997, 2002, 2003]. В их составе формируются корневые парадигмы различной структуры, а на основе некоторых членов данных парадигм впоследствии возникают словообразовательные гнезда.

Деривационные блоки образуются в ИКГ на основе сохранения словообразовательных отношений исходных фрагментов, принадлежащих предшествующим диахроническим ярусам гнезда и их дальнейшей эволюции. Деривационный блок представляет собой комплексную систему, внутри которой формируются частные подсистемы, в основе которых лежат эволюционные процессы, связанные с гнездообразованием, словообразованием, семообразованием, морфемооб-

разованием и функционально-стилистической специализацией фрагментов гнезда [Яцкевич 2002; Рыбакова 2003].

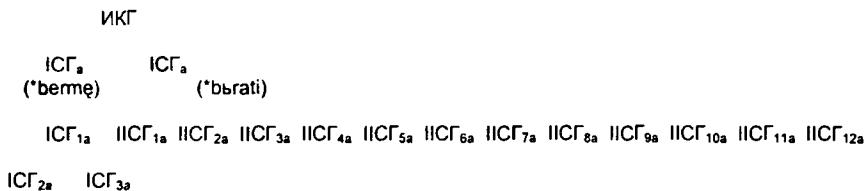
|

Рассмотрим структуру ИКГ с этимологическим корнем *ber- на нескольких диахронических ярусах.

В реконструкции лексем исходного **предславянского диахронического яруса** использованы материалы «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ) под редакцией О. Н. Трубачёва. На данном ярусе в структуре данного ИГ образовалось два основных словообразовательных гнезда (СГ): СГ с вершиной **bermę* (I СГ) и СГ с вершиной **bъrati* (II СГ). По мнению многих исследователей и авторов этимологических словарей [Варбот 1986; Добромуслов 1969; Фасмер и др.], слова **bermę* и **bъrati* являются образованиями разных периодов. Имя **bermę* значительно древнее глагола **bъrati*, поскольку оно представляет собой результат словообразовательных процессов индоевропейского периода, а названный глагол является новообразованием предславянской эпохи [Фасмер, Славский; Варбот; Пятаева]. К тому же **bermę* и **bъrati* наделены различной семантикой: в **bermę* отражается древнее значение индоевропейского корня **bher(ə)* 'нести'. Ср. исконнородственное др.-инд. *bharati*, *bibharti*, *bibharti* 'несёт, приносит, ведёт, отнимает', греч. *φέρω* 'несу', лат. *fero* 'несу' и др. Другая ступень чередования представлена в др.-инд. *bhṛtis* 'несение, содержание, вознаграждение', лат. *foro* 'случай', ирл. *brith* 'рождение' [Фасмер I: 159]. А глагол **bъrati*, по мнению Ж. Ж. Варбот, только в раннем предславянском языке мог иметь подобное значение [Варбот 1986], в позднем предславянском за ним закрепляется значение 'брать в руки, руками' [Пятаева 1995]. Таким образом, ИГ с этимологическим корнем **ber-* двучастно по своей структуре, поскольку словообразовательные отношения между именем и глаголом в предславянском утрачены. Каждое из основных СГ, в силу развития полисемии вершины, образует несколько частных СГ. Так I СГ содержит три частных СГ, а гнездо II СГ – двенадцать частных СГ. Наличие двух основных и пятнадцати частных СГ уже позволяет назвать ИКГ рассматриваемого периода комплексной системой. Таким образом, на предславянском диахроническом ярусе в ИГ с этимологическим корнем **ber-* 98 лексем в 192 лексико-семантических вариантах образуют 15 частных словообразовательных гнёзд [Рыбакова 2003: 41].

В отличие от предславянского, в структуре **древнерусского диахронического яруса** ИКГ выделяются не два, а три основных словообразовательных гнезда, вершинами которых являются существительные *бेरемА* (I СГ₆) и *брэмА* (I СГ_{6'}) и глагол *бърати* (II СГ₆).

Схема 1. Развитие структуры ИКГ с этимологическим корнем *ber- на праславянском диахроническом ярусе

Условные обозначения:

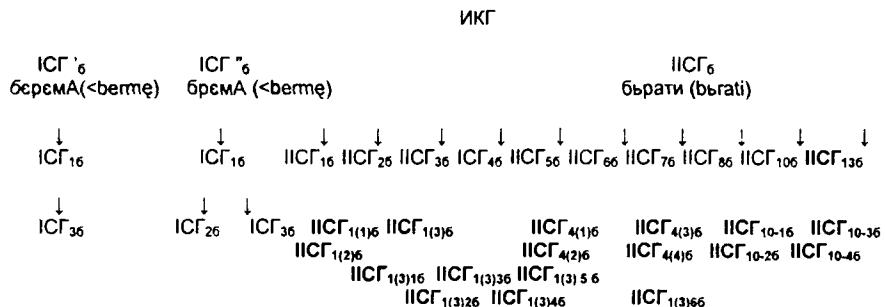
I СГ и II СГ – основные словообразовательные гнёзда;

I СГ₁... и II СГ₁... – частные словообразовательные гнёзда;

а – праславянский диахронический ярус.

В основном гнезде $\text{IC}\Gamma_b$ с вершиной **бेरемА** содержится два частных словообразовательных гнезда: $\text{IC}\Gamma'_{16}$ и $\text{IC}\Gamma'_{36}$, в основном гнезде I СГ^{*}_b с вершиной **брёма** – три частных словообразовательных гнезда, а в основном гнезде $\text{IIC}\Gamma_b$ с вершиной **бърати** – пятнадцать частных словообразовательных гнезд: $\text{IIC}\Gamma_{1(1)6}$, $\text{IIC}\Gamma_{1(2)6}$, $\text{IIC}\Gamma_{1(3)6}$, $\text{IIC}\Gamma_{26}$, $\text{IIC}\Gamma_{36}$, $\text{IIC}\Gamma_{4(1)6}$, $\text{IIC}\Gamma_{4(2)6}$, $\text{IIC}\Gamma_{4(3)6}$, $\text{IIC}\Gamma_{4(4)6}$, $\text{IIC}\Gamma_{56}$, $\text{IIC}\Gamma_{66}$, $\text{IIC}\Gamma_{76}$, $\text{IIC}\Gamma_{86}$, $\text{IIC}\Gamma_{106}$, $\text{IIC}\Gamma_{136}$.

Схема 2. Развитие структуры ИКГ с этимологическим корнем *ber- на древнерусском диахроническом ярусе

Условные обозначения:

$\text{IC}\Gamma_b$, $\text{IC}\Gamma_b$ и $\text{IIC}\Gamma$ – основные словообразовательные гнёзда;

$\text{IC}\Gamma_b$ и $\text{IC}\Gamma_b$ – два новых гнезда, возникших на основе распада $\text{IC}\Gamma_a$ праславянского периода;

$\text{IC}\Gamma_{16} \dots$, $\text{IC}\Gamma_{16} \dots$ и $\text{IIC}\Gamma_{16}$ $\text{IIC}\Gamma_{1(1)6} \dots$ $\text{IIC}\Gamma_{1(3)16}$ $\text{IIC}\Gamma_{10-16}$ – частные словообразовательные гнёзда;

$\text{IIC}\Gamma_{1(1)6}$ $\text{IIC}\Gamma_{4(1)6}$ – новые частные словообразовательные гнёзда;

б – древнерусский период

В структуре частных словообразовательных гнёзд $\text{IICГ}_{1(3)6}$ и IICГ_{106} основного гнезда IICГ_6 образуются десять СГ от производных слов *съборъ* и *бракъ* ($\text{IICГ}_{1(3)16}$, $\text{IICГ}_{1(3)26}$, $\text{IICГ}_{1(3)36}$, $\text{IICГ}_{1(3)46}$, $\text{IICГ}_{1(3)56}$, $\text{IICГ}_{1(3)66}$ и $\text{IICГ}_{10\,6}$, $\text{IICГ}_{10\,6}$, $\text{IICГ}_{10\,6}$ соответственно).

Гнездо IICГ_{9a} праславянского периода в древнерусском языке отсутствовало.

Словообразовательные гнёзда IICГ_{11a} 'воровать, красть' и IICГ_{12a} 'завладевать, завоёвывать' восстановлены для праславянского состояния на основе материалов старочешского, чешского, словацкого, верхнелужицкого, нижнелужицкого, македонского, старопольского, болгарского, словинского, русского и белорусского языков – первое и польского, староукраинского, украинского и русского языков – второе. В русском языке словообразовательные гнёзда, восходящие к соответствующим гнёздам праславянского, появятся только в старорусский период. В древнерусский период, по мнению Н. В. Пятаевой [Пятаева 1995], в данных значениях активно функционируют слова из ИГ с корнем *em-, которое является синонимичным ИГ с корнем *ber-. После того, как значимость слов с корнем *em- снизится, а произойдёт это в старорусский период, активизируются слова из ИГ с корнем *ber-. Тогда-то и появятся словообразовательные гнёзда, мотивированные значениями 'воровать, красть' и 'завладевать, завоёвывать'.

Таким образом, в древнерусский период в структуре исторического гнезда с корнем *ber- отмечено три основных словообразовательных гнезда и тридцать частных словообразовательных гнёзд. Это свидетельствует о развитии процессов гнездообразования в историческом корневом гнезде на древнерусском диахроническом ярусе, так как по сравнению с праславянским диахроническим ярусом количество основных гнёзд возросло на одно, а количество частных словообразовательных гнёзд – на пятнадцать, или в 2 раза (на 50 %).

Увеличение числа основных гнёзд связано с распадом праславянского языкового единства, в результате которого появились отдельные славянские языки, например древнеболгарский и древнерусский, давшие два соответствия праславянского *ber^te: *бръма* и *бърема*. Древнеболгарское *бръма* попало в древнерусский язык и параллельно исконному *бърема* сформировало словообразовательное гнездо. Таким образом начался новый цикл в развитии гнезда IICГ_a – существование гнёзд $\text{IICГ}'_6$ и $\text{IICГ}''_6$.

*Схема 3. Развитие структуры ИКГ с этимологическим корнем *ber- на старорусском диахроническом ярусе*

ИКГ

I СГ¹₁
беремя
(<*bermę)

I СГ¹₂
брέмя
(<*bermę)

II СГ¹₁
брати¹
(<*bъrati)

II СГ¹₂
брата²
(<*bъrati)

ICГ²_{1a} ICГ³_{1a}

ICГ²_{1b}

ICГ²_{2a} ICГ³_{2a}

ICГ²_{2b} ICГ³_{2b}

ИСГ _{1a}	ИСГ _{1b}	ИСГ _{2a}	ИСГ _{2b}	ИСГ _{3a}	ИСГ _{3b}	ИСГ _{4a}	ИСГ _{4b}	ИСГ _{5a}	ИСГ _{5b}	ИСГ _{6a}	ИСГ _{6b}	ИСГ _{7a}	ИСГ _{7b}	ИСГ _{8a}	ИСГ _{8b}	ИСГ _{9a}	ИСГ _{9b}	
ИСГ _{1a} — ИСГ _{1b}	ИСГ _{2a}	ИСГ _{3a}	ИСГ _{4a} — ИСГ _{4b}	ИСГ _{5a} — ИСГ _{5b}	ИСГ _{6a} — ИСГ _{6b}	ИСГ _{7a} — ИСГ _{7b}	ИСГ _{8a} — ИСГ _{8b}	ИСГ _{9a} — ИСГ _{9b}										
(забрати) (подзабрати)	(събратица)		(призабрати) (обрати)	(забрати) (перебрати)														
ИСГ _{1a} — ИСГ _{1b} — ИСГ _{2a}	ИСГ _{3a}	ИСГ _{4a} — ИСГ _{4b}	ИСГ _{5a} — ИСГ _{5b}	ИСГ _{6a} — ИСГ _{6b}	ИСГ _{7a} — ИСГ _{7b}	ИСГ _{8a} — ИСГ _{8b}	ИСГ _{9a} — ИСГ _{9b}											
(поизбрани)	(събрани) (съборни)																	
			ИСГ _{2a}	(призабрати)														

ИСГ_{1a} ИСГ_{1b} ИСГ_{2a} ИСГ_{2b} ИСГ_{3a} ИСГ_{3b} ИСГ_{4a} ИСГ_{4b} ИСГ_{5a} ИСГ_{5b} ИСГ_{6a} ИСГ_{6b} ИСГ_{7a} ИСГ_{7b} ИСГ_{8a} ИСГ_{8b} ИСГ_{9a} ИСГ_{9b}

Увеличение количества частных словообразовательных гнёзд связано с развитием семантической структуры, как вершин основных словообразовательных гнёзд, так и с развитием семантической структуры некоторых производных слов основных гнёзд, например существительных *съборь* и *бракъ*. Причём словари древнерусского языка отражают далеко не все изменения, произшедшие в семантике слов. Часть значений производящих была восстановлена благодаря наличию производных от них слов. Так существование производных слов, характеризующих определённый объект действия, помогло откорректировать значение вершин таких гнёзд, как $\text{IICГ}_{1(1)б}$, $\text{IICГ}_{1(2)б}$, $\text{IICГ}_{1(3)б}$, $\text{IICГ}_{4(1)б}$, $\text{IICГ}_{4(2)б}$, $\text{IICГ}_{4(3)б}$, $\text{IICГ}_{4(4)б}$.

Процессы инволюции отмечены лишь на уровне отдельных слов, а утрата гнезда IICГ_9 не относится к таковым, потому что данное гнездо изначально не было связано с диалектами, которые легли в основу древнерусского языка.

Процесс переразложения основ, произошедший в словах рассматриваемого ИКГ на древнерусском диахроническом ярусе, относится и к процессам инволюции, и к процессам эволюции, поскольку состоит из двух фаз. Сначала в слове разрушается старая морфемная структура, то есть наблюдается инволюция, а затем на месте старой структуры слова возникает новая, то есть происходит эволюционный процесс.

Таким образом, в ИКГ на древнерусском диахроническом ярусе преобладают всё-таки эволюционные процессы, так как число частных СГ возрастает и структура ИКГ разворачивается.

В структуру исторического корневого гнезда на **старорусском диахроническом ярусе** вошли унаследованные от древнерусского словообразовательные гнёзда, а также новые гнёзда, сформировавшиеся уже в старорусский период [Рыбакова 2003: 89].

Итак, в структуре ИКГ на данном ярусе содержится четыре основных словообразовательных гнёзда: $\text{ICГ}'_в$, $\text{ICГ}''_в$, $\text{IICГ}'_в$, $\text{IICГ}''_в$. В гнезде $\text{ICГ}'_в$ с вершиной *беремя* отмечено два частных словообразовательных гнёзда: $\text{ICГ}_{3в}'$ сохранилось от предыдущего периода, а $\text{ICГ}_{2в}'$ – новое. В гнезде $\text{ICГ}''_в$ с вершиной *бремя* количество частных словообразовательных гнёзд осталось без изменений – три. Самые большие изменения произошли в структуре гнезда с вершиной *брати*. Вследствие распада полисемии, которому подвергся глагол *брати*, появились два омонима – *брати*¹ и *брати*². Семантические изменения повлекли за собой изменения в структуре гнезда. Вместо одного глагольного гнезда, как было на древнерусском диахроническом ярусе, появились два основных глагольных гнёзда, вершинами которых стали *брати*¹ и *брати*². Причем глагол *брати*¹ сохранил большую часть семантики первоначального глагола, что повлияло на процесс гнездообразования. В основном гнезде от *брати*¹ сформировалось несколь-

ко блоков: первый – словообразовательные гнёзда, возникшие непосредственно от вершины *брати*¹ (18 гнёзд), второй – гнёзда, образованные на основе полисемии производных от *брати*¹ префиксальных глаголов первой ступени деривации (12 гнёзд), третий – гнёзда, образованные на основе производных от *брати* слов второй и третьей ступеней деривации (2 гнезда), четвёртый – частные словообразовательные гнёзда, сформировавшиеся на основе полисемии существительного *съборь* из гнезда IIСГ_{1(3)в} (15 гнёзд), пятый – частные словообразовательные гнёзда, сформировавшиеся на базе полисемии существительного *бракъ* из гнезда IIСГ_{10в}¹. Таким образом, в структуре основного гнезда от глагола *брати*¹ образовалось пятьдесят одно частное словообразовательное гнездо. А основное гнездо от глагола *брати*² в старорусский период содержало два частных СГ, поскольку в семантической структуре этого глагола было два лексико-семантических варианта.

От некоторых слов (*выбратися, добратися, перебратися, прибратися, побратися и берковескъ*), входящих в структурную парадигму в недеривационном блоке ИКГ, на старорусском диахроническом ярусе также формируются словообразовательные гнёзда.

Образование множества частных систем в структуре ИКГ с этимологическим корнем *вег- позволяет считать данное гнездо комплексной диахронической системой.

II

В ИКГ отмечено большое число словообразовательных гнёзд глагольного типа, поэтому немаловажное значение для построения структуры исторического гнезда имеют словообразовательно характеризованные способы глагольного действия и грамматическая категория вида, которые пронизывают всю его структуру.

Понятие «способы глагольного действия» было введено шведским лингвистом Сигурдом Агреллем в 1908 г. [Agrell 1908]. Точнее, в его работе было введено противопоставление между видом (Aspekt) и способом действия (Aktionsart). В отличие от грамматической категории вида способом действия ученый назвал «семантические функции приставочных глаголов, которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления» [Вопросы 1962: 36]. По замечанию М. А. Кронгауза, «позднее сфера определения этого термина расширилась: носителями способов действия стали признаваться не только приставки, но и некоторые суффиксы (например, суффикс ну со значением однократности) или даже более сложные словообразовательные приёмы» [Кронгауз 1997 : 153].

В отечественном языкоznании к способам глагольного действия на рубеже XIX–XX вв. впервые обратился А. А. Потебня [Потебня 1888–1941] в связи с рассмотрением категории вида. Ученый указывал на то, что «под видом до сих пор разумеют две совершенно различные категории: совершенность и несовершенность – с одной [стороны], и степени длительности – с другой» [Потебня 1977: 34] и высказывал свое мнение: «Мы утверждаем, что совершенность и несовершенность, с одной стороны, и степени длительности – с другой, не составляют одного ряда (*continuum*), но относятся друг к другу как два различные порядка наслойений в языке» [Потебня 1977: 35]. То есть, по терминологии исследователя, категория «степеней длительности» – это есть способы глагольного действия, среди которых он выделял следующие: «а) определенное совершение действия (*плывет*), которое мы называем конкретно длительностью действия; б) отлечную длительность, продолжающуюся без перерывов (*плавает*); в) продолжение действия с промежутками, которое, чтоб не противоречить предыдущему, тоже должны назвать отлечеными; г) действие моментальное (= однократное)» [Потебня 1977: 37].

В соответствии с «Русской грамматикой» в русском языке выделяются три группы способов действия: временные, количественно-временные и специально-результативные [РГ-80, 1: 596–598]. Первую группу, то есть чисто временные способы действия, составляют начинательный, ограничительный, длительно-ограничительный и финитивный; вторая группа подразделяется на две подгруппы: первая подгруппа включает одноактный и уменьшительно-смягчительный способы действия; вторая подгруппа содержит многократный, прерывисто-смягчительный, длительно-смягчительный, длительно-дистрибутивный, сопроводительный, осложненно-интенсивный и длительно-дистрибутивно-взаимный способы действия. Третья группа включает глаголы, которые выражают дополнительные оттенки результативности и относятся к специально-результативным способам действия: терминативный, комплективный, интенсивно-результативный, накопительно-суммарный и дистрибутивный (распределительный).

Способы глагольного действия тесно связаны с категорией вида. Рассматривая историю формирования категории вида и видовременной системы русского языка, О. В. Кукушкина отмечает, что «в довидовой период для славянских приставочных глаголов как пространственной, так и непространственной семантики было характерно аспектуальное значение результативной законченности, которое выступало в виде результативного, финитивного и начинательного значений» [Кукушкина 1979: 31].

Таким образом, в довидовой период выделялись три способа глагольного действия: результативный, финитивный и начинательный.

Говоря о древнерусском периоде, указанный исследователь отмечает, что «сочетание видового значения приставки с семантикой перфективной основы даёт значение результативного способа действия. С результативным значением выступают все древнерусские приставки, восходящие к наречиям места»: ПО-, СЪ-, РАЗЬ-/РАСЬ-, У-, ВЪ-, ВОЗ-/ВЪЗ-, ВЫ-, ДО-, ЗА-, ИЗ- (ИС-), НА-, НАД-, О-, ОБЬ-, ОТЬ-, ПОДЬ- [Кукушкина 1979: 72].

Рассматривая историю формирования категории вида, В. Б. Силина указывала, что «представляется справедливой гипотеза о возникновении славянского глагольного вида в поздний праславянский период» [Силина 1982: 158]. Весьма отчетливую формулировку данной гипотезы можно найти в работах Ю. С. Маслова.

Он писал, что базой для видового противопоставления глагольных основ послужили глаголы с определённой семантикой – предельные глаголы, прежде всего приставочные результативные. В этих глаголах, по мнению исследователя, «появляется потребность формально-го, грамматического разграничения двух семантических возможностей, двух значений, выражавшихся ранее одной формой процессной направленности на достижение результата, предела (быть в процессе созиания и т.п.) и самого его реального достижения (собрать)» [Маслов 1961: 190]. В другой работе ученый заметил, что предельные глаголы того периода (позднего праславянского языка) представляли собой глаголы общего вида, значение совершенности сложилось у них позднее.

В. Б. Силина в одной из работ отмечала то, что «присоединение приставки к глаголу первоначально не сопровождалось возникновением у него перфективного значения. Соединение глагольных основ с приставками создавало лишь предпосылки и необходимые условия для возникновения вида в позднем праславянском языке» [Силина 1982: 158–159]. И далее: «Применительно к исходному состоянию древнерусского языка уже можно говорить о наличии определенной системы выражения видовых различий в сфере глагольной лексики. Семантическим и формальным центром этой системы была категория имперфективности. Значение несовершенного вида – процессуальность, длительное действие, стремящееся к своему пределу, – явилось тем смысловым стержнем, который создал и укрепил эту категорию» [Силина 1982: 162].

В статье, посвященной видовременным формам в древненовгородском диалекте в сопоставлении с современным русским языком, датский исследователь из Копенгагенского университета Й. Нёргрор Сёренсен выдвинул противоположную идею. Он считает, что «достаточных оснований говорить о категории вида в древнерусском языке

нет, что категория вида возникла только в то время, когда наблюдались следующие два явления в развитии языка:

а) многие префиксально-суффиксальные глаголы утратили свои специализированные значения итеративности, продолжительности и т.п. и приобрели функцию парных глаголов несовершенного вида для соответствующих префиксальных глаголов действия;

б) остальные глаголы действия с помощью суффиксации обязательно получали парные глаголы несовершенного вида. Поэтому общее число префиксально-суффиксальных глаголов резко возросло.

Отметим, что такая ситуация, вероятно, возникла в начале XVIII в. Как свидетельствуют данные лингвистических исследований, только к этому времени формирование парных суффиксальных глаголов несовершенного вида вполне автоматизировалось» [Нёргор-Сёренсен 1997: 96].

Итак, по мнению одних ученых, категория вида начала формироваться в праславянском языке. По мнению других, данной категории не наблюдалось не только в праславянском, но её не существовало и в следующий за ним древнерусский период. Какой бы точки зрения мы ни придерживались, итог может быть только следующим: в праславянском языке сохранялось большое количество глаголов неохарактеризованных по виду, аспектуальное значение которых можно было определить только по контексту.

О. В. Кукушкина утверждает, что возможно «говорить об известном сохранении в древнерусском языке такого состояния, когда все приставки могли сочетаться с результативными основами и все они получали в этом сочетании результативное значение, т.е. того состояния, когда приставки в данной позиции были ещё слабо дифференцированы по аспектуальному значению» [Кукушкина 1979: 78]. Если данный автор говорит о сохранении определенного состояния глагольной системы в древнерусский период, то это означает, что это состояние возникло на более раннем этапе. По нашему мнению, этой эпохой является период общеславянского языкового единства.

Рассмотрим способы действия глаголов, входящих в историческое гнездо с корнем *vēg- и его алломорфами на праславянском диахроническом ярусе. В эту эпоху нами отмечены глаголы результативного и начинательного способов действия. Глаголы начинательного способа встречаются только в гнездах ИСГ_{9a} со значением 'нарывать, гноиться': *zabъrati* ('начать гноиться')← *bъrati* и ИСГ_{3a} со значением 'плод во чреве': *obbermaniti(sə)₃* ('забеременеть')← *bermeniti(sə)₃*; *obbermaneti₂* ('забеременеть')← *bermeneti₂*.

Глаголы результативного способа действия отмечены во всех оставшихся гнёздах этого яруса, за исключением гнезда ИСГ_{12a} в значении 'завладевать, завоёывать', например:

IICГ _{1а} : <i>obbermaniti</i> , 'взвалить на себя груз'	← <i>bermaniti(sę)</i> ₁
IICГ _{2а} : <i>obbermaniti</i> ₂ 'обременить, отяготить'	← <i>bermaniti</i> ₂
IICГ _{1а} : <i>nabъrati</i> , 'собрать плоды и т.д.'	← <i>bъrati</i> ₁
<i>obъbъrati</i> , 'собрать плоды и т.д.'	← <i>bъrati</i> ₁
IICГ _{2а} : <i>obъbъrati</i> ₂ 'брать, хватать'	← <i>bъrati</i> ₂
<i>xabъrati</i> 'брать, хватать'	← <i>bъrati</i> ₂
IICГ _{3а} : <i>jъzbъrati</i> , 'отобрать, ограбить'	← <i>bъrati</i> ₃
<i>zabъrati</i> , 'отобрать, ограбить'	← <i>bъrati</i> ₃
<i>obъbъrati</i> ₃ 'отобрать, ограбить'	← <i>bъrati</i> ₃
IICГ _{4а} : <i>jъzbъrati</i> ₃ 'избрать, отобрать'	← <i>bъrati</i> ₄
<i>obъbъrati</i> ₄ 'избрать, отобрать'	← <i>bъrati</i> ₄
IICГ _{5а} : <i>obъbъrati</i> ₅ 'чрезмерно собрать что-либо'	← <i>bъrati</i> ₅
IICГ _{10а} : <i>obъbъrati</i> ₁₀ 'брать в жены'	← <i>bъrati</i> ₁₀
IICГ _{11а} : <i>obъbъrati</i> ₁₁ 'красть'	← <i>bъrati</i> ₁₁
IICГ _{6а} : <i>nabъrati</i> ₂ 'собрать в складки'	← <i>bъrati</i> ₆
IICГ _{7а} : <i>nabъrati</i> ₃ 'особым образом ткать'	← <i>bъrati</i> ₇
IICГ _{8а} : <i>nabъrati</i> ₄ 'украсить особым узором'	← <i>bъrati</i> ₈
IICГ _{9а} : <i>nabъrati</i> ₅ 'нарвать, нагноиться'	← <i>bъrati</i> ₉
<i>obъbъrati</i> ₆ 'нарвать, нагноиться'	← <i>bъrati</i> ₉
<i>podъbъrati</i> 'нарвать, нагноиться'	← <i>bъrati</i> ₉
<i>sъbъrati</i> 'нарвать, нагноиться'	← <i>bъrati</i> ₉

Данные древнерусских памятников письменности показывают, что все древнерусские приставки в сочетании с основами результативной семантики могли иметь результативное значение [Кукушкина 1979: 76], т.е. принадлежать к результативному способу действия.

Участие всех глагольных приставок в выражении значения результативной законченности вызывало широкую приставочную синонимию. Это явление рассматривается исследователями как отличительная черта приставочного глагольного словообразования древнерусского языка [Кукушкина 1979: 29, 77].

Данные исследуемого гнезда подтверждают мнение О. В. Кукушкиной о способах действия в древнерусском языке – все глаголы принадлежат к результативному способу действия, причём довольно час-

то имеет место словообразовательная синонимия глаголов, причиной которой является синонимия префиксов.

Рассмотрим способы действия глаголов, входящих в историческое гнездо с корнем *ber- и его алломорфами на древнерусском диахроническом ярусе.

Результативный способ действия

IСГ[']₆

IСГ[']₂₆: *обеременъти*, ('стать беременной') ← *беременъти*,
обременити, ('сделать беременной') ← *беременити*,
IСГ["]₆

IСГ["]₁₆: *обрѣменити*₁ ('взять на себя груз другого') ← *брѣменити*,
набрѣменити ('нагрузить') ← *брѣменити*,

IСГ["]₂₆: *обрѣменити*₂ ('обременить') ← *брсменити*₂,
IIСГ₆

IIСГ₁₍₁₎₆: *избѣрати*₁, ← *бѣрати*₁;
*обѣрати*₁, ← *бѣрати*₁;
*побѣрати*₁, ← *бѣрати*₁;
*събѣрати*₁, ← *бѣрати*₁;
*възбѣрати*₁, ← *бѣрати*₁.

Все приставочные глаголы данного гнезда имеют значение 'собрать плоды и т.д.' и являются синонимами.

IIСГ₁₍₂₎: *избѣрати*₂ ← *бѣрати*₂;
*събѣрати*₂ ← *бѣрати*₂.

Приставочные глаголы *избѣрати*₂ и *събѣрати*₂ выступают в значении 'собрать (книгу)' и также синонимичны.

IIСГ₁₍₃₎: *избѣрати*₃ ← *бѣрати*₃;
*събѣрати*₃ ← *бѣрати*₃.

Приставочные глаголы *избѣрати*₃ и *събѣрати*₃ также синонимичны, они имеют значение 'собрать (людей)'

IIСГ₂₆: *възбѣрати*₂ ← *бѣрати*₄;
*перебѣрати*₂ ← *бѣрати*₄.

Приставочные глаголы *възбѣрати*₂ и *перебѣрати*₂ выступают в значении 'приобрести'.

IIСГ₃: *обѣрати*₃ 'лишить имущества' ← *бѣрати*₅.

IIСГ₄₍₁₎: *избѣрати*₄ ← *бѣрати*₆;
отѣбѣрати ← *бѣрати*₆;
*перебѣрати*₂ ← *бѣрати*₆;
подѣбѣрати ← *бѣрати*₆;
пробѣрати ← *бѣрати*₆.

Приставочные глаголы данного гнезда синонимичны, они имеют значение 'выбрать, выделить'.

IIСГ₄₍₂₎: *избѣрати*₅ 'выделить как лучшего' ← *бѣрати*₇.

IICГ₄₍₃₎: *избратьи*₆ 'выбрать что-либо для какой-либо цели'
← *братьи*₈.

IICГ₄₍₄₎: *избратьи*₇ ← *братьи*₉;
*обрати*₃ ← *братьи*₉.

Приставочные глаголы *избратьи*, и *обрати*, имеют значение 'избрать кого-либо для выполнения каких-либо обязанностей'.

IICГ₅: *выбратьи* ← *братьи*₁₀;
*побратьи*₂ ← *братьи*₁₀;
*събратьи*₂ ← *братьи*₁₀.

Приставочные глаголы *выбратьи*, *побратьи*₂, *събратьи*₂ выступают в значении 'собрать с кого-либо что-либо'.

IICГ₆: *набратьи*, 'собрать сборки на одежде, обуви' ← *братьи*₁₁.

IICГ₇: *набратьи*₂ 'украсить особо вытканным узором' ← *братьи*₁₂.

IICГ₈: *набратьи*₃ 'украсить особо вышитым узором' ← *братьи*₁₃.

IICГ₁₀: *обрати*₄ 'взять в жёны, жениться' ← *братьи*₁₄.

IICГ₁₃: *избратьи*₈ ← *братьи*₁₀;
*набратьи*₄ ← *братьи*₁₅;
*събратьи*₅ ← *братьи*₁₅.

Приставочные глаголы *избратьи*₈, *набратьи*₄ и *събратьи*₅ являются синонимами и имеют значение 'скопить богатство, имущество'.

Большинство из представленных префиксальных глаголов, возникших от беспрефиксных, образуют видовую пару способом вторичной имперфектификации, например:

IICГ ₁₆ , IICГ ₄₆ , IICГ ₁₃₆ :	<i>избратьи</i> – <i>избирати</i> ;
IICГ ₁₍₁₎₆ , IICГ ₄₍₄₎₆ , IICГ ₁₀₆ , IICГ ₃₆ :	<i>обрати</i> – <i>обирати</i> ;
IICГ ₁₆ , IICГ ₅₆ , IICГ ₁₃₆ :	<i>събратьи</i> – <i>събирайти</i> ;
IICГ ₄₍₁₎₆ :	<i>перебратьи</i> – <i>перебирати</i> ;
IICГ ₄₍₁₎₆ :	<i>подбратьи</i> – <i>подбирайти</i> ;
IICГ ₄₍₁₎₆ :	<i>пробратьи</i> – <i>пробирайти</i> ;
IICГ ₆₆ , IICГ ₇₆ , IICГ ₈₆ , IICГ ₁₃₆ :	<i>набратьи</i> – <i>набирайти</i> ;
IICГ ₁₍₁₎₆ :	<i>побратьи</i> – <i>побирайти</i> .

Собственно вторичной имперфектификацией следует называть образование глагола несовершенного вида от приставочного глагола совершенного вида, ранее образованного от бесприставочного глагола [Авилова 1976: 164]. Применительно к древнерусскому языку глагол несовершенного вида может быть образован от глагола неохарактеризованного по виду, поскольку «с появлением имперфектифицированных основ, имеющих значение НСВ, противопоставленные им производящие результивативные основы, которые имели значение общего вида, т.е. не были охарактеризованы по виду, постепенно [разрядка моя. – И.Р.] утрачивают способность выступать в процессуальном значении, вследствие чего общий вид этих основ сменяется совершенным видом» [Маслов 1961 : 190], т.е. в древнерусском языке в одно и то же

время присутствовали как глаголы общего вида, так и глаголы, уже ставшие глаголами совершенного вида.

Видовые корреляции часто приводят к продуктивности в структуре исторического гнезда. Например, на древнерусском диахроническом ярусе в составе некоторых частных словообразовательных гнёзд отмечены случаи возникновения большого числа дериватов. Подобная ситуация наблюдается в гнезде IICГ₅₆ 'взимать' с вершиной **бърати**₁₀:

<u>съ-бърати</u> , → 'собрать' (Срезн. III, 652-653)	<u>събир-А-ти</u> , → 'собирать' (Срезн. III, 640)	<u>сби́р-учси</u> (реконструкция авторов СлРЯ XI-XVII вв., в картотеке <i>сби́ручи</i>) 'должностное лицо в древнем Пскове' (СлРЯ XI-XVII вв. 23, 74) <u>съби́ра-ни[и]-э]</u> , 'материальные ценности, полученные в результате сбора с разных лиц' (СлРЯ XI-XVII вв. 23, 70-71) <u>съби́ра-тепл-ъ</u> ₂ 'собиратель, сборщик' (Срезн. III, 640) 'чиновник, ведающий сбором налогов' XIVв. (СлРЯ XI-XVII вв. 23, 71) <u>съби́рати-сА</u> ₂ 'быть собираемым' (Срезн. III, 640-641),
--	--	---

а также в гнезде IICГ₁₃₆ 'накоплять' с вершиной **бърати**₁₅:

<u>съ-бърати</u> ₃ , → 'скопить, собрать богатство'	<u>събир-а-ти</u> , → 'копить, собирать богатство' Панд. Ант. XIв. Л. 33 (Срезн. III, 640) 'на- капливать, умножать что-либо' (СлРЯ XI- XVII вв. 23, 71-72)	<u>съби́ра-ние</u> , ' собранное, скопленное имущество' (Срезн. III, 652)	<u>съби́р-ылис-ви</u> 'стяжательный' XIв. (Срезн. III, доп.)	<u>не-съби́рьливыи</u> 'нестяжательный' XIв. (Срезн. III, доп.)
--	--	--	---	--

Продуктивность в структуре гнезда, идущая от видовой корреляции, отмечена и на старорусском диахроническом ярусе в некоторых гнездах, например в гнезде IICГ_{1(1)в} с вершиной **брати**¹, 'собирать ягоды, грибы, плоды и т.д.':

<u>съ-бра-ти</u> , // <u>со-бра-ти</u> , →	<u>съби́р-А-ти</u> , → 'получая, добывая, беря в разных местах, соединять в одном месте // О сборе урожая, плодов, растите- льных продуктов разного рода' (СлРЯ XI-XVII вв. 23, 71-72)	<u>съби́рати-сЯ</u> , страд. к сбирасти, убирать с поля' (СлРЯ XI-XVII вв. 23, 72-73) <u>съби́ра-ни[и]-э</u> , 'действ. по гл. СЪБИРАТИ, сбор' 'собирание' (Срезн. III, 640)	<u>съби́ра-тель</u> ₁ , 'собиратель, сборщик' (Срезн. III, 640).
---	---	---	--

В гнезде IICГ_{1(3)в} с вершиной **брати**¹, 'собирать людей' подобный пример тоже присутствует:

<u>съ-бра-</u> <i>ти₃</i> →	<u>съби-р-А-</u> <i>ти₃</i> → 'заставлять или помо- гать со- браться в одном мес- те' XVIIв. ~ XIIIв. (СлРЯ XI- XVII вв. 23, 71-72)	<u>съби-рати-ся₂</u> 'сходиться съезжаться, со- редотачиваться в одном месте' XVIIв. ~ XVIIв. (СлРЯ XI-XVII вв. 23, 72)
		<u>съби-ни-ј-эј₂</u> 'собрание, сборище' Посл. митр. Іон. въ Новг. 1448-1458 (Срезн. III, 640) 'большая группа, собрание кого-либо, сонм' Мин. ноябрь 319 (СлРЯ XI-XVII вв. 23, 70-71)
		<u>съби-ратель₂</u> → <u>съби-ратель-н-ыи</u> → 'сопоставимый' (СлРЯ XI- XVII вв. 23, 71)

переосъбратель 'тот, кто является объединяющим началом' ВМЧ XVIв. ~ XVв. (СлРЯ XI-XVII вв. 14, 204).

Анализ материала старорусского диахронического яруса ИКГ показывает, что в данный период наблюдается широкий спектр способов глагольного действия. Нами отмечены следующие из них: интенсивно-результативный, накопительно-суммарный, дистрибутивный, много-кратный, уменьшительно-смягчительный, завершительный (комплексивный), финитивный, начинательный; кроме того, в некоторых глаголах отмечено совмещение нескольких способов действия. Рассмотрим перечисленные способы глагольного действия подробнее.

Интенсивно-результативный способ действия является самым распространённым (36 префиксальных глаголов). Глаголы этого способа действия «в большинстве случаев означают полноту и исчерпанность результата, тщательность, иногда – в сочетании со значением интенсивности и экспрессивности действия» [РГ, 1: 601]. К данному способу нами отнесены следующие глаголы: *выбрати* 'убрать, сбрать (об урожае)', *возбрати* 'сбрать' из гнезда ИСГ '_{1(1)в}', *събрати* 'заставить или помочь собраться в одном месте' из гнезда ИСГ '_{1(3)в}', *пребрати* 'сбрать', *прибрати* 'сбрать' из гнезда ИСГ '_{1(5)в}'; *пребрати*₂ 'собрав, привести в порядок, поместить в надлежащее место', *прибрати*₂ 'собрав, привести в порядок, поместить в надлежащее место, убрать, спрятать', *убрати* 'собрав, привести в порядок, поместить в надлежащее место, убрать, спрятать' из гнезда ИСГ '_{1(6)в}'; *набратися* 'приобрести, получить что-либо от других в достаточном количестве' из гнезда ИСГ '_{2в}', *обрати* 'обобрать', *об обрати* 'отобрать, отнять' из гнезда ИСГ '_{3в}', *избрати* 'выбрать, выделить что-либо среди чего-либо', *выбрати* 'отобрать, выбрать', *от обрати* 'отделить, выбрать из общей массы' из гнезда ИСГ '_{4(1)в}', *избрати*

'выбрать, выделить что-либо среди кого-либо' из гнезда IIСГ'_{4(2)в}; **выбрати** 'избрать, назначить', **избрати** 'избрать (найти, назвать кого-либо для исполнения каких-либо обязанностей)', **обрати** 'выбрать, избрать', **об обрати** 'выбрать (на царство. – И. Р.), **надизобрати**, **надыизобрати** 'избрать главным над кем-либо', **предъизбрати**, 'избрать заранее, предназначить, предопределить', **предъизбрати**₂ 'избрать предпочтительно перед другими' из гнезда IIСГ'_{4(4)в}; **выбрати** 'собрать, взыскать', **перебрати** 'взять, собрать сверх оговоренного, надлежащего', **прибрати** 'собрать, взять несколько больше, чем ожидалось из гнезда IIСГ'_{5в}; **обрачутися** 'вступить в брак, жениться, выйти замуж' из гнезда IIСГ'_{10в}; **забрати** 'захватить, забрать, насильственно переместить', **отобрати** 'забрать, отобрать', * **прибрати** ('завладеть, присвоить'. – И. Р.) ***набрати** ('набрать, захватить'. – И. Р.) из гнезда IIСГ'_{12в}; **выбрати** 'набрать на военную службу', **побрати** 'набрать (людей для выполнения каких-либо обязанностей)', **прибрати** 'набрать на военную службу', * **отобрати** ['отобрать, набрать кого-либо'] из гнезда IIСГ'_{14в}.

Глаголы интенсивно-результативного способа действия отмечены в гнезде от глагола **брати**²: **набрати**² 'особым способом выткать узор' из гнезда IIСГ"7в, **набрати**² 'украсить набором (особым узором из золотых, серебряных нитей, жемчуга, бисера, металлических блях и т.п.)' из гнезда IIСГ"8в; также глаголы рассматриваемого способа действия отмечены в гнезде IСГ_в от существительного **бремя**: **обременити**₂ 'отяготить, затруднить, обременить' из гнезда IСГ"2в; **набременити** 'нагрузить'; **обременити**₁ 'взять на себя труд, груз другого' из гнезда IСГ"1в.

Следующим способом действия по количеству отмеченных случаев является накопительно-суммарный (19 префиксальных глаголов). К суммарной его разновидности относятся 11 глаголов: **избрати** 'собрать', **обрати** 'собрать (что-либо из разных мест в одно; снять урожай)', **събрати** 'получая, добывая, беря в разных местах (поднимая с земли, срывая и т.п.), соединять в одном месте' из гнезда IIСГ'_{1(1)в}; **избрати** 'собрать'; **събрати** 'собрать' из гнезда IIСГ'_{1(2)в}; **избрати** 'собрать' из гнезда IIСГ'_{1(3)в}; **събрати** 'организовать, создать что-либо, объединяя, набирая кого-либо' из гнезда IIСГ'_{1(5)в}; **събрати** 'получив, добыв в разных местах, соединить в одном месте' из гнезда IIСГ'_{2в}; **обрати** 'собрать (что-либо от разных лиц)' из гнезда IIСГ'_{5в}; **събрати** 'собрать сборки' из гнезда IIСГ'_{6в}; **избрати** 'собрать, накопить' из гнезда IIСГ'_{13в}.

К накопительной разновидности относятся 8 префиксальных глаголов, например: **набрати** 'насобирать, срывая (о растениях, плодах)' из гнезда IIСГ'_{1(1)в}; **събрати** 'организовать, создать что-либо, объединяя, набирая кого-либо' из гнезда IIСГ'_{1(5)в}; **набрати** 'приобрести,

получить что-либо'; **набратися** 'приобрести, получить что-либо от других в достаточном количестве' из гнезда IICГ'_{2в}; **набрати** 'насобирать, набрать, накопить в каком-либо количестве'; **наизбрата** 'накопить'; **обрати** 'набрать'; **събрата** 'накопить, умножить что-либо' из гнезда IICГ'_{13в}.

К дистрибутивному способу действия относятся глаголы, которые «дополнительно к значению достижения результата означают действие, поочерёдно распространяющееся на ряд объектов или исходящее от ряда субъектов» [РГ, 1: 603]. В ряд глаголов этого способа действия входят: **перебрати** 'пересмотреть, отбирая годное, лучшее; перебрать'; **пробрати** 'перебрать, вынимая негодное'; **разобрати** 'пересматривая, разделить, распределить каким-либо образом' из гнезда IICГ'_{4(1)в}; **побрата** 'собрать, получить в каком-либо количестве, взимая со многих лиц'; **събрата** 'собрать (дани, пошлины) с разных лиц' из гнезда IICГ'_{5в}; **побрата** 'захватить в качестве военной добычи, заевовать (многое или многих)'; **позабрати** 'забрать, захватить (о многом)' из гнезда IICГ'_{12в}; **разобрати** 'произвести оценку служебной годности людей' из гнезда IICГ'_{14в}.

Уменьшительно-смягчительный способ действия имеет две разновидности: уменьшительную и смягчительную. В рассматриваемом ИГ нами отмечены только факты, относящиеся ко второй разновидности – смягчительной, глаголы которой означают, что в действие, названное мотивирующим глаголом, вносится оттенок ослабленности, умеренности или неполноты» [РГ, т.1: 599]. В данную группу входят следующие глаголы: **побрата** 'подобрать; собрать, поднимая'; **подъбрата** 'подобрать, поднимая брошенное, валяющееся' из гнезда IICГ'_{1(1)в}; **посборовати** 'собравшись вместе, посоветоваться' из гнезда IICГ'_{1(3)в}; **недобрата** 'недобрать (какую-либо часть ожидаемой суммы сбора)' из гнезда IICГ'_{5в}.

К глаголам многократного способа действия со значением неоднократной повторяемости относятся глаголы: **бирали** 'многочтально собирать плоды и т.д.', **бирывали** с тем же значением из гнезда IICГ'_{1(1)в}, **бирали** 'многочтально собирать, взимать дани, пошлины', **бирывали** с тем же значением и **събирывались** 'быть многочтально собираемым', **събирывали** 'многочтально взимать дани' из гнезда IICГ'_{5в}.

В анализируемом материале отмечен один глагол комплетивного (завершительного) способа действия – **добрата** 'добрать' из гнезда IICГ'_{5в} и один глагол финитивного способа действия – **отобрата** 'собрать поборы'. Однако М. А. Кронгауз пишет о финитивных глаголах следующее: «Приставочные От-глаголы практически не бывают синонимичны сочетанию соответствующего простого глагола с глаголом **кончить**. Таким образом, нет никаких оснований говорить об особом

финитивном способе действия, симметричном начинательному» [Кронгауз 1997: 156].

В СГ от глагола *брати*² и от существительного *бремя* (IICГ⁷, и IСГ³ соответственно) отмечены глаголы начинательного способа действия *забрати*² 'особым способом начать делать узор на ткань' из гнезда IICГ^{7в}; *обременъти* 'забеременеть' из гнезда IICГ^{3в}.

В нескольких глаголах, содержащих более одного префикса в структуре слова, наблюдается сочетание нескольких способов действия, например, глагол *изнабрати* из гнезда IICГ^{12в} 'набрать, захватить в очень большом количестве' совмещает два способа действия – интенсивно-результативный и накопительно-суммарный накопительной разновидности. Глагол *поизнабрати* из того же гнезда 'набрать, захватить в очень больших количествах' совмещает три способа – накопительную разновидность накопительно-суммарного способа действия, интенсивно-результативный и дистрибутивный способы действия. Глагол *понаизбрата* 'понабрать' из гнезда IICГ^{13в} совмещает накопительную разновидность накопительно-суммарного способа действия и смягчительную разновидность уменьшительно-смягчительного способа действия. Глагол *пособратися* 'собраться (вместе с кем-либо), объединиться' совмещает суммарную разновидность накопительно-суммарного способа действия и начинательный способ действия.

Большинство из представленных префиксальных глаголов, образованных от беспрефиксных, на старорусском диахроническом ярусе также образуют видовую пару способом вторичной имперфективации, например:

IICГ^{1(1)в}, IICГ^{4(1)в}, IICГ^{4(4)в}, IICГ^{5в}, IICГ^{14в}:

выбрать – *выбирати*;

добрать – *добирати*;

*забрати*¹ – *забирати*¹;

*забрати*² – *забирати*²;

IICГ^{1(1)в}, IICГ^{1(3)в}, IICГ^{4(1)в}, IICГ^{4(2)в}, IICГ^{4(4)в}, IICГ^{13в}:

избрать – *избирати*;

*набрати*¹ – *набирати*¹;

*набрати*² – *набирати*²;

IICГ^{1(1)в}, IICГ^{2в}, IICГ^{3в}, II¹СГ^{7в}:

обрати – *обирати*;

IICГ^{3в}, IICГ^{4(4)в}:

обобрать – *оббирати*;

IICГ^{4(1)в}, IICГ^{12в}, IICГ^{14в}:

отобрать – *отбирати*;

IICГ^{4(4)в}, II¹СГ^{6в}:

перебрати – *перебирати*;

IICГ^{1(1)в}, IICГ^{12в}, IICГ^{14в}:

побрать – *побирати*;

IICГ^{1(1)в} и II¹СГ^{10в}:

подобрать – *подбирати*;

IICГ^{1(5)в}, IICГ^{1(6)в}, II¹СГ^{9в}:

*пребрати*² – *пребирати*²;

IICГ^{1(5)в}, IICГ^{1(6)в}, IICГ^{12в}, IICГ^{14в}, II¹СГ^{8в}:

прибрать – *прибирати*;

$\text{II}^1\text{СГ}'_{4(4)\text{в}}$:	<i>пробрати – пробирати;</i>
$\text{II}^1\text{СГ}'_{4(4)\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{14\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{3\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{4\text{в}}$:	<i>разобрати – разбирати;</i>
$\text{II}^1\text{СГ}'_{1(1)\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{1(3)\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{1(5)\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{2\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{5\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{13\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{14\text{в}}, \text{II}^1\text{СГ}'_{5\text{в}}$:	<i>собрати – собирати;</i>
$\text{II}^1\text{СГ}'_{1(6)\text{в}}$:	<i>убрати – убирати.</i>

На старорусском диахроническом ярусе в процессе вторичной имперфективации глагол несовершенного вида образуется уже от префиксального глагола совершенного вида, а не от приставочного глагола неохарактеризованного по виду, как было в древнерусском. Причиной этого, по мнению О. В. Кукушкиной, было то, что формирование категории вида к концу XVII в. завершается.

Способы глагольного действия и грамматическая категория вида помогают процессу образования структуры исторического корневого гнезда, так как по мере приближения категории вида к фазе завершения глагол одного вида обязательно требует присутствия глагола противоположного вида и таким образом укрепляет структуру гнезда.

Литература

- Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976.
- Варбот Ж. Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986. – С. 33–40.
- Вопросы глагольного вида. – М.: Наука, 1962.
- Добромыслова А. Н. Глагол брать в русском языке // Русская историческая лексикология. – М.: Наука, 1968. – 264 с. – С. 221–228.
- Кронгауз М. А. Глагольная приставка, или координата времени // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – 352 с. – С. 152–157.
- Кукушкина О. В. Формирование категории вида и видо-временной системы русского языка / Ольга Владимировна Кукушкина: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 168 с.
- Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Исследования по славянскому языкознанию. – М., 1961.
- Нёргроп-Сёренсен Й. Видовременные формы в древненовгородском диалекте в соотвлении с современным русским языком // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – Т. 2. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 240с. – С. 83–98.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. I–IV. – М., 1888–1941.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. 2.– М., 1977. – 406 с.
- Пятаева Н. В. История синонимичных этимологических гнёзд *ем- и *бер- «брать, взять» в русском языке / Наталья Вячеславовна Пятаева: Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1995. – 405с.
- Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. Т. 1. – 783 с.
- Рыбакова И. Ю. Лексико-семантические зоны исторического корневого гнезда глагола братъ // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. – Вологда, 2002. – 250 с. – С. 230–237.

Рыбакова И. Ю. Семантическая и словообразовательная структура ИКГ с вершинами *ъьрати и *ъвртē в праславянский период // Сборник научных трудов студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. IX. – Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 2001. – 308 с. – С. 21–33.

Рыбакова И. Ю. Эволюция корневого гнезда с вершиной братъ (ъьрати) в истории русского языка // Сборник научных трудов студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. VI. – Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 1998. – 380 с. – С. 53–71.

Рыбакова И. Ю. Процессы гнездообразования и семообразования в историческом гнезде с этимологическим корнем *ъвр-. – Дисс. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2003. – 273 с.

Силина В. Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова, д. ф. н. В. В. Иванова. – М.: Наука, 1982. – 436 с. – С. 158–279.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. I–IV. – М., 1964–1973.

Шаброва Е. Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания: Учебное пособие к спецкурсу. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Вологда: ВГПУ, 2002. – 86 с.

Шаброва Е. Н. Метод гнездования слов в русской диалектологии / Елена Николаевна Шаброва // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвуз. сб-к науч. работ / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. – Вологда, 2002. – 250 с. – С. 238–250.

Шаброва Е. Н. Морфемика диалектного глагола. / Отв. ред. С. И. Богданов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – 220 с.

Шаброва Е. Н. Структура непроизводных глаголов в вологодских говорах / Елена Николаевна Шаброва: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Вологда, 1997. – 20 с.

Яцкевич Л. Г. Морфемика современного русского языка. – Вологда, 1993.

Яцкевич Л. Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд // Слово. Семантика. Текст: Сб. научных трудов, посвящённый юбилею проф. В. В. Степановой / Отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 213 с. – С. 76–79.

Яцкевич Л. Г. Процессы семообразования в структуре исторических корневых гнезд (концепт «красота») // Русское слово в тексте и в словаре / Сб. ст. Гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2003. – 178 с. – С. 4–23.

Яцкевич Л. Г. Эволюционные процессы в структуре исторических корневых гнезд / Людмила Григорьевна Яцкевич // Слово / Сб. ст. – Череповец, 2003.

S.Agrell. Aspektanderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Ein Beitrag zum Studium der Indogermanischen Proverbia und Ihrer Bedeutungsfunktionen. Lund, 1908. (Перевод фрагмента см. [Вопросы 1962: 35–36].)

Ślawski F. Zarys słownictwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974. S. 42–141.

Словари и сокращения

Д. – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1978–1980.

СВГ – Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 1–9. – Вологда, 1983–2000.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. I–IV, VI. – М.: Русский язык. – Азбуковник, 1988–2000.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2000. – Вып. 1–25.

Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. – СПб., 1893–1903.

- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–35. – М., 1965–2000.
- СХРС – Толстой Н. И. Сербскохорватско-русский словарь. 54 000 слов. – 5^е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1982. – 736 с.
- ЧРС – Павлович А. И. Чешско-русский словарь: 52 000 слов. – 8^е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1989. – 832 с.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. I–XXVI. – М., 1974–2000.
- ИГ – историческое гнездо.
- ИКГ – историческое корневое гнездо.
- СГ – словообразовательное гнездо.

И. А. Рычкова

СТАНОВЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО ХАРАКТЕРИЗОВАННЫХ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И КАТЕГОРИИ ВИДА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОРНЕВОМ ГНЕЗДЕ ГЛА- ГОЛА *ВИТЬ*

Цель данной статьи – рассмотреть процесс возникновения и развития словообразовательно характеризованных способов глагольного действия и категории вида на примере глаголов конкретного исторического корневого гнезда. Предмет исследования – исторические этапы развития словообразовательно характеризованных способов глагольного действия и средств их выражения в корневом гнезде глагола *вить*.

Согласно общей языковой тенденции, в основных чертах категория глагольного вида сложилась к середине XVI в., когда образовались видовые пары, и грамматическая категория вида стала соотноситься с определенными средствами выражения (префиксами и суффиксами) [Мейе, Обнорский, Маслов, Бондарко, Волков]. Но формирование категории вида начинается еще в праславянском языке, и связано оно с обобщением способов глагольного действия [Маслов]. Способы глагольного действия – это семантические группировки слов, отражающие характер протекания действия в пространстве и во времени. Причем для глаголов каждого конкретного словообразовательного гнезда становление способов глагольного действия и категории вида имеет свою специфику. Рассмотрим, как протекают данные процессы в историческом корневом гнезде глагола *вить*. Состав словообразовательных средств выражения способов глагольного действия и вида в данном гнезде можно представить в виде следующей таблицы:

Период	Суффиксы	Префиксы
Праславянский	2 (-ja-, -va-)	6 (za-, jъz-, па-, об-, по-, с-)
Древнерусский	1 (-ea-)	8 (за-, из-, на-, об-, по-, с-, въз-, у-)
Старорусский	1 (-ea-)	10 (за-, въз-, из-, на-, об-, по-, с-, е-, при-, у-)

Согласно исследованиям, в праславянский период для глагола *viti* был характерен синкетизм значений, при котором потенциальные семы, в том числе и семы аспектуальности реализовывались только в определенном контексте. Корни с корневым вокализмом, в данном случае корень *vi-*, выражали процесс, не имеющий определенного предела [Мейе: 232]. Но постепенно в гнезде начинают появляться глаголы нескольких словообразовательно характеризованных способов глагольного действия, выражаются с помощью префиксов и суффиксов. Для праславянского периода была важна такая характеристика действия, как предельность/непредельность действия [Маслов], которая выражалась с помощью префиксов, и «из позднейшего расширения которой вышел несовершенный, а затем и совершенный вид» [Маслов: 38]. «Базу возникновения вида в собственном смысле, то есть совершенности и несовершенности, составили предельные глаголы и, в первую очередь, приставочные глаголы результативного способа действия» [Маслов: 33]. Поэтому гнездо глагола *vitъ* в праславянский период развития содержит 6 глаголов, образованных с помощью префиксов, общим инвариантным значением которых было значение результативности действия, но в то же время различающихся частными аспектуальными значениями. В чистом виде результативный способ действия представлен глаголом *sviti* 'свить' ('закончить действие, названное мотивирующим глаголом'), в других же словах сема результативности дополняется другими семами:

- 1) префикс *za-* (*zaviti* 'завить, закрутить') имеет значение 'доведение действия до границ';
- 2) *jъz-* (*jъzviti* 'свить, связать, изогнуть') – 'предельная полнота, интенсивность действия';
- 3) *pa-* (*naviti* 'навить') представляет накопительно-суммарный способ действия, то есть 'достижение результата с оттенком охвата, накопления';
- 4) *ob-* (*obviti* 'обвить, обмотать') имеет пространственное значение, то есть 'направление действия вокруг предмета';

5) *ро-* (*poviti* 'повивать') – пространственно-результативное значение, «значение распространения действия по всем стадиям процесса к его результату» [Дмитриева: 26].

Таковы основные способы глагольного действия, представленные в гнезде глагола *вить* в праславянский период, выраженные с помощью префиксов.

Наряду с этими процессами уже в праславянский период средством выражения способа глагольного действия могли быть суффиксы *-ja-* и *-va-*, представители многократного способа действия [Маслов]. В гнезде глагола *вить* глаголы с данным суффиксом имеют значение длительности действия или его многократности (итеративное значение). Все приставочные глаголы в гнезде образуют производные глаголы с суффиксами *-a-* или *-va-*, причем в некоторых случаях наблюдается вариантность в образовании данных форм: *naviti* → *navijati* (*navivati*) 'многократное повторение действия, названного мотивирующим глаголом', *poviti* → *povijati* (*povivati*) 'многократное к *poviti*', аналогично *zaviti* → *zavivati*, *jzviti* → *jzvivati*, *obviti* → *obvivati*, *sviti* → *svivati*.

В дальнейшем вариантность образований с суффиксами *-ja-*, *-va-*, являющимися предтечей несовершенного вида, утрачивается. Поскольку в гнезде глагола *вить* образуются пары, то можно предположить, что в нем категория вида складывается уже к концу праславянского периода, а в дальнейшем лишь продолжает развиваться.

В древнерусский период (XI–XIV вв.) все производные глаголы словообразовательно характеризованных способов глагольного действия сохраняются. Кроме того, в исследуемом гнезде появляется префиксальный глагол начинательного способа действия, тоже играющего важную роль в процессе становления глагольного вида [Маслов: 28] – глагол *възвити* 'начать движение' ('взвиться'). Как отмечает В. Г. Барановская, первоначально приставка *въз-* имела пространственное значение движения вверх [Барановская: 122]. Но параллельно возникает омонимичный глагол *възвити* результативного способа действия ('намотать'). Нужно заметить, что в древнерусский период префиксы глаголов были уже непосредственно связаны с категорией вида глагола [Мейе, Якубинский, Иванов]. Основным средством образования глаголов несовершенного вида остается суффикс *-ва-*, он становится универсальным средством имперфектификации [Иванов: 347]. В исследуемом гнезде каждый префиксальный глагол имеет пару с суффиксом *-ва-* (*възвити* → *възвивати*, *завити* → *завивати*, *навити* → *навивати*, *обвити* → *обвивати*, *извити* → *извивати*, *повити* → *повивати*, *свити* → *сиввати*, *увити* → *увивати*).

Как уже отмечалось, категория вида заканчивает формироваться в старорусский период. «К этому времени основная масса беспрефиксных и префиксальных глаголов была вовлечена в сферу видовых от-

ношений. Видовая корреляция глаголов осуществлялась при помощи как суффиксов (основной способ), так и префиксов» [Волков: 64]. В старорусский период гнездо глагола *вить* содержит 10 видовых пар, образованных с помощью имперфективации: *ввити* → *ввивати*, *възвити* → *възвивати*, *завити* → *завивати*, *навити* → *навивати*, *обвити* → *обвивати*, *извити* → *извивати*, *повити* → *повивати*, *сви-ти* → *сивати*, *увити* → *увивати*, *привити* → *прививати*.

Таким образом, становление словообразовательно характеризованных способов глагольного действия и категории вида в гнезде глагола *вить* шло по пути утраты вариантности суффиксальных образований и развития префиксальных образований. Видовые пары начинают складываться еще в праславянский период, в дальнейшем же этот процесс продолжается, постепенно увеличивается количество пар, вовлекающихся в видовую корреляцию за счет суффиксальной имперфективации. Все глагольные префиксы помимо конкретных значений выражают и грамматическое значение совершенного вида.

Литература

- Барановская В. Г. Глаголы с приставкой *въз-* в древнерусском языке XI–XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1974. – С. 122–138.
- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола: Значение и употребление. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
- Волков С. С. Многократные глаголы в деловой письменности XVII в. // Русская историческая лексикология и лексикография. – Вып. 3. – Л., 1983. – С. 62–81.
- Дмитриева О. И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации. Автореф. дисс. на соискание степени д. ф. н. – Саратов, 2005.
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1990.
- Маслов С. Ю. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 39 с.
- Мейе А. Общеславянский язык. – М., 2001.
- Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 252 с.
- Русская грамматика. Т. 1.– М.: Наука, 1980. – 783 с.
- Якубинский Л. П. История древнерусского языка. – М., 1953. – 368 с.
- Словари
- Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. – М., 1993.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. – Тт. 1–5. – М.: Наука, 1988.
- Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. – Вып. 1, 2. – СПб., 2003–2005.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1975.
- Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В 3-х тт. – М., 1989.
- Словарь русских народных говоров. (карточка).
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х тт. – М., 1994.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О Н Трубачев. – Вып. 1–27. – М.: Наука, 1974–2000.

РАЗВИТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО ХАРАКТЕРИЗОВАННЫХ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И КАТЕГОРИИ ВИДА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОРНЕВОМ ГНЕЗДЕ ГЛАГОЛА *ЛИТИ*

В данной статье рассматриваются особенности развития словообразовательно характеризованных способов глагольного действия при образовании глаголов, производных от *лити* в истории русского языка, а также зарождение видовых отношений в историческом корневом гнезде глагола *лити*. По нашим данным, в историческом корневом гнезде (ИКГ) глагола *лити* с праславянского по старорусский период включительно было образовано 18 префиксальных и 28 суффиксальных глаголов, связанных со словообразовательно характеризованными способами глагольного действия.

Как известно, категория вида и тесно связанные с ней способы глагольного действия опираются на характер протекания действия во времени, то есть степени длительности действия, и семантику предела [Бондарко 1999: 118; Маслов 1984: 104; Потебня: 75]. Кроме того, исследователи отмечают тесную связь способов глагольного действия и категории вида с развитием глагольной префиксации и формированием у префиксов значений интенсивности и временной локализации действия [Бондарко 1971: 30; Мейе: 235; Потебня: 27; Силина: 155].

Способы глагольного действия и категория вида начали формироваться еще в праславянский период, этот процесс продолжается и в настоящее время [Маслов 1958: 35]. Остановимся подробнее на его особенностях в рамках ИКГ глагола *лити*. На праславянском этапе существования данного глагола его семантика имела синкетический характер. Значение аспектуальности было потенциальным, можно предположить, что конкретизировались эти значения в контексте, но отсутствие в нашем распоряжении текстов данного периода не позволяет проверить это предположение (ЭССЯ, 15: 157–159). Постепенно синкетизм начал преодолеваться, аспектуальные значения получают формальное выражение при образовании производных префиксальных и суффиксальных глаголов. Это развитие хорошо заметно при сравнении количества производных глаголов, связанных со словообразовательно характеризованными способами глагольного действия, сформировавшихся в ИКГ глагола *лити* на разных этапах его существования:

Период	Количество новых префиксальных глаголов и образующие их префиксы	Количество новых суффиксальных глаголов и образующие их суффиксы
Праславянский	3 <i>na-</i> , <i>sъ-</i> , <i>u-</i>	5 <i>-ja-</i> , <i>-va-</i>
Древнерусский	11 <i>въз-</i> , <i>воз-</i> , <i>въ-</i> , <i>вы-</i> , <i>из-</i> , <i>за-</i> , <i>об-</i> , <i>пере-</i> , <i>по-</i> , <i>при-</i> , <i>про-</i>	18 <i>-ва-</i> , <i>-ja-</i>
Старорусский	4 <i>до-</i> , <i>от-</i> , <i>пре-</i> , <i>под-</i>	5 <i>-ва-</i> , <i>-ja-</i>

Следует отметить активизацию связанного с аспектуальностью словаобразования в древнерусский период и постепенное замедление его темпов на старорусском этапе. Рассмотрим каждый период отдельно.

В **предславянский** период интересующий нас глагол имел три значения, связанных с различными лексико-номинативными сферами: 1)'заставлять течь что-то жидкое', 2)'идти' (в своем втором значении глагол имел очень ограниченную сочетаемость и употреблялся только по отношению к дождю), 3)'изготавливать из расплавленного металла или воска' (ЭССЯ, 15: 157–159). В ИКГ, по нашим данным, входят следующие производные глаголы. Префиксальные глаголы: **naliti* 'наполнить жидкостью' и 'изготовить некое кол-во предметов' (ЭССЯ, 22: 172); **sъliti* 'заставить течь с поверхности чего-либо' (КСРГ); **uliti* 'много влить или налить' (КСРГ). Суффиксальные глаголы: **nalivati* 'наполнять жидкостью' и 'отливать из металла' (ЭССЯ, 22: 175); **nalyjati* 'наполнять жидкостью' (ЭССЯ, 22: 179); **lijati* 'заставлять течь в течение некоторого времени' и 'изготавливать из расплавленного металла или воска' (ЭССЯ, 15: 103); **lyjati* 'заставлять течь в течение некоторого времени' (ЭССЯ, 15: 107); **ulivati* 'обильно поливать, наливать' (КСРГ). Как можно заметить, категория вида еще не оформилась, но уже можно выявить, опираясь на семантику аффиксов, зачатки словообразовательно характеризованных способов глагольного действия. Префиксальные глаголы по принципам модификации действия можно разделить на две группы: пространственная модификация (**naliti* и **sъliti*) и количественная модификация (**uliti*). Все суффиксальные глаголы, образованные с помощью суффиксов *-va-/ja-*, связаны с проявлением категории длительности, их семантика представляет собой модификацию исходного действия именно по этому признаку. Следует отметить, что при образовании суффиксального глагола от префиксального, семантика префикса в производном глаголе сохраняется полностью. Кроме того, в исследуемом нами ИКГ развивается полисе-

мия, три из восьми производных глаголов многозначны. Но речь идет не об аспектуальной, а об отраженной полисемии, связанной с номинативными отношениями: разные значения производных глаголов мотивируются различными значениями исходного глагола **liti*.

В древнерусский период способы глагольного действия начали развиваться более активно, а при развитии у глаголов новой семантики появляется необходимость создания новых форм для ее выражения, что служит одной из предпосылок развития категории вида [Силина: 154]. Еще одной предпосылкой для формирования категории глагольного вида Ю. С. Маслов называет развитие корреляции предельности / непредельности, которую он связывал с развитием префиксального словообразования глаголов. «Так называемая перфектификация, то есть, точнее говоря, соединение глагольных основ с приставками, создает лишь предпосылки для будущего развития вида, а именно ту категорию предельности, из позднейшего расширения которой вышел несовершенный, а затем совершенный вид» [Маслов 1958: 38]. Немалую роль в формировании категории вида, по мнению Ю. С. Маслова, сыграл и активно проявившийся в древнерусский период процесс имперфектификации, который Ю. С. Маслов возводит к корреляции по определенности / неопределенности [Маслов 1984: 108].

По лексикографическим данным в древнерусский период глагол *liti* сохранил те же три значения, которые он имел в праславянский период 1)'заставлять течь что-то жидкое', 2)'идти (о дожде)', 3)'изготавливать из расплавленного металла или воска' (СДЯ, 4: 405; СРЯ, 8: 260). По нашим данным, в ИКГ исследуемого глагола в древнерусский период сохранились почти все производные глаголы, существовавшие на праславянском этапе, утратились лишь два из них: **nalyati* и **lyjati*. Данные глаголы представляли собой морфонологические варианты глаголов **nalivati* и **lijati*, отличаясь от них только долготой корневого гласного. К XI в. произошла унификация произношения, и вариант с редуцированным гласным был утрачен. Кроме того, в ИКГ активизировались процессы словообразования, о чем свидетельствует появление целого ряда новых производных глаголов. Образовалось 11 префиксальных глаголов, связанных со словообразовательно характеризованными способами глагольного действия, например: *възлити* 'налить на что-либо' (СДЯ, 2: 77), **перелити* 'переместить жидкость из сосуда в сосуд' и 'изготовить литьем заново' (реконструирован нами), *залити* 'запить, облить' (СДЯ, 3: 322). Образовались и новые суффиксальные глаголы, их 17, например: *възливати* 'обливать что-либо' (СДЯ, 2: 77), *изливати* 'проливать, разливать' (СДЯ, 4: 29), *заливати* 'заливать, обливать' (СДЯ, 3: 322).

Было установлено, что на древнерусском этапе развития этого ИКГ можно говорить о проявлении в производных глаголах пространственных характеристик совершения действия и значений длительности, интенсивности и предельности. Значение длительности действия характерно в основном для суффиксальных глаголов и тесно связано с вариативным словообразовательными суффиксом *-ва-*/ *-ја-*. Производные глаголы с этими суффиксами и производящие глаголы формируют соотношения, напоминающие видовые пары: *излити* → *излијати* (СДЯ, 4: 30) и *излити* → *изливати* (СДЯ, 4: 29). Чаще всего при словообразовании от одного и того же глагола могут использоваться оба суффикса с синонимичным значением. Таким образом, формируются своеобразные «тройки», в которых производящий глагол обозначает действие, а два производных от него, синонимичных между собой глагола с разными суффиксами обозначают то же самое действие, но совершающееся на протяжении длительного времени: *влити* 'влить внутрь' → *вливати* / *влијати* 'вливать внутрь' (СРЯ, 2: 226–227).

При префиксальном словообразовании семантика производных глаголов сужается и становится более конкретной, чем семантика производящего глагола. Следует отметить, что производящим во всех случаях оказывается вершина гнезда глагола *лити*. Конкретизация семантики глаголов происходит в основном за счет семантики префиксов, опираясь на которую можно выделить несколько групп производных префиксальных глаголов, относящихся к следующим способам глагольного действия.

Глаголы, называющие действие, **конкретизированное по пространственным характеристикам**. В эту группу входит 10 глаголов, назовем лишь некоторые из них: *възлити* 'наливать на что-либо' (СДЯ, 2: 77), *излити* 'пролить что-либо' (СДЯ, 4: 30), **налити* 'наполнить жидкостью' (СРЯ, 10: 136). Кроме того, следует отметить, что в семантике таких префиксов, как *на-* и *за-*, помимо пространственного значения содержится еще и указание на доведение действия до его внутреннего предела [Бондарко 1971].

Глаголы, называющие **количественную модификацию исходного действия**. Таких глаголов в составе исследуемого ИКГ, по нашим данным, всего два: *пролити* 'обильно полить' (СРЯ, 20: 159) и **улити* 'много влить или налить' (наша реконструкция). При этом префикс *у-*, имеющий значение 'исчерпывающая полнота в достижении результата' [РГ-80, 2: 602], также вносит в производный глагол семантику предельности, создавая предпосылки для формирования категории вида.

Еще два производных глагола должны быть выделены в две отдельные группы, поскольку они отличаются по характеру семантики и от других глаголов данного ИКГ, и друг от друга. Глагол **перелити*

'переместить жидкость из сосуда в сосуд' (наша реконструкция) характеризует действие по его цели, а в глагол **прилити* 'долить' (наша реконструкция) префикс вносит значение добавочности действия.

В древнерусский период четыре из 11 префиксальных глаголов в ИКГ глагола *лити* многозначны: *вылити* 'вылить наружу' и 'изготовить литьем' (СРЯ, 3: 217), **перелити* 'переместить жидкость из сосуда в сосуд' и 'изготовить литьем заново' (наша реконструкция), *полити* 'полить сверху' и 'переплавить многие предметы' (СРЯ, 16: 218) и *слити* 'заставить течь с поверхности чего-либо' и 'соединять в плавке' (СРЯ, 25: 87). В данном случае речь идет об отраженной полисемии: разные значения производных глаголов опираются на разные значения исходного глагола *лити*. Словообразование идет параллельно в двух разных номинативных сферах. При образовании производных от *лити* 'изготавливать из расплавленного металла или воска' семантика префиксов также позволяет выделить несколько групп глаголов. Префиксы *вы-* и *пере-* добавляют в значение глагола сему 'доведение действия до предела', *по-* обозначает направленность действия на множество объектов одновременно или последовательно, *с-* конкретизирует действие по его цели, которой является соединение чего-либо в процессе совершения действия.

Таким образом, опираясь на семантику префиксов и образующихся с их помощью производных глаголов, мы можем говорить о формировании в древнерусский период в ИКГ глагола *лити* количественно-временных и специально-результативных словообразовательно характеризованных способов глагольного действия.

При глагольном словообразовании в исследуемом нами ИКГ проявляются также вариативность и синонимия префиксов. От одного производящего глагола образуются два производных с абсолютно одинаковым значением: *възлити* 'налить на что-либо' (СДЯ, 2: 77) и *возлити* 'налить на что-либо' (СРЯ, 2: 292); *вылити* 'вылить наружу' (СРЯ, 3: 217) и *излити* 'пролить что-либо' (СДЯ, 4: 30). В первом случае речь идет о фонетических вариантах одного и того же префикса. Вероятнее всего, вариант *воз-* является более поздним образованием и возникает после падения редуцированных при прояснении [ъ] в [о] в сильной позиции. Во втором случае *вы-* и *из-* – это синонимичные префиксы, имеющие одинаковую семантику, но различное происхождение. Исследователи указывают на то, что префикс *вы-* более характерен для восточнославянских диалектов, а префикс *из-* – для южнославянских [Белозерцев: 161]. В древнерусском языке встречаются образования и с тем и с другим префиксом, но они различаются сферами употребления. Практически все лексемы с префиксом *из-* имеют

книжную окраску, а лексемы с префиксом *вы-* чаще встречаются в бытовых текстах [Белозерцев: 170].

Таким образом, в древнерусский период активизируется развитие способов глагольного действия, усиливаются предпосылки для формирования категории вида, однако, по мнению исследователей, категорию вида в русском языке можно считать в основном сложившейся только ко второй половине XVI – началу XVII в., то есть в старорусский период [Никифоров: 36]. В доказательство приводятся следующие положения: большинство имеющихся в языке глагольных префиксов имеют семантику совершенного вида и, соответственно, при их участии в словообразовании образуются глаголы совершенного вида; в языке появляются префиксы с чисто видовым значением, не меняющие в семантике производного глагола ничего, кроме вида [Никифоров: 39].

В исследуемом нами ИКГ глагола *лити* в **старорусский** период продолжается префиксальное и суффиксальное глагольное словообразование, но его активность по сравнению с древнерусским периодом снижается. В ИКГ образуется всего 4 новых префиксальных глагола: *долити* 'добавить жидкости' (СРЯ, 4: 306), *отлити* 'слить, выплыть' и 'изготовить литьем' (СРЯ, 13: 258), **подлити* 'добавить немного жидкости' (реконструирован нами), *прелити* 'полить' (СРЯ, 18: 262) и пять новых суффиксальных глаголов: *доливати* 'несов. к долити' (СРЯ, 4: 304), *отлияти* 'привести в чувство с помощью воды' (СРЯ, 13: 258), **отливати* 'сливать, выливать' и 'изготавливать литьем' (СРЯ, 13: 258), *преливати* 'окроплять' (СРЯ, 18: 261), *подливати* 'добавлять к напитому' (СРЯ, 15: 278). Кроме того, сохраняются все производные глаголы, существовавшие в древнерусский период. Сохраняется и группировка по способам глагольного действия, описанная выше. Все глаголы, образовавшиеся в старорусский период, просто распределяются по этим группам в соответствии с семантикой своих аффиксов. В некоторых случаях за счет синонимии словообразательных суффиксов *-ва-* / *-я-* по-прежнему сохраняется «тройка» с двумя вариантами образования глагола несовершенного вида. В качестве примера можно привести «тройку» *вълити* 'влить что-то куда-то' (СРЯ, 2: 227) → *въливати* 'несов. к *вълити*' (СРЯ, 2: 226) / *вълияти* 'несов. к *вълити*' (СРЯ, 2: 227). По мнению В. Б. Силиной, такое явление было очень характерно для старорусского периода [Силина: 155].

Кроме того, лексикографические источники фиксируют существование в старорусский период целого ряда уже чисто видовых глагольных пар, таких, как *вылити* 'вылить жидкость наружу' (СРЯ, 3: 216) → *выливати* 'несов. к *вылити*' (СРЯ, 3: 217), *долити* 'добавить жидкости' (СРЯ, 4: 306) → *доливати* 'несов. к *долити*' (СРЯ, 4: 304). Таких

пар в данном ИКГ насчитывается семь, причем образуются они как у ранее существовавших глаголов, так и у глаголов, образовавшихся в старорусский период.

Хотя категория вида оформилась только к XVII в., уже в древнерусский период в ИКГ глагола *лити* существуют пары глаголов, различающиеся только характером протекания действия во времени, то есть имеющие семантику обобщенного характера, приближающуюся к семантике вида. Таким образом, на протяжении довольно значительного промежутка времени от праславянского до старорусского периода в ИКГ глагола *лити* можно проследить постепенное формирование категории глагольного вида и способов глагольного действия. В целом эти процессы внутри ИКГ совпадают с общеязыковыми.

Литература

Белозерцев Г. И. Соотношение глагольных образований с приставками *вы-* и *из*- выделительного значения в древнерусских памятниках XI–XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 161–218.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М.: Проповедование, 1971. – 239 с.

Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С.-П. ун-та, 1999. – 260 с.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1984. – 264 с.

Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 39 с.

Мейе А. Общеславянский язык: Пер. с фр./ Общ. ред. С. Б. Бернштейна. – М.: издательская группа «Прогресс», 2001. – 500 с.

Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 344 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т 4. Вып. 2. Глагол. – М.: «Проповедование», 1977. – 406 с.

Русская грамматика: в 2-х т. – М.: Наука, 1980.

Силина В. Б. Роль деривационных процессов в развитии категории русского глагольного вида // Деривация и история языка. Тезисы докладов. – Пермь, 1985. – С. 154–156.

Словари

Картотека «Словаря русских народных говоров» (КСРГ).

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. в 10 т. / Под ред. Р. И. Авансова (СДЯ). Т. 1–5. – М., 1988–2002.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С. Г. Бархударова (СРЯ). Т. 1–26. – М., 1975–2002.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под редакцией О. Н. Трубачева (ЭССЯ). Т. 1–30. – М., 1974–2003.

Диалектное словообразование русского языка

Л. Ю. Зорина

ТРЕПАЛО, ТРЕПАЛЬЦЕ, ТРЕПАЛЕНКА (к вопросу о функционировании лексем корневого гнезда в вологодских народных говорах)

Выпуски Словаря вологодских говоров (далее СВГ), публикуемые уже в течение более двух десятилетий, оформляются практически одинаково. В оформлении используются заставки, выполненные художником М. Г. Кирьяновым. Одна из таких заставок – изображение трепала (вып. 1, 1983, с. 137; вып. 10, 2005, с. 180). По мнению составителей словаря, трепало – это своеобразный символ народной материальной культуры, неотъемлемый знак многотрудной крестьянской жизни. Однако, когда продумывалось оформление 1-го выпуска словаря, его составители едва ли предвидели, что слово *трепало* вообще не будет включено в корпус словаря.

Дело в том, что картотека СВГ содержит факты живой народной речи, фиксируемые диалектологами в полевых условиях в период с 60-х гг. XX в. до настоящего времени. В процессе описания диалектных слов, подлежащих включению в словарь дифференциального типа (т.е. фиксирующий не весь словарный состав диалектов, а только их местные, диалектные слова), некоторые факты отводятся от лексикографического представления и остаются в картотеке невостребованными. Тем не менее такие материалы нередко содержат в себе много любопытного. Особенно показательны фиксации, отражающие специфику уходящей, старой народной культуры. Обратимся в этой связи к материалам, касающимся упомянутого слова *трепало*.

Назначение этого предмета, сам процесс обработки льна, в котором он задействован, обстоятельно описан в словаре В. И. Даля: «*Трепло*, *трепа́ло* и *трепа́льня* – палочка, весёлка, лопаточка, род зубчатой дощечки, коею из горсти льна выколачивают кострыку. Обмятый лен очищают трепалом, остаются одержки, из коих старухи ткут (в осмыху) хрептуки, ватолы и попоны; отрапанный лен чешут и эти очески – и'згреби; из пряжи изгребной ткут в девятню веретищи, возовые полога, мешки; обе точи эти отрезываются по одной стене (по 8 аршин); затем лен чешется щётками, остатки эти – па'чеси; пряжа точется в десятню, в одиннадцатерик, холст срезывается по полторы стены (12 аршин), на подкладку; очищенный же лен зовут волокном, он идет на полотна» (1, т. 4: 428).

Слово толкуется, сопровождаясь пометой «повсеместно», и в специальном словаре А. В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унжа»: «Трепало – дощечка с ручкой (похожая на обоюдоострый меч), которой сбивают с волокон льна костру» (2: 24).

В Словарь вологодских говоров, несмотря на обильный материал картотеки, это слово не попадет. Оно, оказывается, не диалектное, а общенародное. Об этом свидетельствует то, что нормативные словари приводят его без ограничительных территориальных помет. С. И. Ожегов сопровождает слово пометой *специальное* (3: 743). МАС (4), БАС (5) не дают этой пометы, квалифицируя, по-видимому, это слово как общенародное. Нормативные словари отмечают, что слово обозначает орудие для трепания волокна (льна, пеньки, конопли) ручным способом, а также рабочую часть трепальной машины (5, 15: 888).

На территории Вологодской области слово распространено повсеместно. Само орудие до сих пор является предметом гордости деревенских жителей, современными селянами воспринимается как неотъемлемый атрибут крестьянской жизни в данном регионе: «Вон трепа́ло запиши́тё, лён трепа́ли», – предложили диалектологам в деревне Гридино Сямженского района в 1983 г.

Карточек, оформленных на это слово, в картотеке СВГ очень много. Опытные собиратели (Г. А. Дружинина, А. П. Ларионова, С. В. Судакова) оформляли такие материалы в полевых условиях, полагая, что это слово совершенно необходимо зафиксировать. Действительно, оно как нельзя лучше отражает особенности жизни и труда сельского населения России в прежние времена.

В зависимости от типа предударного вокализма – еканья, ёканья или иканья – слово бытует в виде вариантов *трепа́ло*, *трёпа́ло*, *трипа́ло*. Зафиксированные грамматические формы также дают типичную для вологодских говоров картину: *трепа́ло*, *у трепа́ла*, *трепа́ла-те* *трепа́ла-ти*, *трепа́лы-то*, *трепа́лов*, *приде́латъ к трепа́лам*, *ро́били трепа́лам* ...

Что это за орудие? Лучше всего его разновидности представлят зарисовки диалектологов, выполненные в полевых условиях (см. рисунки на с. 148–149). При характеристике самого предмета информанты использовали интересные сравнения и уподобления, помогающие описать этот инструмент: доска для выколачивания костры; тонкая дощечка с ручкой; дощечка с носком на конце и с ручкой; лопатка; лопаточка; тонкая деревянная пластинка; похоже на большой нож; большая расческа; как сабля деревянная; как стрелочка и др.

Какое оно? Качества этого инструмента, его достоинства и возможные недостатки видим в иллюстрациях, где множество определе-

ний: старое – новое; ловко́е, славное, хлесткое – худое; самодельное, толщиной в палец – заострённое, вострое (не должно быть острым: будет резать льноволокно); длинное; вырезное, т.е. искусно обработанное, баское; ручное (а было еще механическое – примитивная трепальная машина). В записанных контекстах нередко определения объединяются, обозначая качества попарно: лёгкое да то́нкоё; но́вое да покрашенное... Иногда трепала изготавлялись с характерными для этого типа орудий украшениями: *Баски́ є трёпа́ла-ти бы́ли и с по-бряку́шками* (Тарн. Коротк.) (6). *Трепа́ла-та ра́ньше и с узо́ром сде́лают* (В-У. Пуст.). Обычно это некрупный выдолбленный орнамент: *Ошо́у́ вы́режут ши́бко да́к. Та́к-ту вом да́к то́лько́ кре́стицёк да бу́коцы́ки* (К-Г. Навол.). **Музейные описания**, оказавшиеся в нашем распоряжении, дают примерно такую же картину: *Форма мечевидная, ручка скругленная, плоское навершие* (д. Некрасово Воскресенского с/с Череповецкого района). *Выкрашено красной краской. Ручка фигурная, конец ручки вырезан под цветок – по краям два чашелистика, в середине пестик. Конец трепала выполнен в форме языка пламени свечи* (д. Шабанова Гора Воскресенского с/с Череповецкого района).

Из чего изготавлялось трепало? Чаще всего – из березы, иногда – из дуба, из вереска: берёзовая дощечка с носко́м на конце́ и с ручкой (Tot. Гузн.); *трепа́ло-то из берёзы де́лали* (В-У. Пож.); *трепа́ло из берёзовой доски́ де́лают* (Кир. Борб.); *вереско́е-то полу́чше трипа́ло, похлещте́ є быва́ет* (Вож. Сурк.). Вереск – это кустарник, а у него редко ствол бывает достаточной для изготовления трепала ширины. Информация о том, что трепала изготавливали из дуба, была получена в Сокольском районе. На вологодской территории дубов мало, причем они встречаются только в культурных посадках.

Что трепалом делают? По данным картотеки Словаря вологодских говоров, *треплют, бьют, колотят, хлещут, болбанят, тузякают...* Лен отреплют, истреплют, отобьют, выделают, выхлещут: *Трёпа́лом-то отобью́т кости́цу-то* (Тарн. Красн.) *Трепа́лом на до́лён из кости́цы вы́бить* (Вож. Баран.). Болба́нят, тузякают – это не наименования данного конкретного действия, это экспрессивные глаголы с общим значением 'сильно, интенсивно бить, ударять': *Трёпа́лам болба́нят* (К-Г. Навол.). Возьмём *трепа́ла да и тузякаем* *шишо есь мо́чи лён-от* (Баб. Васил.).

Примеры, записанные в 1990 г. экспедицией под руководством Г. А. Дружининой в Усть-Кубинском районе, свидетельствуют об использовании «малой механизации» процесса и самого орудия: *Трепа́лом лён тре́плют. Така́я па́лка, пото́м ищё па́лка покоро́че – как будто на винте́ кру́тится. Вот и тре́плешь* (У-К. Устье). Тре-

па́ло – приспособле́ние для обрабо́тки льна в ви́де двух деревя́нных па́лок, скреплённых свобо́дно друг с дру́гом. Ручны́е тре́пала (У-К. Устье).

Что им счищают? – кости́цу, кострицу, костру. Отходы этого процесса называются *отре́тьем*: Трепа́лом тре́плют. Кото́рые съ́пались, отре́тьем называ́лись (Сямж. Рам.). **Результат действия** – мягкое льноволокно: Трепа́лами-то истре́плют лён, и тако́й мя́конькой сде́лаецца (Межд. Артем.) Трель – отходы после чесания льна: Вы́кинь всю трель, токмо ме́сто занима́ет. (Тот.).

Трепало обычно не покупалось, а *изготавлялось* в самом крестьянском хозяйстве: Трепа́ло совсе́м худо́е ста́ло. На́до де́дку сказа́ть, чтобы друго́ё сде́лали (Межд. Стар.). Старицьки́ да́к и до́ма сде́лают (К-Г. Навол.). Часто, оказывается, молодые парни изготавляли трепала девушкам, выражая им свое расположение, симпатию и одновременно демонстрируя свое мастерство: Старицьки́ да́к и до́ма сде́лают. Де́лали и робя́та. А не ка́жной сде́лает. Трепа́льцё-то до́ цего́ то́нко сде́лают, да́к ой! (К-Г. Навол.). Если па́рень за де́ Укой уха́живает, то де́ Ука-от снаця́ла вели́т, штёбы он сде́лали ей трепа́ло (В-У. Алекс.). Де́вушки-то заставля́ли свои́х парней де́лать им трепа́ла (В-У. Теплог.) Изготовление трепала было предметом своеобразного соревнования. Парни по существу показывали, что они, говоря на местном диалекте, «не пахорукие», рукастые, способные изготовить, смастерить что-либо своими руками. Ведь на все руки мастер – это лучшая похвала мужчине. А что касается девушек... Если у какой-то из них трепало было лучше, красивее, чем у других, оно позволяло ей почувствовать и даже продемонстрировать свое превосходство над другими.

Форма ножа, меча, лопатки или др. строго не задавалась. Каждый мастер изготавливал трепало по-своему. Но обязательным было наличие удобной ручки, более тонкой рабочей части, более толстой тыльной стороны. Иногда делался своеобразный «клюв» для более удобного разделения повесма льна, иногда – зубчики на рабочей части для усиления механического воздействия на кострицу (см. рисунки на с. 138–139).

Сокольский р-н. д. Петряево

Междуреченский р-н. д. Голуби

Вожегодский р-н, д. Сурковская

Вологодский р-н, д. Севастьяново

Сямженский р-н, д. Монастырская

Междуреченский р-н, д. Юсово

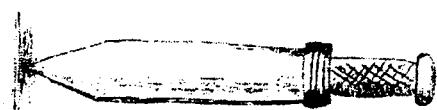
Вожегодский р-н, д. Назарово

Кирилловский р-н, д. Борбушино

Великоустюгский р-н, с. Усть-Алексеево

Шекснинский р-н, д. Поповское

Сокольский р-н, д. Фефилово

Заставка к Словарю вологодских говоров

Трепала были неотъемлемой частью, спутником женской судьбы. У каждой женщины было свое трепало: Ско́лько же ющин, столько и трепа́л в до́ме (Кир. Борб.) Трёпа́лов-то мно́го бы́ло. Коль баб,

*толь и трёпа́лов. Как не' было трёпала? Бы́ло, у кажи́ннова хо-
зе́ина бы́ло* (Тарн. Коротк.).

От регулярной механической работы трепала деформировались, приходили в негодность: У э́того тре́пала уж вы́колотился низ (Сямж. Монаст.). В процессе работы трепала нередко ломались: Как не лома́лось? Ошишо' вы́режут ши́бко да́к (К-Г. Навол.). Натрепа́ла два десятка́ льну и трепа́ло переломи́ла (Верх. Якун.). Трёпа́ло-то у ие́ и розвали́лось (Ник. Сорок.). Так лён трепа́ла, что трепа́ло слома́ла (Межд. Шихм.).

Случай, когда трепало передавалось одной хозяйкой другой, единичен: *Два трепа́ла-то у миня' бы́ло, одно' Степа́ниха отдала'* (Гряз. Жерн.). Вообще, как убеждают материалы Словаря вологодских говоров, существовали заплаки, запреты на передачу каких-либо необходимых предметов другому человеку: в деревенском обиходе было просто делом чести все, что необходимо, иметь самому.

Хранились трепала обычно там, где складывается инвентарь: в сенях, на мосту (здесь мост – 'холодный коридор'), на сарае, на гумне, в бане, в избе на полатях: *Да нет на мосту' трепа́ла. Тре-
па́ла-то везде' храня́т: и на мосту', и на сара́е* (Кир. Борб.). Трепа́ло на пола́тих лежи́т, а ты найти' не можешь (Тотьма). Трепа́ло на гумне' валя́ется (Геогр.?). Трепа́ла, гляди', на заха́тке (заха́тка – 'часть сеней под лестницей, ведущей в дом') (Кир. Барх.) В сезон трепальных работ принято было класть трепало в определенное место: *Порабо́тали – трепа́ла под ла́зку положат.* (Кир. Ферап.). В ба́не лён потреплю' и трепа́льце над дверя́м подоткну'. (2: 24). Это уж сказано хорошей хозяйкой. Она действует по принципу «подальше положишь – поближе возьмешь». Надобность в трепале была сезонной. Судя по примерам из нашей картотеки, его даже часто ищут, забыв, куда оно было положено: *Где ж трепа́ло-т?* Мне и трепа́ть не чём (Нюкс. Крас.).

Трепало в хозяйстве **использовалось поздней осенью и в тече-
ние всей зимы:** *По все́й зиме' трепа́ли.* (К-Г. Навол.). В Вытегорском районе нам прямо во дворе, у крыльца, показывали, как работает мялка и как орудуют трепалом. В частном хозяйстве обычно лен трепали в предбанниках: *Трепа́ли лён, трепа́ли. На переба́нье в ёрных ба́нях* (К-Г. Навол.). *Ба́бы в тёмных угла́х сидят, лён тре́плют. Трепа́ло так в рука́х и мелька́ет* (Тарн. Влас.). Естественно, в избе такой работой не занимались, а вот предбанник вполне можно было использовать. Но углы действительно будут темными, ведь при отсутствии электрического освещения любая попытка сделать в помещении светлее могла грозить бедой. При больших объемах обработки льна устраивалось специальное помещение – *трепальня* (5, 15: 888).

Как трепали лен? Работа обычно была коллективной: *Ой, говоря́т, трепе́й-то мно́го з́тта.* К-Г. Навол. Само слово *трепа́ть*, по данным Этимологического словаря русского языка М. Фасмера (IV, 1987: 98), связано с понятиями 'стучать, трясти, махать'. Лён-то кладу́т на коле́ни и трепа́ткой коло́тят, то есть *треплют* (Кир. Борб.). Работа по освобождению льноволокна от кострицы была пыльной, трудоемкой, требовала физической силы и большого усердия: *День почёшёшь, а наза́втре и трепа́ту не рад: так ру́ки-те от-дёргаёт* (Ник. Куд.). Возмёшь трепа́то и начнёшь лён трепа́ть – то́лько пыль столбо́м! (Сямж. Путк.). Как да́шь по ноге', так сра́зу узна́ешь, что́ трепа́то (Сямж. Монаст.). В одну' ру́ку возьму́т по-ве́смо, а в другую'ю трепа́то и тре́плют лён-от, что сарафа́н изо-рвёшь (Вож. Белав.). Так лён трепа́ла, что трепа́то слома́ла (Межд. Шихм.). Все ру́ченьки трепа́том обобьёшь (Сямж. Монаст.).

Женщины предохраняли руки от ударов и травм специальными на-кулачниками: *В накула́шниках всё бы́ли ру́ки.* Зна́чит, как рукави́ца сде́лана, з́тта э́дак прошьёшь. *Ти́па перця́ток, а па́льцы го́лые, па́льцы выгля́дывают* – накула́шники. Ши́бко опя́ть ру́ки перебива́то (К-Г. Навол.). Работа требовала от женщин определенного порядка, аккуратности: *Ак ста́нёшь, отре́хнёшься, всё э́то уберёшь. Отре́ти вы́тресёшь, пото́м кости́цию уберёшь. Тутока́ всё стои́т лесте́рь* (К-Г. Навол.).

Вот как, по рассказам П. М. Огарковой, записанным в 2005 г., этот процесс осуществлялся в деревне Наволок Кичменгско-Городецкого района: *Тяжёлая робо́та. Ак вот с полуно́чи ходи́ли болба́нили. Ба́нюто исто́пим да там ку́ци-то накладём в ба́ню-то. С полуно́чи болба́ниши. В потёмках сиди́шь, дак ино́ даши по па́льцу – па́лец посине́ет весь. Трёпа́лам болба́ният, не на́чисто, зна́чит. Завя́жёшь ку́цыю – опе́ть другу́ю берёшь. А днём-то вон ско́ля при светле́ болба́ниум. Переберёшь быстре́е. И ве́чером болба́нили, уж при́дём часо́в в во́семь. Како́й ого́нь? Нельзя́! В тёмноте ?*

Обработкой льна занимались женщины и девушки. Как и другие виды коллективной работы, трепание льна сопровождалось различными забавами. В темные осенние вечера молодых ребят тянуло туда, где собирались девушки. Молодежь развлекалась в меру своего разумения и возможностей: *Вот у нас у Ку́зиных больши́е переба́нье бы́ло. А у них ста́рая деви́ца была', Катери́на. Она́ хоро́шая, все́ нам ска́зки ска́зывала. Ак у нас целове́к по двена́дцать усе́дце в переба́нье. А пы́ти-то – ой. Го́споди!* (К-Г. Навол.). Трепа́ли лён, трепа́ли. На переба́нье в цёрных ба́нях. Па́рни ходи́ли молоды́е. Цё ну-ко де́вали? Де́ушкам эшишо́ кости́ци напеха́ют под сара-

фа́ны. Ме́ли лён, дак от кости́ця-то. Нет, во́штина́х уж ведь хо́ди́ти. Недалёко ведь и пе́хнут. Поку́льпаются и хоты́ (К-Г. Навол.).

В трудные годы, рассказывают, пове́смо, т.е. горсть обработанного льноволокна, служило своеобразной платежной единицей, эквивалентом стоимости товара в магазине: *В шко́лу-то ходи́та – пойдёшь, дак сни́мёшь с пе́тельки пове́смыице и на хле́бушек обменя́ешь. Пойдёшь, дак канфе́тку даду́т. Там штё-то даду́т пое́сь, по-ла́комиться в магази́не. Пря́мо меня́ти на лён. Это ведь немно́жко, пове́сма невели́ки. Не одно́ пове́смо – дак бо́льше даду́т (К-Г. Навол.).*

Даже самые ранние наши записи словоупотребления наименования *трепало* (60-е гг. XX в.) свидетельствуют о том, что слово в связи с отпавшей необходимостью самого предмета устаревает: *Трёпа́ло у мене́я уж сколь годов без по́льзы лёжи́т (Верх. Гарман.). А тре- па́ло все́ жа Уко броса́ть, хоть уж маши́ной лён тре́плют (Хар. Леб.). Топе́рь лёжи́т трёпа́ло-то, не робит нехто́ (Тарн. Коротк.). Топе́рь уж про трепа́ло и забы́ти: лён-от не кому́ разде́лывать (К-Г. Шест.). Вероятно, такая же судьба постигнет и слово *трепа́лка*, бытующее в вологодских говорах в двух значениях: 1. Орудие для трепания льноволокна в виде дощечки с ручкой. *Лён-то кладу́т на коле́ни и трепа́лкой коло́тят, то есть тре́плют (Кир. Борб.). Лён-от ра́ньше трепа́лками, вру́чную трепа́ти (Верх. Боров.). 2. Примитивная трепальная машина. Ра́ньше, де́вки, маши́н-то мы не зна́ти, лён-то в трепа́лках трепа́ти (Гряз. Худын.). На трепа́лке лён тре- па́ти. У на́с она́ и сейча́с на дворе́ стои́т (Сок. Вас.).**

У диалектоносителей сохранились также воспоминания и о другом предмете, названном производным словом *трепа́льце*. Так называется 'деревянный инструмент наподобие ножа, который используется при плетении поясов': *Трепа́лом ишо́ лён тре́плют, а таки́м тре- па́льцем мы опоя́ски тка́ти (Вож. Тюрик.). Ни́тки передё́рнёшь и трепа́льчём утыка́ешь. Эк и плели́ пояски́те (Хар. Леб.).* По-видимому, предмет иного функционального назначения назван производным от слова *трепало* существительным по сходству формы. Ср. у В. И. Даля: 'дощечка, коею прибивают уток рогож' (1, 4: 428).

Для наименования человека, который треплет лен, русский литературный язык имеет специальные наименования *трепальщик* и *трепальщица* (5, 15: 888). В вологодских говорах для обозначения этого понятия бытует архаичное диалектное слово *трепея́*. Оно органично вписывается в ряд однотипных наименований женщины, производящей какое-либо действие: *жне́я́ 'женщина, которая жнет', мыте́я́ 'женщина, которая участвует в коллективном мытье избы', мяте́я́*

'женщина, которая мнет лен', 'прядея' 'женщина, которая прядет пряжу', 'точея' 'женщина, которая ткет на домашнем ткацком станке', 'треплея' 'женщина, которая треплет лен' и др. Диалектное слово *треплея*' иллюстрируется в картотеке Словаря вологодских говоров следующими фактами: *Треплея', треплея'*. Ой, говоря 'т, треле й-то мно'го э'тта (К-Г. Навол.). У хоро'шой треплеи' си'лы доУжно' быть мно'го (Сямж. Монаст.). Треплея' зову't. Она' потре'плёт – до э'тих мест кости'ци да. Ак ста'нёшь, отре'хнёшься, всё э'то уберёшь. Отре'пи вы'тресёшь, пото'м кости'ци уберёшь. Тутока' все стои't пестре'рь (К-Г. Навол.).

С процессом трепания льна связаны и еще некоторые пока не упомянутые нами обычай. Они отражаются в народной фразеологии и малых формах фольклора. Рассмотрим некоторые интересные факты.

Пропало бабье трепало. В словаре В. И. Даля (1, 4: 428) не приводится толкование этого выражения, но очевидно, что речь идет о поломке, порче или пропаже чего-то важного, необходимого.

На середине деревни не треплют. В этом контексте поговорочно-го характера отразилось обыкновение не оставлять после работы что-либо неприбранным: *Трепея!* *На середи'не ведь деревни не треплют* (Сямж. Монаст.). Фраза зафиксирована нами сравнительно недавно и отнюдь не в ситуации трепания льна. По существу она представляет собой наставление внучке, высказанное на наших глазах бабушкой: нельзя что-либо личное, сокровенное делать достоянием посторонних людей.

Невесту выбирают в мытьё да в мятьё (Сямж. Монаст.). Девушку надо выбирать не после ба'ёнки, а после трепа'ленки (Шексн.) (пример из личных наблюдений проф. Л. Г. Яцкевич). Поясним, что в первой поговорке имеется в виду не процедура мытья в бане, а вид коллективной помочи, мытья, наведения порядка в крестьянской избе перед Пасхой, когда специально для выполнения этой грязной работы нанимали молодых девушек. Эти выражения поговорочного характера отражают подмеченную народом закономерность: если девушка улыбчива, энергична, привлекательна даже во время пыльной и тяжелой работы, то она определенно хороша в обстановке праздника, радости, довольства, тогда как после мытья в бане хороша любая разрумянившаяся девушка, даже та, которая совсем не обязательно хороша в трудные минуты.

Го'лод не тётка – и трепа'ло в ру'ки возьмёшь (Ник. Куд.). Поговорка свидетельствует о том, что в поисках пропитания голодный человек согласится на любую, даже пыльную, грязную работу. По-видимому, этот мотив чрезвычайно важен в народной культуре, так как в словаре В. И. Даля находим много аналогичного материала: *Про-*

мёт голод – появится голос; Голод в мир гонит; Голод и волка на село гонит; Гонит голод и волка из колка (1, 1: 369).

Не будешь во́дку пить, так поса́жу' на трепа́ло (К-Г. Новос.). В этом контексте проявляется, как кажется, фразеологизм: *посади'ть на трепа́ло* – 'наказать, отправив на очень тяжелую, пыльную работу'. Жаль, что собиратели диалектного материала не описали ситуацию подробнее, хотя из фразы явствует, что речь идет о принуждении.

На наше трепало – что ни попало, всё мнет. 'Говорится о еде', – объясняет В. И. Даль (1, 4: 428). Скорее всего, это сказано не о еде, а о неразборчивом в еде человеке, употребляющем к тому же много пищи. *Мнет* – это говорится о мялке: мялка мнет лен перед тем, как он попадет на трепало. *Мялка, трепало обработают все, что ни подвернется*.

Слово *трепало* отразилось и в частушках:

Сделай, миленький, трепало,

Штёбы сердце не трепало.

На трепале-то кружок

Выжёг миленький дружок (2: 24).

Судя по тексту частушки, девушка просит миленького дружка изготавливать ей трепало; сердце девушки не должно болеть от того, что делает ее возлюбленный; юноша украшает трепало, выжигая незатейливый кружок... В тексте обыгрывается омонимия форм: *трепало* – существительное – 'орудие для трепания льна'; *трепало*-глагол со значением 'мучить, терзать'.

Я треплю, трепало вьётся

Над головушкой моёй.

Небогатой, росту среднего

Смеётся надо мной.

(Записано в 2005 г. от Шушковой Павлы Платоновны, с. Нюксеница.)

В частушке представлена энергичная, трудолюбивая девушка, достоинства которой противопоставляются качествам кавалера-насмешника.

Всё трепала да трепала –

Наловчилася рука.

А однажды рассердилась,

Оттрепала мужика.

(Записано в с. Горицы Кирилловского района.)

Всё ходил да уговаривал

Трепало на стене.

До чего доуговаривал –

Попало по спине.

(Записано в г. Кадников Сокольского района.)

В других вологодских частушках, попавших в поле нашего зрения, значение 'орудие для трепания льна' проявляется неявно, более того, обыгрывается связь с глаголом *трепаться*, *потрепаться* в значении 'уделять внимание разным девушкам':

Ягодиночка – трепало,
От машины колесо.
С каждой девушкой гуляешь –
Думаешь, и хорошо.

(Вытегорский район, Ежезеро. Записано от Пашковой Антонины Сергеевны в 2005 г.)

Ягодиночка – трепало,
На лице отмечено.
Любишь, любишь потрепаться,
Отпираться нечего.

(Вытегорский район, Ежезеро. Записано от Пашковой Антонины Сергеевны в 2005 г.)

Таким образом, имеющиеся в картотеке Словаря вологодских говоров материалы, даже не будучи включенными в сам словарь, могут дать разностороннюю информацию о бытовании в говорах слова и его производных. Это обстоятельство ставит на повестку дня вопрос о переводе картотеки словаря в общедоступный электронный вариант.

Примечания

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.т. 1–4. – М., 1955.
2. Громов А. В. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унжа. – Ярославль, 1992.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1975.
4. МАС – Словарь русского языка в 4 т. – М.: 1981–1984.
5. БАС – Словарь современного русского литературного языка в 17 т. – М.; Л.: 1948–1965.
6. В статье используются сокращенные наименования населенных пунктов, принятые в Словаре вологодских говоров.
7. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка, в 4 т. – М., 1987.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Лексикографическое описание диалектных лексем имеет свою традицию, сформировавшуюся в XX в. и отражающуюся в наиболее авторитетных словарях русских говоров.

В соответствии с этой традицией объем информации о слове в диалектном словаре предполагает среди прочих обязательных характеристик и определение грамматического статуса слова (указание на лексико-грамматический класс, формы словоизменения). Известно, что «грамматический строй русских говоров отличается значительным единством. В морфологии это единство проявляется прежде всего в том, что всем говорам свойственны одни и те же части речи, которые характеризуются в основном одними и теми же категориями» [Русская диалектология: 80]. И в подавляющем большинстве случаев введение таких сведений при достаточности соответствующего материала в картотеке словаря не вызывает затруднений у лексикографа.

Вместе с тем в практике лексикографического описания диалектных слов встречаются случаи, требующие специального обоснования при отнесении слова к тому или иному лексико-грамматическому классу, что связано с диалектной спецификой грамматического функционирования некоторых групп лексем. Чаще всего необходимость в таком обосновании возникает при определении частицерной отнесенности неизменяемых слов. А поскольку грамматика и лексика в словаре неразрывно связаны, выявление грамматического своеобразия слова способствует более точному толкованию его значения. Таким образом, указание на частицерный статус важно не только для формально-грамматической характеристики лексемы, но и непосредственно связано со спецификой словарной дефиниции.

Среди таких диалектных явлений, требующих специального рассмотрения, – отыменные неизменяемые образования. Картотека Словаря вологодских говоров содержит сведения как минимум о двух группах подобных лексем: а) слова-цветообозначения *сала*, *сруса* и др.; б) слова, характеризующие внешность человека: *сприкоса*. Эти образования созданы по общерусской словообразовательной модели. В литературном языке таким суффиксально-префиксальным способом (с префиксом *с-* и суффиксом *-а*) образуются наречия, мотивированные прилагательными. Диалектные лексемы также мотивированы прилагательными, но иными, отличаются и их семантические и грамматические характеристики.

В говорах данные образования имеют градационное значение слабой степени проявления признака, подобное модификационному словообразовательному значению, которое у прилагательных выражается суффиксом *-оват/-еват-*. Применительно к цветообозначению – значение слабой окраски, неяркости. Они могут также обозначать оттенок цветового признака, чаще слабо выраженный. *Не'бо-то сёдни ссера', неу'ж дождь бу'дет. Баб. Скок. Есь черн'ика, меУкова'та. Дак э'то они' зелёны я'годи-ти, су'красна. Смяж. Гриб. Во'лосы-то у него' не ру'сые, а, пожа'луй, даже срыжа'. Баб. Скок.*

Лексемы-цветообозначения такого рода зафиксированы не только в вологодских говорах, они представлены также в других северорусских говорах, в говорах территории позднего заселения Сибири, Дальнего Востока, Карелии, Пермской области (см. СРНГ, АС, СРГК, СНП, СП, СК, СС, ССД). Упоминаются они и в учебном пособии «Русская диалектология» под ред. Л. Л. Касаткина (М., 2005, с. 92) при характеристике диалектных словообразовательных типов прилагательных (автор раздела – редактор Архангельского словаря О. Г. Гецова).

Круг подобных лексем, зафиксированных в вологодских говорах, сравнительно невелик: *сала', сзелена', сжелта', скоричня', скрасна'/су'красна, сруса', срыжа', ссиня', ссера'*. Среди них большая часть образована от имен, обозначающих цвета, которые принято считать основными: *желтый, красный, коричневый, синий, серый* [Фрумкина: 31]. При этом *ссера, скрасна, сжелта, ссиня*, судя по материалам диалектных словарей, распространены на различных территориях.

Данные лексемы, по-видимому, восходят к предложной форме родительного падежа краткого прилагательного. Можно также допустить, что такие образования, имеющие и признаки нерасчлененного имени, формировались с древнейших времен.

На древность данной модели обращает внимание Н. В. Чурмаева, отмечая, что образования «*с...а*» встречаются уже в старейших памятниках. По ее наблюдениям, наречия, обозначающие оттенки цвета, активно образовывались по этой модели в языке XVI–XVII вв. [Чурмаева: 115]. Такого рода примеры, датируемые XVII в., представлены и в Словаре русского языка XI–XVII вв. (вып. 24, 116): *сжелта* (*Сжелта*, нареч. В сочет. с прил. Желтоватого оттенка, с желтизной.—..бархат травчатой красной, окладка дороги полосатые сжелта с кистями шелковыми. Кн. п. Уст 1683. ...руда сжелта красновата. ДАИ X.16831698. – Ср. изжелта.)

Можно предполагать, что по меньше мере часть зафиксированных в вологодских говорах лексем формировалась в старорусском языке. Среди них образование '*скоричня*' (ср. *скоричнева* – Русская диалектология: 92), мотивированное прилагательным *коричневый*, которое отмечается в текстах со второй половины XVII в. наряду с *коричневый*

(СлРЯ, 7: 314–315). Активизация данного прилагательного, вытесняющего распространенное ранее *бурый*, по мнению Н. В. Бахилиной, как раз и наблюдается в XVII в. [Бахилина: 267]. Возможно, тогда же при формировании лексико-семантической группы цветообозначений, близкой к современной [Бахилина: 266], появляются образования *салы*, *красны*, *ссера*, образованные от прилагательных, не зафиксированных в древнерусских текстах.

Однако, судя по данным СлРЯ XI–XVII вв., все же более употребительной при указании на оттенки цвета в XVI–XVII вв. была синонимичная суффиксально-префиксальная модель «из...а». Именно она и была кодифицирована в дальнейшем. В СлРЯ (вып. 6) несколько таких лексем: *изжелта* (156), *искрасна-* (260), *истемна-* (316). Они употребляются обычно в деловых текстах рядом с прилагательными, обозначающими цвет (чаще всего препозитивно). Такие образования, мотивированные прилагательными со значением цвета, представлены и в современном русском языке, где для них также обязательна сочетаемость с прилагательными – преимущественно названиями цвета.

Частотность таких цветовых образований в деловых текстах вполне оправданна. В определенных типах деловых документов (юридических, торговых) требовалось не просто называть цвет, но и указывать на его тонкие разновидности. При идентификации человека, животного, каких-либо предметов была необходима их точная цветовая характеристика.

Значение слабой степени проявления признака представлено и у «нецветовой» лексемы *сприкоса*.

В отличие от цветообозначений она имеет ударение не на конечном формантеле -а, а на мотивирующем основе. Данное слово, по-видимому, образовано от прилагательного *прикос(ый)*. В словаре П. А. Диляторского есть лексемы *прикоса*, *прикось* (Ник. Сольв.), толкуемые как *косоватый*, *косоглазый* (тетр. 3, 82). В словаре В. И. Даля представлено слово *прикосый* 'раскосоватый или косоватый глазами' (Даль, III: 417). Толкование этих слов прилагательными с суффиксом -оват-, данное и П. А. Диляторским, и В. И. Далем, свидетельствует о том, что значение слабой степени признака свойственно и мотивирующему прилагательному. Можно думать, что при образовании лексемы *сприкоса* значение деинтенсификации признака, характеризующего внешность человека, актуализируется.

Сопоставимые по морфемной структуре с отыменными наречиями, по значению (значение признака) анализируемые лексемы соотносятся как с наречиями, так и с прилагательными. По-видимому, сочетаемость их ограничена. Цветообозначения чаще всего сочетаются с субстантивной предметной лексикой растительного (ягоды, листья, грибы) и животного (оперенье, шерсть, масть, чешуя) мира, с именами, обо-

значающими природные объекты (небо, вода), ткань и одежду, а также с существительным 'волосы'(о человеке). Сприкоса сочетается с наименованиями лица.

Следует заметить, что в диалектных словарях (а также в СлРЯ) описываемые слова встречаются с разными пометами: их квалифицируют как наречия (СРНГ, вып. 38, 125–126; СлРЯ, вып. 24, 116; СП, 275 и др.; ССД, 202; СС, 124. и др.), предикативные наречия (КС, 82), как несклоняемые (неизменяемые) прилагательные (АС, 74, 75, 88 и др.), как предикаты (КС, 130, 201, 301).

При этом однородные явления в пределах одного словаря могут подаваться по-разному. Так, в СНП представлено несколько подобных лексем: сбела (250), скрасна (280), [сголубой] (258), сукрасна (329), сужелта (359). При этом сбела дано без пометы в заголовочной строке ('сбела волк, нешибко белый, а сбела'), скрасна, сукрасна, сужелта – нареч. ('скрасна кукша есть, маленька...'; 'северны лисы таки сукрасна, пестроваты'; '...ягодки сужелта, когда вызреют'). Для образования сголуба в контексте 'куница та как маленькая кошечка, голуба бывает она, зголуба и скрасна' приводится заголовочное слово [сголубой], ая, ое.

Так же – без грамматической пометы – лексема сбела подана в заголовочной строке СРНГ (168). Однако в нем внутри соответствующей словарной статьи есть помета в знач. нареч. ('мездра у него чиста, так сбела така').

Такое разнообразие связано в определенной мере с характером материала, которым располагали лексикографы, и, по-видимому, с теоретическими установками, принятыми составителями словарей.

Контексты с этими образованиями, зафиксированные в вологодских говорах, отражают функциональную общность данных лексем: они выступают в качестве предиката в предложениях характеризации. Коммуникативной целью этих высказываний является находящаяся в предикативной части характеристика субъекта, имеющего референтную определенность. В таких предложениях предикат выражает признак, свойство предмета, его оценку, данную под тем или иным углом зрения, и обычно выражается качественным прилагательным [Арутюнова, Ширяев: 10, 11]. Характеризующий предикат указывает на один признак: в данном случае – цвет предмета (волос, неба, ткани), физические данные, являющиеся отличительной приметой человека. *Де'очка-то у Мари'и хоро'шенькая, бе'ленькая, воло'ски чуть сруса'. Баб. Скок. Платок у сосе'дки-то у на'шей скжелта'. Вож. Мих. Купила ситчу на кофту, эдакой розовой, а не совсем розовой, пожалуй, сала будет. Баб. Кокш. Спри'коса ма'тка у него' была': глаз коси'л. Вож. Сурк.*

Следует заметить, что употребление прилагательных в функции сказуемого очень широко распространено в русских говорах [Шапиро: 165–166].

Квалифицировать данные образования как наречия в контекстах, приводимых выше, вряд ли возможно. Анализируемые лексемы имеют значение признаковости, качественности, употребляются в предложениях характеристизации, указывая на признак предмета, выраженного (неотглагольным) существительным. Наречие же обозначает признак признака при глаголе и прилагательном, реже при существительном. М. В. Панов формулирует известную закономерность: «наречие при неотглагольных существительных, как правило, предполагает соотношение со словосочетанием из трех членов "существительное неотглагольное + причастие (реально представленное в тексте или потенциальное) + наречие, связанное с этим причастием"» [Панов: 151]. Ср., например, *Тятя у него сприкоса...* (СВГ, вып. 10, 105) и *Лошадь каря, эздные колыта прикось* (СлРЯ, вып. 20). Однокоренные неизменяемые лексемы в соответствии со сформулированным выше положением имеют разный грамматический статус: *прикось* – наречие, *сприкоса* – прилагательное.

Таким образом, можно утверждать, что в говорах существует особый лексико-грамматический класс лексем, который соотносится с описанными в 1950–1970 гг. А. А. Реформатским и М. В. Пановым аналитическими прилагательными литературного языка (Панов: 152 и след.). «Аналит-прилагательные», как указывает М. В. Панов, формируются в XX в., т. е. сравнительно недавно. Происхождение их разное, иногда темное, неясное. Диалектные образования сложились в древности, они имеют иную структуру и свои грамматические особенности. Они, по-видимому, отражают тенденцию к развитию аналитизма уже в грамматической системе старорусского языка. Возможно, в старорусском языке в круг неизменяемых прилагательных входили и лексемы иной структуры и с другим значением. А. Н. Шаламова, указывая на введение с 22 тома в СлРЯ XI–XVII вв. интерпретации некоторых форм на -о как форм прилагательного (помета *предик.* *прил.* *несогл.*), замечает, что при этом предикативные прилагательные на -о, выступают всегда в форме среднего рода в односоставных и двусоставных предложениях (родко, ровно) [Шаламова: 46]. Какие-то неизменяемые именные лексемы могли быть унаследованы и из праславянского языка. Еще А. Вайан отмечал наличие неизменяемых прилагательных в старославянских текстах: *испльнь*, *свободъ*, *различъ*, *сugoубъ*, *оудобъ* [Вайан: 156–157]. Есть грамматическая помета *прил.* *нескл.* и в ССС (45). Но вопрос о круге слов, которые в древности могли квалифицироваться как неизменяемые прилагательные, требует специального рассмотрения.

Будучи прилагательными с однотипным словообразовательным значением, анализируемые диалектные лексемы должны толковаться в словаре единообразно. Однако в практике лексикографического описания единобразия нет. Это, несомненно, связано и со сложностью описания лексики цветообозначения, о чём упоминают все лингвисты, обращавшиеся к этой проблеме.

Один из возможных путей описания производных лексем – толкование через производящие с учетом их словообразовательного значения. Однако в диалектных словарях обычно избегают указаний на словообразовательные связи и ссылок на производящие основы, что связано, в частности, и с возможным отсутствием слова с производящей основой в материале, которым располагает лексикограф. Диалектологи обычно стремятся дать, насколько возможно, точное и полное определение лексического значения слова.

Представление в словаре лексем цветообозначения неизбежно соотносится с отраженной в языке «наивной картиной» мира цвета.

По наблюдениям Р. М. Фрумкиной, «наивная картина» мира цвета, фиксируемая средствами языка, включает представления об основных цветах, о сходствах и различиях цветов между собой [Фрумкина: 31].

Судя по языковым фактам, основные цвета могут быть представлены разновидностями – оттенками, которые различаются по яркости, интенсивности. Нейтральность (слабая степень проявления цветового признака) выражается в русском языке соответствующими цветовыми прилагательными с суффиксом *-оват/-еват-*. Синонимичное значение имеют и сложные прилагательные цветообозначения с первой частью *светло-, бледно-*. То же значение может передаваться и словосочетаниями прилагательных со значением цвета с количественными наречиями *чуть, слегка, почти* (*почти красный, слегка красноватый, чуть красноватый*) и некоторыми другими.

Объединение оттенков в пределах одного данного цвета, по-видимому, основано на соотнесении с некоей нормой, которая объективируется в ассоциативных связях с определенными признаками другого цвета.

Основной цвет (тон) может быть чистым, без примесей. Однако существование множества цветовых оттенков, плавно переходящих один в другой, неявный переход от одного цвета к другому может оцениваться носителем языка как наложение на основной цвет оттенков другого цвета. Наличие таких оттенков выражается общерусскими образованиями типа *изжелта-, иззелена-, иссерा-, иссина-* и др., употребляющимися препозитивно с прилагательными – названиями 'основного' цвета (*изжелта-красный – 'красный с желтым оттенком'*). Значение цветового оттенка есть и у некоторых существительных, мо-

тивированных прилагательными: желтизна, голубизна, синева, рыжина...

Характеризуя цвет той или иной реалии, говорящий не всегда может подыскать его точное наименование. В таком случае он пытается обнаружить сходство характеризуемого цветового признака с тем или иным известным ему цветообозначением (*Купила ситчу на кофту, эдакой розовой, а не совсем розовой, пожалуй сала будет.* – СВГ). Сомнение субъекта речи в истинности даваемой оценки выявляется также модальными словами.

Волосы-то у него не русые, а, пожалуй, даже сrusа. (СВГ, 11) Берёски, у них шляпочки как скрасна. (СНП, 280) Оттенок у него как сзелена. (СП, 271).

Приведенные контексты позволяют думать, что в них деинтенсификация признака служит также для снижения категоричности утверждения.

Представления о мире цвета, в том его фрагменте, о котором содержат информацию слова типа *скрасна*, отражаются в толкованиях данных лексем диалектными словарями. В лексикографическом описании этих цветовых образований присутствует указание:

- на слабую степень цветового признака, выражаемое

1) прилагательным с суф. -оват-/еват-;

2). генетивным адъективно-субстантивным словосочетанием: а) ненасыщенного желтого/красного... цвета; б) желтоватого/красноватого... цвета; в) сероватой окраски;

- на наличие оттенка другого цвета, выражаемое

1) предложным адъективно-субстантивным словосочетанием в творительном падеже: с желтоватым/красноватым... оттенком;

2) предложной словоформой творительного падежа: с желтизной (СлРЯ);

- на сходство описываемого цветового признака с каким-либо цветом, выражаемое словосочетаниями: напоминающий по цвету (красный); похожий на (алый); близкий к (коричневому) цвету (СВГ).

Представляется, что в тех случаях, когда речь идет о разновидностях цвета, отличающихся яркостью, вполне оправданно употребление цветовых прилагательных с суффиксом -оват-/еват-. Ведь данное образование функционирует как прилагательное, поэтому и определение значения включает соответствующее изменяемое прилагательное литературного языка с суффиксом -оват-, -еват-.

Наряду с ними допустимо и использование сложных прилагательных с первой часть 'бледно-', 'светло-'. Правда суффиксальные образования (типа *сероватый*), не описываемые обычно в толковых словарях, как кажется, более уместны, поскольку отличаются от

мотивирующих прилагательных лишь модификационным значением слабой степени признака, свойственным и данным лексемам.

В том случае, когда говорящий усматривает в описываемом цветовом признаке наложение на основной цвет оттенка другого цвета, вполне обоснованно использование словосочетания «с ...оттенком». При наличии в литературном языке производного существительного, указывающего на оттенок цвета, представляется уместным и его использование в таком толковании: «с желтизной / рыжиной...». Непродуктивные в современном русском литературном языке сложные прилагательные с первой частью изжелта-, искрасна- и др. включать в толкования вряд ли целесообразно.

Представляется допустимым и толкование «похожий на...» в том случае, когда это подтверждается контекстом.

Литература

- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Русское предложение. Бытний тип. – М., 1983.
Бахилина Н. В. История цветообозначений в русском языке. – М., 1975.
Вайтан А. Руководство по старославянскому языку. – М., 1952.
Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999.
Русская диалектология / Ред. А. А. Касаткин. – М., 2005.
Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. – М., 1984.
Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке. – М., 1989.
Шаламова А. Н. Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты // Вопросы языкоznания. – 1997. – № 8.
Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. – М., 1953.

Список сокращений

- АС – Словарь говора деревни Акчим Пермской области. Вып V. – Пермь, 2003.
Д – Диалекторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении.
Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1981.
СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып 9, 10. – Вологда, 2005.
СК – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. – Красноярск, 1968.
СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975.
СНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры – Т. 2. – СПб., 2005.
СП – Словарь русских говоров Приамурья. – М., 1983.
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. – Т. 6.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 36. – СПб., 2002.
СС – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 3. – Томск, 1967.
ССД – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнения). – Томск, 1975.
ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). – М., 1994.

МОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА ДИАЛЕКТНОГО ГЛАГОЛА И ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ

Одним из очевидных достижений русской диалектологии является определение «границ лингвистического разнообразия» русского языка [Срезневский 1851: 3–4], создание целого ряда диалектологических атласов, отражающих региональное варьирование структуры и семантики языковых единиц (М. Д. Мальцев, Ф. П. Филин. Лингвистический атлас района озера Селигер (Л., 1949); Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы (М., 1957); Диалектологический атлас русского языка. Проект; вып. 1–3. (М., 1969–1996); . Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской обл. (М., 1991); Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской обл. (Архангельск, 1994); Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада (СПб., 2003); Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск (М., 2004) и др.). Как показывают наблюдения, метод картографирования оказывается наиболее продуктивным и уместным при анализе регулярных языковых соответствий в области фонетики, лексики и грамматики русских народных говоров. При этом явления морфемной структуры слова в разной мере «ложатся» на лингвистическую карту. В данной работе рассматриваются различные опыты картографической интерпретации морфемной структуры диалектного глагола и в связи с этим делаются предположения относительно того, какая картографическая концепция и в каких случаях наиболее адекватно учитывает своеобразие морфемной структуры слов этой части речи.

Первые опыты лингвогеографической интерпретации диалектных явлений, в частности связанные с подготовкой «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе», в основном были ориентированы на выявление фонетического своеобразия различных русских говоров. При этом в «Очерке русской диалектологии», помещенном при данной карте, выделяется ряд фонетических черт, устойчиво проявляющихся в тех или иных морфологических формах глагола и затрагивающих их морфемную структуру: стяжение гласных (*думат*, *быват*), твердость или мягкость конечного согласного в формах 3 лица (ювр. *стоит'*, *несут'*; свр. *идёт*, *велят*), отсутствие морфонологических чередований в личных формах (вост.: *сплю*, *колотю*, *просю*; пекощь, берегошь, *лягёт* и др.) [Опыт, 1915: 18–23]. Позже эти и некоторые другие фонетико-морфологические черты диалектного глагола составили предмет исследования для карт II тома «Диалектологического атласа русского языка» [ДАРЯ, 1986: карты 79–117]. Наибольшее

внимание в этой работе уделяется территориальному варьированию конца основы, а также консонантных и вокалических составляющих флексии. Именно эти особенности морфемной структуры глагольных словоформ, регулярно реализуясь в макросистеме русских народных говоров как компоненты противопоставленных диалектных различий, во многом обусловливают определение диалектных границ в структуре русского языка. Так, для определения вологодских говоров как самостоятельной группы в системе северного наречия русского языка оказались существенными следующие показатели глагольных словоформ: форма глаголов на *-итé*: *неситé, идитé*; сочетания [т'ц'] и [т'с'] на стыке окончания и постфиксa -ся в формах 3 л. ед.ч.: *боит's'e, боит's'o*; форма 2 л. мн. ч. глаголов II спр. с ударным окончанием [от]: *несёт, берёт*; формы 2 л. мн. ч. глаголов I спр. с неподвижным ударением на флексии: *неси[t'o], неси[t'э]*; отсутствие чередований на конце основ глаголов типа *печь, беречь* в формах настоящего времени: *пеку – пеко́шь, берегу – береко́шь*; характер основы и место ударения в формах настоящего времени глагола *мочь*: *могú, мóкго́шь, мóкгот, мóкгут*; форма инфинитива глаголов типа *плести, грести*: *плести*; форма инфинитива глаголов с основами на заднеязычный: *секчи, берегчи*; т в окончаниях форм 3 л.: *несёт, несут*; характер основы и ударения в глаголах II спряжения типа *просить, любить*: *прошу, люблю* и некоторые другие, а для обособления северо-восточной зоны, к которой относится большинство говоров Вологодской области, существенны сохранение заударного *-ти* в формах инфинитива (*класти, ести*), наличие ударных флексий 2 л. мн. ч. (*несетé, несетё*), инфинитивных форм с *-ти* или *-чи* у глаголов с основами на заднеязычный согласный (*стерегчи и стерегти*) и некоторые другие признаки [Захарова, Орлова 1970; Пшеничнова 1996; и др.].

На фоне противопоставленных диалектных различий фонетико-морфологического плана менее регулярные явления морфемной структуры диалектного глагола в течение длительного времени отводились от картографирования на основании того, что глагол, являясь наиболее регулярной, «морфологически ёмкой» и «конструктивной» частью речи в русском языке [Виноградов 1947: 422], в своей морфемной структуре в основном содержит общерусские морфемы в их общязыковых отношениях. Вместе с тем, как показывают исследования последних лет, на фоне универсальных явлений морфемной структуры глагольного слова достаточно ярко выделяются ее диалектные черты.

Ряд особенностей морфемной структуры диалектных глаголов обнаружила Ю. С. Азарх в связи с подготовкой карт ономатопоэтических глаголов, обозначающих крики животных для «Общеславянского лин-

гвистического атласа» [Азарх 1990]. Это касается фонетического облика корня звукоподражательных глаголов (отражение регулярных фонетических и морфонологических чередований: [ржот, аржот, рж'ит]; сохранение следов утраченных древних чередований и обнаружение иноязычного влияния: *мявкать* – *мяўкать* – *мявгать*, *нявкать* – *няўкать* – *нявгать*); отражение экспрессивности слова посредством употребления в корне нетипичных сочетаний фонем и др.), фонематического облика, семантики и функционального взаимодействия словообразовательных аффиксов звукоподражательных глаголов (*брехать*, *кавкать*, *рявгать*, *гоготать*, *клектать*, *арандатъ*). По данным русских диалектных атласов и словарей, а также с учетом материалов картотеки «Словаря русского языка XI–XVII вв.» Ю. С. Азарх делает предположения о времени появления и территориальной закрепленности этих словообразовательных суффиксов, определяя как наиболее древний суффикс -а- в глаголах, обозначающих крики животных, приученных в глубокой древности (*блеять*, *ржать*), отмечая особую продуктивность в русской диалектной системе глаголов на -вать (*мяувкать*, *рявкать*) и существование вариантов для них образований на -гать в онежских и лачских говорах (*аркать* – *аргать*, *рявкать* – *рявгать*), комментируя морфемную структуру глаголов на -отать // -етать в соотношении с однокоренными существительными (*гогот* – *гоготать*) и существование на периферии ареалов глаголов этой структурной модели образований на -к(х)тать (*клектать* ← **клекътати*), а также выделяя ареал распространения ономатопов на -андать // -айдать, заимствованных из карельского и вепсского языков (ср. также: [Дубровина, Герд 1974]). Отметим, что основанием для построения сводных карт этих слов явились как их семантическая близость (обозначение криков животных), так и однотипность морфемной и словообразовательной структуры (сочетание звукоподражательных корней и словообразовательных суффиксов с общим значением «произносить данное звукоподражание» [Г-70: 342]). Для интерпретации морфемной структуры диалектных глаголов этот подход оказался вполне продуктивным и получил свою дальнейшую реализацию в «Лексическом атласе русских народных говоров», концепция которого предполагает построение нескольких типов карт, отражающих структурную специфику диалектной лексики [ЛАРНГ: 18]. В отношении глагольной лексики русских говоров эта концепция на данный момент реализована двумя картами Т. И. Вендиной в пробном выпуске ЛАРНГ [ЛАРНГ: карты 13 и 14; комментарий на с. 87–94]. При этом карта № 14 («Издавать громкие звуки, характерные для лисы») отображает в основном лексические различия (*брехать*, *гавкать*, *лять*, *тявкать*), тогда как на карте № 13 («Издавать громкие, характерные для дикого кабана звуки»), как и в работах Ю. С. Азарх, находит свое отражение

морфемная структура звукоподражательных глаголов. Автор выделяет основное для глаголов с этим значением противопоставление корня *-визг-* // *-визж-* и корня со звуковым комплексом [хр] // [кр] в различных модификациях (*хрюкать*, *хрючить*, *хрыкать*, *хрычать*) и затем делает предварительные выводы о повсеместном распространении глаголов с последним корнем на фоне образований с корнем *-визг-* // *-визж-*, представленных в северо-восточных говорах северного наречия и имеющих точечные ареалы в курско-орловской группе говоров. Структурная специфика глаголов звучания в русских территориальных диалектах в дальнейшем может быть отражена на лингвистических картах по 20 вопросам раздела «Животный мир». Обратим внимание на наш проект карты во вопросу Л 303 «Кричать (о сове)». Материалы картотеки ЛАРНГ фиксируют в этом значении 47 слов, в основном относящихся к общерусскому лексическому фонду. Примерно половину из них составляют глаголы звучания, в достаточной мере абстрактно отражающие специфику внешнего человеческого восприятия крика совы. Эти глаголы называют громкие звуки (*орать*, *волить*), отрывистые (*щелкать*) или, наоборот, протяжные (*выть*, *реветь*), высокого (*пикать*) или низкого тона (*рычать*), монотонные (*бубнить*), невнятные (*гнусавить*), жалобные (*плакать*), произносимые с определенной целью (*лугать*, *перекликаться*, *просить пить*). Другая группа – это собственно звукоподражательные глаголы, отражающие акустические особенности крика совы. В корнях этих глаголов представлены преимущественно сочетания заднеязычных согласных с гласным «у»: *гугувать*, *гукать*, *гунькать*, *гунчать*, *гуттать*, *угукать*, *ухать*, ср. также *охать* и *кыкать*. Предварительные наблюдения о функционировании глаголов, обозначающих крик совы, на территории картографирования свидетельствуют о том, что основное противопоставление составляют слова *ухать* и *кричать* (соответственно 96 и 87 пунктов фиксации), что дает возможность мотивационного решения карты и безразлично к интерпретации структурных особенностей данной группы глаголов. Вместе с тем следует отметить, что у отдельных звукоподражательных глаголов, морфемная структура которых актуализирует характер совершения данного действия, обнаруживаются некоторые ареальные различия. Наиболее широко представлен в русских говорах глагол *гукать* (40 пунктов фиксации, различные р-ны Карелии, Вологодской, Ленинградской, Псковской, Кировской, Костромской областей, Удмуртии, Пермской, Ярославской, Кировской, Тверской, Ивановской, Московской, Нижегородской обл., Мордовии, Тульской, Орловской, Курской и Ростовской обл.). При этом более половины пунктов фиксации этого глагола представлено на территории севернорусских и среднерусских окающих говоров. Другой глагол, *гунчать* (12 пунктов фиксации), в основном отмечен в Нижегородской

обл. (Лысковский (400), Воротынский (402), Вадский (440), Выксунский (474), Дивеевский (477) р-ны). По соотношению с ним глагол *гунькать*, морфемная структура которого актуализирует кратность совершения действия, в основном фиксируется к юго-западу от территории фиксации глагола *гунчать*: в Сузальском и Муромском р-нах Владимирской обл. (341 и 438), Чучковском р-не Рязанской обл. (579) и Воробьевском р-не Воронежской обл. (919). Другая возможность морфемной актуализации кратности действия представлена в глаголе с редуплицированным корнем *гугукать* (8 пунктов фиксации: Кемский и Беломорский р-ны КАССР (8 и 11), Большесельский и Ярославский р-ны Ярославской обл. (237 и 240), Завьяловский р-н Удмуртии (311), Южский р-н Ивановской обл. (345), Даниловский р-н Волгоградской обл. (930) и Петропавловский р-н Воронежской обл. (935). Достаточно компактную территорию распространения обнаруживает глагол *гутать* (6 пунктов фиксации: Порховский р-н Псковской обл. (169), Красносельский р-н Костромской обл. (245), Тейковский р-н Ивановской обл. (285), Мытищинский р-н Московской обл. (384), Барятинский р-н Калужской обл. (539), Сапожковский р-н Рязанской обл. (614)).

Картографирование глагольной лексики может быть актуальным и для установления границ диалектного членения внутри относительно компактных совокупностей русских диалектов. Подобный опыт представлен в монографии В. Г. Долгушева «Лексика вятских говоров в ареальном и ономастическом аспектах». Карта № 49 «Издавать звуки, характерные для гуся» позволяет разграничить ареалы распространения глаголов *керкать* / *кергать*, генетически связанных с северо-западными говорами, и более поздних образований со звуковыми комплексами *гага-* / *гого-* (гагать, гогать, гагакать, гагайкать, гагачить, гоготать, гогочить) [Долгушев 2006: 98–99]. Карта № 56 «Издавать звуки, характерные для курицы» интерпретирует характер распространения глаголов шести структурных групп: 1) глаголы с корневыми алломорфами *кво-* / *квок-* / *квохт-* / *квокт-* (*квохтать*, *квоктать*, *квохать*, *квокать*); 2) глаголы с корневыми алломорфами *көр-* / *көрк-* / *көрг-* (*көркать*, *көркать*, *көргать*); 3) глаголы с корневыми алломорфами *клокт-* / *кликт-* (*клоктать*, *кликтать*); 4) глаголы с корневыми алломорфами *кокот-* / *котык-* / *кытык-* / *котк-* (*коктать*, *котыкать*, *кытыкать*, *коткаться*); 5) глаголы с корневыми алломорфами *кудахт-* / *кудак-* / *кудах-* / *кудакт-* (*кудахтать*, *кудакать*, *кудахать*, *кудактать*); 6) глаголы с корнем *рост-* (*роститься*). Автор отмечает ареальное противопоставление глаголов *кокотать* (с различными вокалическими вариантами: *котыкать*, *кытыкать* и пр.) в кайских говорах и *квохтать* (Южная и Юго-Восточная зоны котельническо-вятских говоров, юго-восточные и некоторые кайские говоры). тогда как другие глаголы с этим значением фиксируются повсеместно.

местно [Долгушев 2006: 106–108]. Кроме звукоподражательных глаголов, В. Г. Долгушев рассматривает также глаголы со значениями «Разведриваться, проясняться (о погоде)» [Долгушев 2006: 134–135, карта № 83]. По наблюдениям автора, в системе вятских говоров обнаруживается территориальная специализация образований с корнями -ведр- (*ведреть, ведренеться, разведриваться, проведриваться*) в юго-западных и котельническо-вятских говорах и глаголов с корнем -погод- (*погодиться, опогаживаться*) в юго-западных говорах на фоне повсеместного распространения глаголов с корнем -ясн- (*прояснивать, выяснивать, проясняться*). Интересный материал для определения диалектных границ в вятских говорах дает карта № 89 «Покрыться инеем» [Долгушев 2006: 143–144]. Лексический материал к этой карте обнаруживает аффиксальную конкуренцию различных общерусских префиксов (*закуржаветь, окуржееть, покуржаветь*), а также широкое аффиксально-корневое варьирование глаголов с фонетическими комплексами -ин'- / -инд'- / -инж- / ив'- (*заиневеть, заиндееть, заинжеветь, заиненеть, заиниться, заинеться*). Ареальное противопоставление здесь дают образования с корнем -ин'- / ..., генетически связанные с новгородскими говорами (ср. [Мызников 2003: 99]), и слова с корнем -курж-, соотносительные по происхождению с архангельскими и вологодскими говорами (ср.: [Комягина 1994: 119]). В результате системного полевого обследования вятских говоров, в том числе и в аспекте глагольной лексики указанных значений, В. Г. Долгушеву удалось уточнить классификацию говоров Кировской обл. и связать выделение в них различных диалектных зон с границами субэтносов, проживающих на территории Вятской земли (*котеляне, вятчане, слобожане, ноля, кукара, яранцы-красносанцы, шанчуята* и др.).

Таким образом, интерпретация морфемной структуры глагольного слова на лингвистических картах имеет свою специфику. С одной стороны, на этих картах находят системное отражение регулярные фонетико-морфологические черты конечной части глагольных словоформ, релевантные для определения диалектных границ русского языка. С другой стороны, диалектные особенности обнаружаются при анализе корневой части основ, оформленных по общерусским аффиксальным моделям. Третью перспективную для лингвогеографии сферу исследования составляют морфемные комплексы, состоящие в основном из звукоподражательных корней и прикорневых суффиксов, имеющих ареальную специфику. В двух последних случаях необходимым основанием для анализа глагольной лексики русских говоров будет семантическая близость и структурная однотипность этих слов. Думается также, что на лингвистических картах могут быть отражены и другие аспекты морфемной структуры глагола в русских говорах: свободный или связанный характер корневых морфем, особенности их

сочетаемости с общерусскими и диалектными аффиксами. Вместе с тем не следует забывать и о трудностях реализации этой задачи, в частности, о необходимости системного обследования различных русских говоров по специальным программам. Опыты подобного рода программы в русской диалектологии в основном направлены на изучение именной лексики говоров (см., например: [Методические рекомендации 1990]). Что же касается сбора, классификации и анализа глагольной лексики русских диалектов с перспективой последующего картографирования различных аспектов ее морфемной структуры, то работа в этом направлении пока еще ждет своего исследователя.

Литература

- Азарх Ю. С. О сводных картах слов одной лексико-семантической группы (на материале русских глаголов, обозначающих крики животных) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1987. Сборник статей. – М., 1990. – С. 121–126.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1947.
- Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
- Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. – М., 1915.
- Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Комментарии к картам. – М., 1986.
- Дубровина З. М., Герд А. С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Советское финноугроведение. – 1974. – № 4. – С. 243–247.
- Долгушев В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономасиологическом аспектах. – М., 2006.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. – М., 1970.
- Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской обл. – Архангельск, 1994.
- Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. – СПб., 2004.
- Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики говоров. – Кемерово, 1990.
- Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. – СПб., 2003.
- Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Русского географического общества. – Ч. 1. – Кн. 1. – СПб., 1851. – С. 1–24.
- Пшеничнова Н. Н. Типология русских говоров. – М., 1996.

Л. Г. Яцкевич

МУТАЦИОННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ОТСУБСТАНТИВНЫХ СУФФИКАЛЬНЫХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОХ

Лексикографическое описание лексических богатств вологодских говоров приближается к завершению [Зорина]. К настоящему времени

опубликовано десять выпусков «Словаря вологодских говоров» [Словарь], подготовленных коллективом преподавателей кафедры русского ВГПУ под научным руководством Т. Г. Паникаровской и Л. Ю. Зориной. Данный лексикографический труд является ценным источником не только для изучения диалектной лексики русского языка, но и для исследований по диалектному словообразованию, морфемике и этимологии [Попов]. Это подтверждается и серией работ по глагольной морфемике вологодских говоров, подготовленных Е. Н. Шабровой [Шаброва 1997; 2003; и др. раб.].

Темой данной статьи является рассмотрение основных семантических моделей мутационного отсубстантивного словообразования суффиксальных имён существительных. Источником для наблюдений послужили 10 выпусков «Словаря вологодских говоров» [Словарь].

Понятие о мутации как особом типе лексической деривации предложил чешский учёный М. Докулил [Dokulil]. Словообразовательные значения лексикализованного типа связаны с изменением номинативной функции производящего слова, с преобразованием предметно-логического содержания его лексического значения. В этом случае образуются лексические дериваты – производные слова, не тождественные по своей номинативной функции с производящими словами и обозначающие по сравнению с ними совершенно иные реалии. Словообразовательная мутация основана на переходе от одних лексических категориальных значений к другим происходит она по определённым семантическим моделям [Яцкевич 2002: 116, 134–138]. Системное описание диалектных имён существительных, являющихся лексическими дериватами мутационного типа, было впервые предпринято М. Н. Янценецкой на материале сибирских говоров [Янценецкая 1989; 1992]. На материале вологодских говоров данная тема не была до сих пор предметом специального рассмотрения, хотя подступы к её изучению были намечены в дипломной работе С. Н. Ворониной [Воронина].

Семантические модели субстантивной мутации пропозитивного характера в самом общем виде можно описать с помощью комбинаций универсальных семантических компонентов пропозиции (субъект – предикат-объект – место – время). Эти компоненты отражают проявление изосемии единиц различных уровней языка [Яцкевич 2004]. Потенциальная парадигма мутационных семантических моделей существительных включает в свой состав пять частей, каждая из которых имеет пять позиций. Итого всего потенциально возможно 25 семантических моделей мутации.

**Эталонная потенциональная парадигма
мутационных семантических моделей суффиксальных
имён существительных**

- I. Лексическая деривация субъекта
 - 1. Субъект ← Субъект
 - 2. Субъект ← Объект
 - 3. Субъект ← Место
 - 4. Субъект ← Время
 - 5. Субъект ← Предикат
- II. Лексическая деривация объекта
 - 6. Объект ← Субъект
 - 7. Объект ← Объект
 - 8. Объект ← Место
 - 9. Объект ← Время
 - 10. Объект ← Предикат
- III. Лексическая деривация места
 - 11. Место ← Субъект
 - 12. Место ← Объект
 - 13. Место ← Место
 - 14. Место ← Время
 - 15. Место ← Предикат
- IV. Лексическая деривация времени
 - 16. Время ← Субъект
 - 17. Время ← Объект
 - 18. Время ← Место
 - 19. Время ← Время
 - 20. Время ← Предикат
- V. Лексическая деривация предиката
 - 21. Предикат ← Субъект
 - 22. Предикат ← Объект
 - 23. Предикат ← Место
 - 24. Предикат ← Время
 - 25. Предикат ← Предикат

Данная потенциальная парадигма субстантивной словообразовательной мутации находит различное воплощение в **частных парадигмах** в разных говорах и в различные исторические эпохи развития русского языка. Поэтому потенциальную парадигму следует назвать **эталонной**. Она может быть использована как методический инструмент для сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного описания мутационного субстантивного словообра-

зования пропозитивного типа в литературном русском языке, в говорах и терминосистемах. Впервые понятия и термины «потенциальная парадигма», «эталонная парадигма», «частная парадигма» были использованы А. А. Зализняком применительно к морфологической парадигматике. Он, в свою очередь, опирался на труды Ф. Ф. Фортунатова и А. И. Смирницкого [Зализняк].

В вологодских говорах семантические модели мутационного суффиксального словаобразования очень разнообразны, что свидетельствует о сложности, богатстве и высоком потенциале словаобразовательной системы имён существительных данных говоров. Однако, по нашим наблюдениям, не все семантические модели эталонной парадигмы в равной степени продуктивны в частной парадигме, реализованной в вологодских говорах. Далее эта **частная парадигма** семантических моделей словообразовательной мутации существительных рассматривается на основе материалов десяти выпусков «Словаря вологодских говоров» [Словарь].

Мутационные словообразовательные типы отсубстантивных суффиксальных существительных в вологодских говорах

I. Лексическая деривация субъекта

1. Субъект ← Субъект

Производные с суффиксом **-ниц(а)**: *робятница* 'девушка, родившая ребенка до замужества' ← *робята*.

Производные с **нулевым** суффиксом: *божа* 'крестная мать' ← *Бог*; *брата* 'старший брат' ← *брат*.

Производные с суффиксом **-ат-/ -ат-(а)**: *божат* 'крестный отец' ← *Бог*;

божата 'тётка, сестра отца или матери' ← *Бог*.

Производные с суффиксом **-ан-**: *братан* 'брать двоюродный, троюродный' ← *брат*.

Производные с суффиксом **-аш-**: *браташ* 'брать двоюродный, троюродный' ← *брат*.

Производные с суффиксом **-ец-**: *братец* 'брать мужа, деверь' ← *брат*.

Производные с суффиксом **-уш-(а)**: *вороуша* 'русалка, сказочное существо, живущее в воде' ← *ворог*.

Производные с суффиксом **-к-(а)**: *дружка* 'один из главных участников старинного свадебного обряда, распорядитель на свадьбе со стороны жениха' ← *друг*.

Производные с суффиксом **-ок-**: *дружок* 'то же, что дружка' ← *друг*.

2. Субъект ← Объект

Производные с суффиксом **-ник-**: **кадочник** ' бондарь' ← **кадка**; **ко-сыночник** ' торговец косынками, платками' ← **косынка**; **косник** ' торговец косами, серпами' ← **коса**; **лапоточник** ' человек, который плетет лапти' ← **лапотки**; **матичник** ' рыбак, который опускает и вытягивает «матицу» невода' ← **матица** ' часть невода в виде мешка, в который набирается пойманная рыба'; **свадебник** ' человек, ведущий свадебное торжество' ← **свадьба**.

Производные с суффиксом **-ниц-(а)**: **ведерница** ' корова, дающая ведро молока за уドй' ← **ведро**; **киношница** ' женщина-киномеханик' ← **кино**; **калошница** ' обладательница калош, носить которые считалось признаком особого щегольства' ← **калоши**; **кудельница** ' девушка или женщина, обрабатывающая лён' ← **куделя** ' волокнистая часть льна; волокно льна или шерсти, приготовленное для прядения'; **молочница** 'женщина, любящая молоко' ← **молоко**; **рыбница** ' любительница есть рыбу' ← **рыба**.

Производные с суффиксом **-щик/-овщик-**: **гармонщик** ' гармонист' ← **гармонь**; **кинщик** ' киномеханик', 'любитель кино' ← **кино**; **киновщик** ' киномеханик' ← **кино**; **писемщик** ' почтальон' ← **письмо**.

Производные с суффиксом **-ик-**: **гармоник** ' гармонист' ← **гармонь**.

Производные с суффиксом **-ец-**: **горлец** ' крикун' ← **горло**.

Производные с суффиксом **-ован-**: **горшкован** ' человек, делающий горшки' ← **горшки**.

Производные с суффиксом **-оватик-**: **грибоватик** ' любитель собирать грибы' ← **грибы**.

Производные с суффиксом **-ярь-**: **дегтярь** ' дегтярник' ← **дёготь**.

Производные с суффиксом **-ан-**: **зубан** ' насмешник' ← **зубы**;

Производные с суффиксом **-ун-**: **килун** ' человек с мошоночной грыжей' ← **кила** ' кила'.

3. Субъект ← Место

Производные с суффиксом **-ник-**: **дворник** ' муж, принятый в семью жены' ← **двор**; **дорожник** ' гость, прибывший издалека' ← **дорога**; **лесник** ' охотник' ← **лес**.

Производные с суффиксом **-ниц-(а)**: **банница** ' злой дух, живущий в бане, вид домового' ← **баня**; **келеница** ' верующая женщина, самодеятельно отправляющая религиозный кульп при отсутствии священнослужителей' ← **келья [келья]**; **клубница** ' женщина, заведующая клубом' ← **клуб**; **лесница** ' женщина – знаток, любитель леса' ← **лес**.

Производные с суффиксом **-щик/-овщик-**: **келейщик** ' верующий человек, самодеятельно отправляющий религиозный кульп при отсутствии священнослужителей' ← **келья [келья]**; **кормовщик** ' рулевой на лодке, правящий кормовым веслом' ← **корма** ' задний конец или часть

судна (лодки), противоположная носу'; носовщик 'рыбак, находящийся на носу лодки' ← нос 'передняя часть судна'.

Производные с суффиксом **-овик-**: **домовик** 'муж, принятый в семью жены' ← **дом**.

Производные с суффиксом **-овиц-(а)**: **домовица** 'женщина, которая, выйдя замуж, приняла мужа в свой дом' ← **дом**.

Производные с суффиксом **-ец-**: **деревенец** 'житель деревни' ← **деревня**.

Производные с суффиксом **-щиц-(а)**: **келейщица** 'верующая женщина, самодеятельно отправляющая религиозный кульп при отсутствии священнослужителей' ← **келья [кельја]**.

Производные с суффиксом **-щин-(а)**: **городница** 'жители города' ← **город**; **деревенница** 'жители деревни' ← **деревня**.

Производные с суффиксом **-янк-/анк-(а)**: **краянка [крајанка]** 'женщина, дом которой стоит на краю деревни'; '**соседка**' ← **край**; **селянка** 'жительница села жительница села' ← **село**.

Производные с суффиксом **-ин-(а)**: **адина** 'ненасытный прожорливый человек' ← **ад**;

Производные с суффиксом **-овищ-(е)**: **адовище** 'ненасытный прожорливый человек' ← **ад**;

Производные с суффиксом **-от-(а)**: **верхомта** 'жители верховьев рек' ← **верх**.

Производные с суффиксом **-арь-**: **вышкарь** 'бурильщик' ← **вышка**; **клубарь** 'заведующий глубом' ← **клуб**.

4. Субъект ← Время

Производные с суффиксом **-ник-**: **осенник** 'животное, родившееся осенью' ← **осень**; **старинники** 'люди, жившие в прежние времена, в старину'; '**люди, прожившие много лет, достигшие старости**' ← **старина**.

Производные с суффиксом **-щик-**: **денщик** 'рабочий с поденной оплатой, поденщик' ← **день**.

Производные с суффиксом **-ец-**: **осенец** 'животное, родившееся осенью' ← **осень**.

Производные с суффиксом **-чуг-/чука-**: **осенчуг** 'животное, родившееся осенью' ← **осень**.

5. Субъект ← Предикат

Производные с суффиксом **-ник-**: **задорник** 'умело, увлечённо работающий человек' ← **задор**; **молодичник** 'гулянье молодёжи'; 'в свадебном обряде – гулянье в доме жениха через несколько дней после свадьбы, где собирались только девушки' ← **молодица** 'молодая девушка'; '**невеста**'.

Производные с суффиксом **-ница**-(а): **задорница** 'женщина, любящая и умеющая работать' ← **задор**.

Производные с суффиксом **-юн-**: **горюн** 'несчастный, жалкий человек' ← **горе**.

Производные с суффиксом **-ушк-(а)**: **добротушка** 'добрая женщина' ← **доброта**.

II. Лексическая деривация объекта

6. Объект ← Субъект

Производные с суффиксом **-ок-**: **казачок** 'женская кофта в талию с широкой оборкой (баской), пришиваемой по линии пояса к лифу кофты', 'короткая верхняя женская одежда из сукна (типа жакета) в талию с мелкими сборками (или складками сзади)' ← **казак**.

Производные с суффиксом **-к-(а)**: **казачка** 'женская кофта в талию с широкой оборкой (баской), пришиваемой по линии пояса к лифу кофты' ← **казак**.

Производные с суффиксом **-ин-(а)**: **казачина** 'короткая верхняя женская одежда из сукна (типа жакета) в талию с мелкими сборками (или складками сзади)' ← **казак**.

Производные с суффиксом **-иц-(а)**: **клопица** 'название растений, употребляемых против клопов' ← **клоп**.

7. Объект ← Объект

Производные с суффиксом **-ник-/ -еник-**: **блинник** 'пирог из блинов, положенных друг на друга' 'сковородник' ← **блин**; **грибник** 'пирог с грибами' ← **гриб**; **грудочник** 'пирог с творогом' ← **грудки** 'творог'; **губник** 'пирог с грибами' ← **губы** 'грибы'; **дрожженик** 'домашнее хмельное пиво' ← **дрожжи**; **изюмник** 'пирог с изюмом' ← **изюм**; **капустница** 'суп из капусты и картофеля с добавлением крупы' ← **капуста**; **кашамерник** 'праздничный сарафан из кашемира' ← **кашемир**; **крупник** 'пирог с начинкой из крупы' ← **крупа**; **лоскуточник** 'половик, сшитый из лоскутьев' ← **лоскуток**; **лучинник** 'полено, предназначенное для изготовления лучины' ← **лучина**; **маляпочник** 'пирог с мелкой рыбой' ← **малявка** ← **малява** 'мелкая рыба'; **обабник** 'пирог с грибами' ← **обабки** 'общее название грибов, идущих на сушку'; **мучник** 'печеное изделие из теста' ← **мука**; **мясник** 'пирог с начинкой из мяса' ← **мясо**, **пирожник** ← 'корзина, в которой носили пироги' ← **пирог**; **пеленичник** 'лента, которой обвязывают младенца поверх пеленки' ← ***пеленица** 'пелёнка'; **пестрядник** 'будничный сарафан из пестряди' ← **пестрядь**; **репник** 'пирог с начинкой из репы' ← **репа**; **рыбник** 'пирог с запеченной целой рыбой' ← **рыба**; **свининник** 'пирог со свиным салом' ← **свинина**; **сальник** 'каша, приготовленная с добавлением сала в русской печи' ← **сало**.

Производные с суффиксом **-ниц-(а) / -ениц-(а)**: борочница 'женская рубаха с присборенными у манжета рукавами' ← борок 'ум.-ласк. от' ← бор 'сборка, складка на одежде'; брюковница 'каша из брюквы' ← брюква; ватница 'стёганая ватная нижняя юбка' ← вата; гарусник 'сарафан из гаруса' ← гарус; губница 'грибной суп' ← губы 'грибы'; дубеница 'сарафан из любой грубой ткани' ← дуб 'кора некоторых пород деревьев, употребляемая для дубления кожи и окраски чего-либо'; зеркальница 'прялка с укреплённым на ней зеркалом' ← зеркало; каменница и камешница 'печь, сложенная из камней, не имеющая трубы наружу (в чёрной бане)' ← камень; оладница 'сковородка, на которой пекут оладьи' ← оладьи; горошиница 'похлёбка из гороха' ← горох; овечница 'корзина для корма овцам' ← овцы; оводница 'защитная маска от оводов из плотной ткани с отверстиями для глаз' ← овод 'общее название любого летающего насекомого, которое кусается (собир.)'.

Производные с суффиксом **-чик-**: дубчик 'сосновая или ивовая заготовка для коклюшки' ← дуб.

Производные с суффиксом **-ец-**: баланец 'висячие весы с коромыслом' ← балан 'отрезок бревна длиной около одного метра'; деревец 'деревянная колодка, употребляемая при шитье обуви, плетении лаптей' ← дерево.

Производные с суффиксом **-иц-(а)**: каменица 'печь, сложенная из камней, не имеющая трубы наружу (в чёрной бане)' ← камень; кашица 'рыбный суп с крупой' ← каша.

Производные с суффиксом **-ц-(а)**: каменца и каменьца 'печь, сложенная из камней, не имеющая трубы наружу (в чёрной бане)' ← камень.

Производные с суффиксом **-ушк-(а)**: мехушка 'короткая меховая куртка' ← мех.

Производные с суффиксом **-яг-(а)**: волосяга 'сеть для ловли рыбы, сплетённая из конского волоса' ← волос; деревяга 'палка' ← дерево.

8. Объект ← Место

Производные с суффиксом **-ниц-(а)**: дорожница 'небольшая берестяная корзина прямоугольной формы с крышкой, предназначенная для продуктов и вещей, взятых в дорогу' ← дорога.

Производные с суффиксом **-к-(а)**: (1) грудинка 'свиное сало' ← грудина 'грудь'; (2) грудинка 'часть платья, рубашки, фартука, закрывающая грудь' ← грудина 'грудь'.

Производные с суффиксом **-ин-(а) / -овин-(а)**: брюшина 'выделанная внутренняя оболочка брюшной полости животных, вставлявшаяся в окна вместо стекла' ← брюхо; болотина 'трава, растущая на болоте или сено из этой травы' ← болото; горловина 'воротник' ← горло.

Производные с суффиксом **-онк-(а)**: *верхонка* и *верыхонка* 'рукавицы, надеваемые поверх варежек (обычно холщовые или брезентовые)' ← *верх*.

Производные с суффиксом **-ок-**: *вершок* 'отстой на молоке, сливки' ← *верх*.

Производные с суффиксом **-анец-**: *голованец* 'большой шёлковый платок фабричного изготовления' ← *голова*.

Производные с суффиксом **-уш-(а)**: *горбуша* 'плоская кость в верхней части спины' ← *горб*.

Производные с суффиксом **-н-(я)**: *кадня* 'простокваша, кадное молоко' ← *кадка*.

9. Объект ← Время

Производные с суффиксом **-ник-**: *летник* 'летняя женская одежда' ← *лето*.

Производные с суффиксом **-ец-**: *осенец* 'сено осеннего укоса' ← *осень*.

Производные с суффиксом **-ин-(а)**: *осенина* 'овечья шерсть осенней стрижки' ← *осень*.

Производные с суффиксом **-чуг-/чук-**: *осенчуг* 'сено осеннего укоса' ← *осень*.

10. Объект ← Предикат

Производные с суффиксом **-иц-(а)**: *бухалица* 'аппарат для ручной переработки молока в сливки' ← *бухало* *'то, что бухает'.

III. Лексическая деривация места

11. Место ← Субъект

Производные с суффиксом **-ник-**: *овечник* 'огороженный участок луга для пастьбы овец' ← *овцы*; *кошечник* 'отверстие под русской печью, через которое кошка пролезала в подвал' ← *кошка*; *куречник* 'пристройка к печи в крестьянском доме в виде клетки, где зимой живут куры'; *курятник* ← *курица*.

Производные с суффиксом **-ииц-(а)**: *овечница* 'корзина для корма овцам' ← *овца*.

Производные с суффиксом **-онк-(а)**: *божонка* 'полка, где стоят иконы, божница' ← *Бог*.

12. Место ← Объект

Производные с суффиксом **-ник-/ -онник-**: *балясник* 'палисадник' ← * *балясы* 'точёные столбики под поручни, перила, ограду, обнос' [Даль I: 44]; *блудник* 'шкаф для посуды' ← *блудо*; *вересник* 'заросли вереска' ← *верес*; *древник* 'дровяной сарай или навес под которым

хранятся дрова' ← дрова; **дымник** 'вытяжное отверстие в потолке или в стене избы с беструбной печью' ← дым; **камешник** 'место на берегу реки, усыпанное мелким камнем' ← камень; **капустник** 'отгороженный участок земли, где посажена капуста', 'парник, рассадник, где выращивают рассаду капусты' ← капуста; **каретник** 'сарай для хранения карет, телег, саней, с/х инвентаря' ← карета; **кашник** 'глиняный сосуд округлой формы для варки пищи, для молока и т.п.; горшок' ← каша; **квасник** 'деревянная кадка для приготовления и хранения кваса' ← квас; **крыночник** 'шкаф для хранения кринок с молоком и продуктов' ← кринка 'узкий высокий молочный горшок'; **лопатник** 'футляр, в котором носят бруск для правки кос' ← лопатка 'брюсок для правки кос'; **молоконник** 'глиняный сосуд с носиком для молока' ← молоко; **молочник** 'небольшой шкаф для хранения кринок с молоком' ← молоко; **морошечник** 'заросли морошки' ← морошка; **огуречник** 'участок огорода, где выращивают огурцы', 'парник' ← огурцы; **овощник** 'участок огорода под овощами' ← овощи; **пенник** 'место в лесу, где вырублены деревья и не выкорчеваны пни' ← пень; **сенник** ' помещение для хранения сена; сеновал' ← сено; **санник** 'навес у дома, сарай для хранения саней' ← сани; **самоварник** 'полка для самовара' ← самовар.

Производные с суффиксом **-ниц-(а)**: **дымница** 'изба с беструбной печью' ← дым; **игольница** 'коробочка, футлярчик для хранения швейных иголок' ← игла.

Производные с суффиксом **-няк-**: **вересняк** 'заросли вереска' ← вереск.

Производные с суффиксом **-к-(а)**: **каменка** 'баня, которую топят по чёрному: с печью, сложенной из камней, не имеющей трубы наружу' ← камень.

Производные с суффиксом **-иш-(е) / -овищ-(е)**: **гороховище** 'поле, засеянное горохом' ← горох; **льнище** 'поле, засеянное льном'; 'место, где расстилают лен' ← лен; **коноплище** 'участок земли, на котором растет или с которого убрана конопля' ← конопля; **овсище** 'овсянное поле' ← овёс.

Производные с суффиксом **-инк-(а)**: **сахаринка** 'сахарница' ← сахар.

Производные с суффиксом **-енк-(а) / ёнк-(а)**: **веретеленка** 'корзина для хранения веретён' ← *веретело; **маслёнка** 'глиняный сосуд с носиком, предназначенный для хранения и растапливания масла' ← масло.

13. Место ← Место

Производные с суффиксом **-ник- / -яник-**: **верхник** 'верхний косяк у окна, двери' ← верх; **водяник** 'огород, находящийся около реки' ← вода.

Производные с суффиксом **-ниц-(а)**: горница 'летнее неотапливаемое помещение в крестьянском доме, обычно на чердаке или в задней части, служащее одновременно летней спальней и кладовой', 'чердак' ← гора.

Производные с суффиксом **-няк-**: болотняк 'лес, растущий на болоте' ← болото; верхняк 'верхний косяк у окна, двери' ← верх.

Производные с суффиксом **-ин-(а) /-отин-(а)**: вершина 'верховые реки' ← верх; верхотина 'верховые реки' ← верх.

Производные с суффиксом **-ок-**: вороток 'верхняя часть (чаще из ситца, сатина, коленкора) женской рубашки (приблизительно до талии), к которой пришивается нижняя часть – стан, становина (обычно из холста)' ← ворот.

Производные с суффиксом **-ушк-(а)**: воротушка 'верхняя часть (чаще из ситца, сатина, коленкора) женской рубашки (приблизительно до талии), к которой пришивается нижняя часть – стан, становина (обычно из холста)' ← ворот; горушка 'кладбище, расположенное на горе' ← гора.

14. Место ← Время

Производные с суффиксом **-ник-**: денник 'часть крестьянского дома, где содержится скот (обычно летом или в дневное время зимой)' ← день; зимник 'санный путь для езды зимой; дом лесника' ← зима; летник 'неутепленная изба или часть избы, в которой жили летом' ← лето.

Производные с суффиксом **-ниц-(а)**: летница 'неутепленная изба или часть избы, в которой жили летом' ← лето.

Производные с суффиксом **-няк-**: зимняк 'санный путь для езды зимой' ← зима; летняк 'летняя дорога' ← лето.

Производные с суффиксом **-овищ-(е)**: летовище 'пастбище, выгон; лесное пастбище' ← лето.

15. Место ← Предикат

Эта модель в диалектном материале исследуемого источника не представлена.

Лексическая деривация времени и предиката (модели 16 – 25) встречается в единичных случаях. Например:

21. Предикат ← субъект

Производные с суффиксом **-ник-**: молодичник 'гулянье молодёжи'; 'в свадебном обряде – гулянье в доме жениха через несколько дней

после свадьбы, где собирались только девушки' ← *молодица* 'молодая девушка; 'невеста'.

24. Предикат ← Время

Производные с суффиксом **-арь-**: *зимарь* 'северный ветер' ← *зима*.

Производные с суффиксом **-ин-(а)**: *вечерина* 'вечернее будничное собрание молодёжи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют' ← *вечер*.

Производные с суффиксом **-инк-(а)**: *вечеринка* 'вечернее будничное собрание молодёжи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют' ← *вечер*.

Производные с суффиксом **-к-(а)**: *вечёрка* 'вечернее будничное собрание молодёжи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют' ← *вечер*.

Производные с суффиксом **-ушк-(а)**: *вечерушка* 'вечеринка' ← *вечер*.

Производные с суффиксом **-н-(я)**: *вечерня* 'вечерняя дойка коров' ← *вечер*.

Результаты изучения мутационных словообразовательных типов отсубстантивных суффиксальных имён существительных в обобщённом виде отражены в таблице № 2. Согласно этим данным, наиболее регулярными в словообразовательной системе вологодских говоров являются следующие семантические модели словообразовательной мутации: *Объект* ← *Объект* (10 суффиксов, 42 слова), *Место* ← *Объект* (10 суффиксов, 33 слова), *Субъект* ← *Объект* (10 суффиксов, 24 слова), *Субъект* ← *Место* (12 суффиксов, 23 слова).

Таблица 2

Частная парадигма семантических моделей словообразовательной мутации суффиксальных ИС в вологодских говорах

№ пп.	Семантические модели слово-образовательной мутации	Суффиксы	Кол- во слов
1.	Субъект ← Субъект	-ниц-(а), -^-, -ат-, -ат-(а), -ан-, -аш-, -ец-, -уш-(а), -к-(а), -ок- (10 суфф.)	11
2.	Субъект ← Объект	-ник-, -ниц-(а), -щик- /-овщик-, -ик-, -ец-, -ан-/ -ован-, -оватик-, -арь-, -ун- (10 суфф.)	24
3.	Субъект ← Место	-ник-, -ниц-, -щик-/ -овщик-, -овик-, -овиц-(а), -ец-, -цин-(а), -янк-, -анк-(а), -ин-(а), -овищ-(е), -от-(а), -арь- (12 суфф.)	23
4.	Субъект ← Время	-ник-, -щик-, -ец-, -чуг-/чук- (4 суфф.)	5
5.	Субъект ← Предикат	-ник-, -ниц-, -юн-, -ушк-(а) (4 суфф.)	5

6.	Объект ← Субъект	-ок-, -к-(а), -ин-(а), -иц-(а) (4 суфф.)	4
7.	Объект ← Объект	-ник-/ -еник-, -ниц-(а) / -ениц-(а), -чик-, -ец-, -иц-(а), -ц-(а), -ушк-(а), яг-(а) (8 суфф.)	42
8.	Объект ← Место	-ниц-(а), -к-(а), -ин-(а) / -овин-(а), -ок-, -онк-(а), -анец-, -уш-(а), -н-(я) (8 суфф.)	12
9.	Объект ← Время	-ник-, -ец-, -ин-(а), -чуг-/ -чук- (4 суфф.)	4
10.	Объект ← Предикат	иц-(а) (1 суфф.)	1
11.	Место ← Субъект	-ник-, -ниц-(а), -онк-(а) (3 суфф.)	5
12.	Место ← Объект	-ник-/ -онник-, -ниц-(а), -няк-, -к-(а), -иш-(е) / -овиц-(е), -инк-(а), -енк-(а) / ёнк-(а) (7 суфф.)	33
13.	Место ← Место	-ник-/ -яник-, -ниц-(а), -няк-, -ин-(а) / -отин-(а), -ок-, -ушк-(а) (6 суфф.)	10
14.	Место ← Время	-ник-, -ниц-(а), -няк-, -овиц-(е) (4 суфф.)	7
15.	Место ← Предикат	-	-
16.	Время ← Субъект	-	-
17.	Время ← Объект	-	-
18.	Время ← Место	-	-
19.	Время ← Время	-	-
20.	Время ← Предикат	-	-
21.	Предикат ← Субъект	-ник-	1
22.	Предикат ← Объект	-	-
23.	Предикат ← Место	-	-
24.	Предикат ← Время	-арь-, -н-(а), -инк-(а), -к-(а), -ушк-(а), -н-(я) (6 суфф.)	6
25.	Предикат ← Предикат	-	-

Менее регулярными являются такие модели: **Объект** ← **Место** (8 суффиксов, 12 слов), **Субъект** ← **Субъект** (10 суффиксов, 11 слов), **Место** ← **Место** (6 суффиксов, 10 слов).

Нерегулярные модели: **Субъект** ← **Время** (4 суффикса, 5 слов), **Субъект** ← **Предикат** (4 суффикса, 5 слов), **Объект** ← **Субъект** (4 суффикса, 4 слова), **Объект** ← **Время** (4 суффикса, 4 слова), **Объект** ← **Предикат** (1 суффикс, 1 слово), **Место** ← **Субъект** (3 суффикса, 5 слов), **Место** ← **Время** (4 суффикса, 7 слов), **Предикат** ← **Субъект** (1суффикс, 1 слово), **Предикат** ← **Время** (6 суффиксов, 6 слов).

Не встретились в исследованном материале модели: **Место** ← **Предикат**, **Время** ← **Субъект**, **Время** ← **Объект**, **Время** ← **Место**, **Время** ← **Время**, **Время** ← **Предикат**, **Предикат** ← **Объект**, **Предикат** ← **Место**, **Предикат** ← **Предикат**.

Эти данные являются приблизительными и отражают только начальный этап изучения мутационного словообразования существительных в вологодских говорах. При дальнейшем исследовании данного типа словообразования могут быть внесены корректизы, однако и сейчас явно обнаруживаются определённые закономерности.

Выявленные тенденции в сфере мутационного суффиксального словообразования отсубстантивных имён существительных обусловлены рядом факторов. Наибольший интерес представляют эволюционно-исторические и культурно-исторические факторы, которые в данной статье не рассматриваются. Отметим только, что наиболее регулярные словообразовательные модели отражают самый древний метонимический тип языкового мышления, устанавливающий межпредметные и предметно-пространственные отношения. На их основе позднее, по свидетельствам историков языка и культуры, формируются и развиваются предикатные и временные отношения, которые обнаруживаются в грамматическом и словообразовательном развитии глагола и наречия, а во внутрисубстантивном словообразовании сохраняются как реликтовые явления.

Факторы системного характера связаны с тем, что нерегулярные или вообще нереализованные в отсубстантивном словообразовании мутационные семантические модели активно воплощаются в транспозиционном отглагольном и отадъективном словообразовании существительных.

Рассматриваемые мутационные модели значительно различаются по составу суффиксов. Наибольшее количество суффиксов задействовано в семантических моделях: Субъект ← Субъект (10), Субъект ← Объект (10), Субъект ← Место (12), Объект ← Объект (8), Объект ← Место (6), Место ← Объект (7).

Наиболее функционально нагруженными являются суффиксы -ник-, -еник-, / яник- /-онник и -ениц-, которые используются в 15 семантических моделях и почти в каждой модели обнаруживают словообразовательную продуктивность. За ними следует суффикс -ец- / -анец-, который функционирует в 8 семантических моделях. В 9 моделях встречаются структурно близкие суффиксы -анк-/янк-, -енк-/ёнк-/онк-, -инк-, однако в мутационных моделях они не обладают той активностью, которая характерна для них в модификационном словообразовании. Использование одних и тех же суффиксов в разных семантических моделях пропозитивного типа приводит к **параллельному** образованию от одних и тех производящих слов словообразовательных омонимов. В практике составления диалектных словарей это явление далеко не всегда учитывается, и словообразовательная омонимия в таких случаях подаётся в них как лексическая полисемия слова.

Лексикализация семантики суффиксальных производных существительных мутационного типа также осуществляется по определённым семантическим моделям, отражающим языковую картину мира севернорусского крестьянина. Эти семантические модели требуют специального изучения. По справедливому замечанию Т. И. Вендиной, «словообразование даёт возможность подойти к описанию традицион-

ных представлений русского народа о своей земле и открывает широкие перспективы в изучении этнической психологии» [Вендина]. Кроме того, данные диалектного словообразования позволяют исследовать эволюционно-семиотические процессы в истории русского языка.

Литература

- Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.
- Воронина С. Н. Словообразовательная и семантическая структура отсубстантивных имён существительных в вологодских говорах. Дипломная работа. Научн. рук. – Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2004.
- Даль В. В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. – М., 1978.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. – М., 1967.
- Зорина Л. Ю. «Словарь вологодских говоров»: окончание приближается // Русское слово в тексте и словаре. Сб. статей / Гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2003.
- Попов И. А. Вологодский диалектологический центр в кругу других региональных центров Диалектологического атласа русского языка // Актуальные проблемы диалектологии. – Вологда, 2000.
- Словарь вологодских говоров. Вып. 1–10 / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. – Вологда, 1985–2005.
- Шаброва Е. Н. Структура непроизводных глаголов в вологодских говорах. Канд. дис. – Вологда, 1997.
- Шаброва Е. Н. Морфемика диалектного глагола / Отв. ред. проф. С. И. Богданов. – Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003.
- Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск, 1989.
- Янценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования // Актуальные вопросы региональной лингвистики в истории Сибири. – Кемерово, 1992.
- Яцкевич Л. Г. Словообразование // Морфемика и словообразование русского языка / Под ред. Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2002.
- Яцкевич Л. Г. Категориальные значения частей речи: функционально-типологическое исследование. – Вологда, 2004.
- Dokulil M. Ke koncepti porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v v oblasti "tvoření slov" // Slovo a slovesnost. – № 1962. – 2.

СЛОЖНЫЕ СЛОВА С ПЕРВОЭЛЕМЕНТОМ САМ- / САМО- В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

В современной диалектологии явления различных уровней языковой системы активно изучаются с точки зрения когнитивной лингвистики. Благодаря такому подходу язык определяется как средство познания мира, обмена результатами этого познания в определенной конкретной ситуации общения людей, а также как средство самоописания, объективации отношений между элементами языковой системы. Как правило, исследователи обращаются к лексике русских говоров, так как этот уровень языка в целом более подвижен и быстрее реагирует на различные изменения в сознании и поведении человека. Вместе с тем другие лингвистические ярусы, в том числе словообразование и морфемика, также представляют интерес для интерпретации их элементов и отношений в когнитивном аспекте. Примером тому может быть работа Т. И. Вендина [Вендина 1998], где на материале «Словаря русских народных говоров» язык рассматривается как фактор культуры, который соприкасается с различными сферами деятельности человека. Т. И. Вендина рассматривает различные группы диалектной лексики, учитывая виды мотивированности, которая создается языковой картиной мира в той или иной тематической группе. Подобный подход к анализу языкового материала представлен и в нашей работе. Материалом для наблюдений служат семантика и морфемная структура диалектных сложных слов с первоэлементом сам- / само- в «Словаре вологодских говоров».

Лексика русского языка, включающая в свой морфемный состав первоэлемент *сам-/само-*, неоднородна как с точки зрения происхождения, так и с точки зрения семантики слов в целом и элементов их морфемной структуры.

Первоэлемент *сам- / само-* относится к числу морфем переходного типа. Семантику этой морфемы подробно характеризует «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой: «Само ... Первая часть сложных слов, обозначающая: 1) направленность действия (называемого во второй части слова) на самого себя, например: *самоанализ, самоистязание, самоконтроль*; 2) совершение действия: а) непроизвольно или самостоятельно, без посторонней помощи, например: *самоброжение, самовоспламенение, самозатухание, самоуплотнение*; б) автоматически или механически, например: *самозарядный, самодвижущийся, самопишащий, самоблокировка, самонаведение, самоход*» [МАС, 1984: 16].

Наблюдения относительно семантики данного элемента в составе диалектных слов (например, в псковских говорах [Грицкевич 2000]), показывают, что для морфемной структуры слов с *сам-* / *само-* актуальны обозначение способов изготовления предмета (*самоковка* 'кося, изготовленная вручную'), характера выполнения с их помощью различных действий (*самопряха* 'прялка, имеющая колесо, которое приводится в движение ногой') и ряд других значений.

Прежде чем перейти к анализу диалектных слов с *сам-/само-* в современных вологодских говорах, обратим внимание на описание слов с данной морфемой в работах по истории русского языка, в исследованиях по современному русскому языку и русской диалектологии.

Исследований, посвященных словам с элементом *сам-/само-* в русском языке, немного. Это работы Л. Н. Рудневой, В. В. Веселитского, Ю. С. Сорокина и некоторые другие. В основном эти исследователи описывают историю происхождения таких слов. В их работах определяется, что слова с элементом *сам-/само-* появились в древнерусскую эпоху, «сложились они под влиянием соответствующих греческих слов с первой частью *auto-* и заимствований на *само-* из старославянского языка, где они были кальками. Поэтому сложные слова на *само-* фиксируются уже в древних памятниках письменности» [Руднева 1975: 1]. В. В. Веселитский пишет о том, что «большинство их служит наименованием активного действия, деятеля, состояния, лица, вещи» [Веселитский 1972: 99]: *самовещь, самовидец, самоволька, самомышление, самоподвижный, самосовершенность* и др.

В 30–60-х гг. XIX в. много новых слов с *само-* появляется также в публицистике и научной речи. «Несомненно, развитие этого класса слов находит свое объяснение и во внеязыковых обстоятельствах. Оно стоит в тесной связи с тем особым вниманием ко всякого рода языковым проявлениям духовных процессов, протекающих в отдельной личности, и к развитию активного, деятельного начала в жизни общественной» [Сорокин 1965: 300]. При этом, как отмечают исследователи, «другую значительную часть этих слов составляют русские народные образования, преимущественно с предметным значением (*самовар, самовес, самогуд, самодвиг, самокаты, самолет* («паром, ходящий на канате», также *ковер-самолет*), *самолев, самопал, самопрядка, самосадка, самострел*; ср. также *самосуд, самохвал* и некоторые другие слова народного языка с иным значением» [Сорокин 1965: 304].

Из наблюдений над историческим материалом можно сделать вывод о том, что морфема *само-* обладает большим семантическим потенциалом, ее словообразовательные функции разнообразны. Далее обратим внимание на то, как эта морфема функционирует в словах современных вологодских говоров. Картотека «Словаря вологодских

говоров» содержит 25 сложных слов с первоэлементом *сам-* / *само-* (0,4 % всех слов-композита). В основном это имена существительные (17), встречаются также наречия (4), имена прилагательные (3), глаголы (1). По семантике их можно распределить на две группы: а) слова, имеющие отношение к характеристике лица (одушевленного существа) или его действий;

б) слова, именующие неодушевленные предметы, а также такие слова, которые не имеют отношения к характеристике лица или его действий.

1. Слова с элементом *сам-* / *само-*, имеющие отношение к характеристике лица (одушевленного существа)

Большую часть сложных слов с первоэлементом *сам-* / *само-* составляют слова, называющие одушевленные предметы или дающие какую-то их характеристику (17 слов). Здесь элемент *само-* маркирует особенности поведения человека, в первую очередь его эгоистичное отношение к другим людям. Это подтверждают следующие примеры: *самозна'й* 'высокомерный человек, зазнайка' (У нас диле'хтор во'н како'й самозна'й! [СВГ, 9: 89]); *самолю'бный* 'эгоистичный' (Самолю'бный наро'д сейча'с, сам себе' то'лько. [СВГ, 9: 89]); *самобра'lка* 'эгоистка, выбирающая себе лучший кусок (неодобр.)' (Самобра'lка была', все отде'льно от му'жа е'ла. [СВГ, 9: 88]) и др. Особое замечание можно сделать по отношению к слову *самолю'бный*. В нем зачастую проявляется злое начало в человеческом характере. В большинстве случаев самолюбие побуждает человека видеть во всяком противодействии намеренно нанесенную ему обиду, а чувство обижденности постоянно тяготит его. Подобное наблюдение можно соотнести с толкованием слова «самолюбивый», которое дается в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: «Самолюбивый, ая, ое; и в. Обладающий обостренным самолюбием. Самолюбивый человек. Самолюбивый характер» [Ожегов 2004: 694].

С помощью морфемы *само-* маркируется также неодобрительная характеристика качеств некоторых животных, выполняющих, по мнению говорящего, действия самостоятельные, не соотносительные с общественной пользой: *самола'йка* 'собака, лающая попусту, пустолайка' (Э'кая самола'йка! [СВГ, 9: 89]); *самоса'dка* и *самосе'dка* 'курица, которая сама садится высиживать снесенные ею яйца' Самоса'dка ино'й раз та'йно и нано'сит. сама' ся'дет, пото'm, глишь. це'лое ста'до за ней. Лони'сь у меня' жила' самосе'dка. Дак го're с ней! [СВГ, 9: 90]).

Очень ярко в исследуемом материале при использовании первоэлемента *само-* маркируется проявление человеком личной воли, самостоятельности. *самобра'вно* без разрешения родителей' (Жени'х

посвя'тается – роди'tели и благословя't. Самобра'вно ра'ньше не было. [СВГ, 9: 88]); самово'ль 'непослушный ребенок' (Ну и внуcho'к у меня' был, самово'ль, даже дe'да не слушает. [СВГ, 9: 89]); самово'лька 'непослушный ребенок' (Ох уж э'ти ребя'tа, самово'льки каки'e, хоть чего' натворя't, самово'лька – баловно'й если. [СВГ, 9: 89]; самодра'вныи, самодра'ныи, самоздра'вныи 'капризный, своенравный, упрямый' (Уж до чего' самодра'вна, дак спа'sу некако'ва. [СВГ, 9: 89]); самоздра'вка 'непослушная, делающая все по-своему девочка, женщина' (Не будь тако'й самоздра'вкой, на'dо ведь и други'х слушаться. [СВГ, 9: 89]); самоизво'льно 'не спросясь' (Самоизво'льно за'mуж соскочи'ла. [СВГ, 9: 89]); самокру'tка 'девушка, вышедшая замуж без согласия родителей' (Я-то не самокру'tка была. Не захоте'ла она' за того' па'rня за'mуж выходи'tь, ушла' самокру'tкой к своему' люби'mому в другу'ю дере'вню. [СВГ, 9: 89]); самору'чить 'делать без разрешения' (Наш рассерди'лся, что он самору'чит. [СВГ, 9: 90]); самохo'дка 'девушка, вышедшая замуж без согласия родителей' (У нас в семье' самохo'док не было, роди'tелев почита'ли. [СВГ, 9: 91]); самохo'дкой 'самовольно, без разрешения' (Ушла' дe'ука самохo'дкой, и ма'tка с отцо'm не зна'ет. [СВГ, 9: 91]); самохo'дная 'вышедшая замуж без согласия родителей' (Я самохo'дная была', не сказа'лась не ма'tке, не отцу', сама' ушла'. [СВГ, 9: 91]) и др. В этих сложных словах первоэлемент само- маркирует отклонение от нормы социального поведения человека. В этом, как нам кажется, ярко проявляется характер русского народа, в котором доминирует идеал соборности, принцип общности, единства, коллективизма в общественной жизни, в труде. Человек, согласно этому утверждению, не должен решать что-либо самостоятельно, сообразно своей личной воле, в разрез с установленными правилами. Такое поведение во все времена могло грозить человеку гибелью. Напротив, являясь членом коллектива, группы, общины, реализуя в них свою функцию сообразно заранее установленным правилам, человек способствовал развитию общества в целом. Это могло считаться нормой, отклонения же от неё, как мы можем наблюдать, маркировались средствами различных языковых ярусов.

Когда отдельный человек, как в примерах исследуемого нами материала, противопоставляет себя всему коллективу, то он в нем уже не свой, так как быть своим в данном случае не для кого, потому что он один. Так, М. Фасмер в этимологическом словаре трактует слово сам как один, одинокий. «Сам, сама', само', са'mый, -а'я, -ое; укр. сам, сама', саме' «один, сам»; (...) болг. «сам, сама', само' «сам, одинокий» (...) словен. sa'm, sa'ma, sa'mto «одинокий» [Фасмер 1973: 551–552]. В. В. Колесов считает слова один, одинец синонимичными слову изгой. «Ты изгой, ты изгнан из жизни (корень гой- родственен корню жи- в

словах типа *жизнь*)» [Колесов 2000: 110]. Таким образом, слова *один*, *одиц*, *изгой* можно считать синонимами и к слову *сам*.

Как показывает наш материал, позитивное отношение к проявлению самостоятельности встретилось только один раз: *самоу'кой* 'самостоятельно, без руководителя' (*Самоу'кой-то научи'лась, пи'сыма пишу', чита'ю.* [СВГ, 9: 91]). В данном случае проявление своей воли, желания самостоятельно чему-либо научиться поощряется и ценится: на Руси всегда были в почете мастера-самоучки.

2. Слова с элементом *сам-* / *само-*, именующие или характеризующие неодушевленные предметы

Большинство слов второй группы именует орудия труда, используемые в крестьянском хозяйстве. Морфемная структура таких слов объективирует информацию о характере действия, совершающегося с помощью данных предметов: *самопря'дка*, *самопря'ха* 'прялка, приспособление для ручного прядения, приводимое в движение ножной педалью', *самосбо'рка*, *самосбро'ска* 'жатка' и др. Интересна история такого приспособления, как самопрялка. «Вошла она в обиход на Западе около 1480 г., но ручной вариант ее употреблялся еще древними римлянами. Исследователи отмечают, что в Россию она попала не позднее XVIII века» [Семенова 1998: 530]. Маркируется также способ изготовления предмета (*самотёс* 'окоренное с помощью топора бревно, идущее на постройку дома').

В сравнении со словами, обозначающими лиц, в данной группе первоэлемент *само-* не придает оттенка негативного отношения к явлениям, обозначенным словами с *само-*, так как с помощью его маркируется облегчение тяжелого крестьянского труда.

Таким образом, морфемная структура диалектных сложных слов с элементом *сам-* / *само-* отражает актуальное для языковой картины мира крестьянина Русского Севера представление о проявлении личной воли, свободы, не одобряемых обществом, родом, семьей. На фоне таких обозначений четко определяется круг действий, которые оцениваются положительно и не требуют специального обоснования, так как являются нормой социального поведения.

Литература

- Вендина Т. И. *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. – М., 1998.
Веселитский В. В. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века. – М., 1964.
Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX века. – М., 1972.

- Грицкевич Ю. Н. Сложные наименования орудий труда, механизмов и приспособлений в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1997. – СПб., 2000. – С. 38–40.
- Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб., 2000.
- Словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1981–1984. – Т. 4. – 1984 (МАС).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2004.
- Руднева Л. Н. Слово-морфема *само-* в современном русском языке // Ученые записки «Вопросы общего и русского языкоznания». – Кишинев, 1967. Т. 84.
- Руднева Л. Н. Из истории некоторых слов на *само-* // Русский язык в школе. – 1975 – № 2. – С. 97–98.
- Руднева Л. Н. Типология и происхождение слов на *авто-* и *само-* в русском языке // Автореф. канд. дисс. – М., 1975.
- Семенова М. Мы – славяне! – СПб., 1998.
- Словарь вологодских говоров. Вып. 1–9. – Вологда, 1983–2002 (СВГ).
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века. – М.; Л., 1965.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

И. В. Смирнова

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИНОНИМИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Явление словообразовательной синонимии (СС) слов в русском языке достаточно давно вызывает исследовательский интерес в связи с решением ряда проблем современного и исторического словообразования: определением тождества и границ слова (у О. И. Блиновой [4] и Э. Д. Головиной [6]), систематизацией словообразовательных отношений в древнерусском языке и в современных говорах у Ю. С. Азарх [2], решением вопросов нормирования языка у К. С. Горбачевича [10] и др. В ряде работ отношения словообразовательной синонимии рассматриваются на материале различных территориальных диалектов: в сводной системе русских говоров (Ю. С. Азарх [1], Л. И. Баранникова [3]), в различных группах говоров (исследования Т. А. Пецкой (на материале псковских говоров) [14], В. А. Сенкевич (на материале заводских селений Южного Урала) [16], Э. Д. Головиной (на материале говоров Кировской области) [8]), а также в системе одного говора (например, говора д. Деулино Рязанской обл. у И. А. Оссовецкого [13]). Вопросы СС в основном раскрываются на материале имен существительных. В работах диалектологов рассматриваются вопросы словообразовательной синонимии как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Наиболее существенными в практическом отношении представляются вопросы лексикографической интерпретации словообразовательных вариантов и синонимов при составлении диалектных словарей различных типов.

Исследователи под словообразовательными вариантами обычно понимают однокоренные образования, произведенные от одного слова на одной ступени производности с помощью семантически тождественных словообразовательных элементов, незначительно различающихся фонемным составом (чаще всего – составом гласных) или с помощью идентичных словообразовательных средств, но с различными морфонологическими преобразованиями, сопутствующими деривационному шагу: *давнёшний* и *давношний* ‘проживший много лет, старый’ [СВГ, 2: 4]. Такой подход находим, например, у К. С. Горбачевича. Он считает, что словообразовательная синонимия не является разновидностью вариантности. Более широкое понимание вариантов находим у Л.И. Баранниковой. Исследовательница считает, что понятия вариантности и синонимии находятся в родо-видовых отношениях: «Термин «вариант» не тождествен термину «дублет» и «синоним». Понятие «вариант» представляется более широким, включающим как случаи дублетных отношений, так и случаи синонимических отношений» [3: 34].

Э. Д. Головина в своей работе говорит о межсловной и внутрисловной вариантности. Словообразовательные синонимы исследовательница определяет как основные проявления формальной межсловной вариантности [8: 25].

Трудности разграничения синонимов и вариантов возникают при анализе разноаффиксных однокорневых слов. Так, например, А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, О. М. Соколов и др. в таких случаях говорят о словообразовательных вариантах одного и того же слова, объясняя это тем, что различие в звуковой оболочке является второстепенным (внешним) и может оказаться лишенным семантических различий. Э. Д. Головина отмечает, что трудность разграничения внутрисловных вариантов и однокоренных синонимов (как вида межсловных вариантов) имеет объективные причины – она вызвана сходством этих двух типов языковой вариантности: «Совпадение в значении однокоренных слов, сходство их внешнего облика сближают однокоренные слова с вариантами слов. Но различие их морфологической структуры, наличие словообразовательных аффиксов не дает возможности считать их вариантами слов» [8: 24].

Более узкое понимание вариантов мы находим в большинстве диалектных толковых словарей русского языка, в том числе и в «Словаре вологодских говоров». Здесь в одну словарную статью помещаются образования с общими консонантными элементами словообразовательных формантов (*злыданный*, *злыдянный* ‘злой’ [СВГ, 2: 172], в разные – с более сложными различиями *дождяной*, *дождивый*, *дождёвый* ‘дождевой’ [СВГ, 2: 35]).

Не менее важной представляется задача лингвогеографической интерпретации словообразовательных синонимов и вариантов при подготовке диалектологических карт (ЛАРНГ, ДАРЯ, ОЛА). Трудности заключаются в том, что чаще всего словообразовательная синонимия географически не маркирована, вместе с тем некоторые карты отражают лингвогеографические особенности образования слов различных тематических групп, обычно существительных (например, карты именований детёнышей, самок животных, собирательных существительных [ДАРЯ, карты № 34, 35, др.]), реже – глаголов (например, карта глаголов звучания у Ю. С. Азарх, подготовленная для ОЛА) и других частей речи.

В круг проблем изучения словообразовательной синонимии входит описание закономерностей функционирования словообразовательных синонимов на различных уровнях сводности диалектной системы (в частной диалектной системе, в системе группы говоров или наречия, в сводной системе русских говоров). Авторы определяют лексический объем синонимического ряда в каждой из перечисленных систем, характеризуют формально-семантическую дифференциацию синонимичных производных, также обращают внимание на вопрос о диалектной норме в речевом употреблении синонимов (обычно с позиции одного говора, относительно которого производятся непосредственные наблюдения (И. А. Оссовецкий [13], Т. С. Коготкова [11]); реже – с позиций сводной диалектной системы (например, у О. Д. Кузнецовой [12])). На материале вологодских говоров явления словообразовательной синонимии изучены недостаточно. Ранее они рассматривались в основном на материале имен существительных: ономастической лексики (Ю. И. Чайкина [18]), лексики со значением лица (Е. В. Шахова [19]) и др.

В нашей работе рассматриваются словообразовательные синонимы-прилагательные в современных вологодских говорах. На материале картотеки и «Словаря вологодских говоров» (выпуск с 1 по 10) мы исследуем объем синонимического ряда, формальные и семантические различия его компонентов, касаемся некоторых дискуссионных вопросов словообразовательной синонимии. Тождество словообразовательных формантов в работе устанавливается с опорой на данные нормативных грамматик русского языка (для продуктивных общерусских словообразовательных суффиксов), а также самостоятельно при анализе производных прилагательных, образованных посредством диалектных суффиксальных морфов.

Словообразовательными синонимами, вслед за К. С. Горбачевичем, мы считаем однокоренные образования одной ступени производности на основе тождественных производящих, образованные с помощью разных словообразовательных формантов (суффиксов), а к

вариантам слова относим «регулярно воспроизведимые видоизменения одного и того же слова, сохранившие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами (суффиксами и флексиями)» [10: 17].

В результате анализа производных прилагательных в картотеке «Словаря вологодских говоров» нами выявлено 22 синонимических ряда объемом от 2 до 3 слов и 14 вариантных употреблений диалектных прилагательных.

В зависимости от характера производящей основы диалектные прилагательные можно разделить на 4 группы: к первой группе относятся прилагательные, образованные от основы имени существительного, ко второй – образованные от глагольной основы, к третьей – производные от имени прилагательного, четвертая группа – это сложные слова.

При характеристике синонимических рядов мы учитывали общее словообразовательное значение, на основе которого между прилагательными устанавливаются отношения словообразовательной синонимии, состав синонимичных словообразовательных формантов, объективирующих в составе синонимических образований данное значение, сведения о диалектном или общеязыковом сближении словообразовательных формантов в составе диалектных прилагательных (данные нормативных грамматик и словообразовательных словарей русского языка).

Первая группа диалектных прилагательных с общим словообразовательным значением «признак по отношению к предмету, названному мотивирующем существительным» представлена в следующих синонимических рядах:

-н- // -ов- (ев-): *бездомный* и *бездомовый* 'не умеющий вести хозяйство, бесхозяйственный' [СВГ, 1: 27], *гладевой* и *гладной* 'одноцветный (о ткани)' [СВГ, 1: 111]; -ов- // -н-: *клетковый* и *клеточный* 'имеющий рисунок, узор в клетку, клетчатый' [СВГ, 3: 65]; *княжевый* стол 'стол, за которым во время свадьбы сидят новобрачные' [СВГ, 3: 70] и *княжный* стол 'праздничный обед на второй день свадьбы' [СВГ, 3: 71]; *непутёвый* и *непутной* 'глупый, беспонятливый' [5: 103] –ср.: *огненный* – *огневой* [Г-70: 199];

-ов- // -ан-: *дожёвый* и *дождяной* 'дождливый' [СВГ, 2: 35] –ср.: *ворсовый* – *ворсяной* [Г-70: 199];

-ист- // -н-: *памятистый* и *памятный* 'обладающий хорошей памятью' [СВГ, 7: 5]; *статистый* и *статной* 'стройный, статный' [СВГ, 10: 123] –ср.: *пройдошистый* – *пройдошный* [Г-70: 200];

-ёв- // -ящ-: *путёвый и путящий* 'вполне положительный по своим качествам, хороший' [СВГ, 8: 111–112];

-аст- // -оват-: *рябинастый* 'веснушчатый' и *рябиноватый* 'покрытый рябинами, рябой' [СВГ, 9: 78–79]. Эти словообразовательные синонимы различаются оттенками значения. Так, суффикс -аст- обраzuет прилагательные со значением «имеющий в изобилии, с излишком, чрезмерно что-либо, что обозначается производящей основой» [РГ-60: 335], суффикс -оват- – со значением «несколько похожий на кого-либо, имеющий некоторые свойства кого-нибудь, чего-нибудь, что обозначается производящей основой, обладающий чем-либо» [РГ-60: 334];

-оват- // -овит- // -лив-: *собаковатый, собаковитый и собачливы* 'невоспитанный, грубый; шустрый, озорной, шаловливый' [СВГ, 10: 64–65]. В синонимическом ряду *собаковатый, собаковитый и собачливы* 'невоспитанный, грубый; шустрый, озорной, шаловливый' [СВГ, 10: 64–65] суффикс -оват- вносит оттенок «несколько, слегка», суффиксы -овит- и -лив- – оттенок значительности степени качества. В основе образования прилагательных этого ряда лежит принцип метафорической номинации.

-оват- // -н-: *лядоватый и ляжны* 'низменный, сырой, влажный' [СВГ, 4: 62] (ср.: *ляд* 'низкое болотистое место, непригодное для пахоты' [СРНГ 17: 256]; *ляда* 'низина, впадина, заполненная водой' [СРНГ 17: 262], *ляжа* 'сырое топкое место (в лесах лил на сенокосах)' [СРНГ 17: 269], *ляга* 'лужа' [СВГ, 4: 59]. Возможно, данные прилагательные образованы от разных производящих: *лядоватый* – *ляд / ляда*, *ляжны* – *ляжа / ляга*.

Варианты

-ив- / -лив-: *очестивый и очестливый* 'скромный, добродетельный, порядочный' [СВГ, 6: 111] (ср.: *часть* 'внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть' [Даль 4: 1328]);

-ёв- / -ив-: *смолёвый и смоливый* 'смолистый' [СВГ, 10: 58] – ср.: [Г-70: 199];

-енн- / -н-: *картовенный и картовны* 'картофельный' [СВГ, 3: 40–42].

Вторую группу образуют имена прилагательные с общим словообразовательным значением «признак по отношению к действию, названному мотивирующим глаголом»:

-к- // -ов-: *едкий и едовы* 'такой, который хорошо ест, неразборчив в еде (о животном)' [СВГ, 2: 71];

-лив- // -н- / -ушн-: *завидливы*, *завидны* и *завидушны* 'завистливый' [СВГ, 2: 101 – 102];

-к- // -н-: *родкой и родной*, 'отличающийся высокой урожайностью, урожайный' [СВГ, 9: 62].

Варианты

-ат- / -ит-: *баловатый и баловитый* 'склонный к шалостям, баловству' [СВГ, 1: 20];

-лив- / -чив-: *жалливыи и жальчиый* 'отзывачивый, сострадательный; жалостливый' [СВГ, 2: 74 – 76]; *кладливыи и кладчиый* 'несущий много яиц, яйценоский (о домашней птице)' [СВГ, 3: 63] – ср.: *въедливый и въедчиый* (разг.);

-н- / -ушн-: *завидный и завидуший* 'завистливый' [СВГ, 2: 101–102];

-ельн- / -ён-: *колочельная палка и колочёная палка* 'палка с крючком или кривым концом для полоскания белья' [СВГ, 3: 91];

-ён- / -н-: *научёный и научный* 'образованный; знающий' [СВГ, 5: 82] – ср.: [Г-70: 199]; Здесь необходимо отметить различные источники образования синонимических рядов. Прилагательное *научёный* изначально образовано от переходного глагола несовершенного вида *научить* посредством суффикса –ён-, отлагольное прилагательное *научить* соотносится со страдательным причастием прошедшего времени. Диалектное прилагательное *научный* возникло в результате переосмысления значения слова *научный* литературного языка;

-льн-/тельн-: *подболокальный и подболокательный* 'нижний, носимый под юбкой' [СВГ, 7: 87] – ср.: *мерильныи – мерительныи* [Г-70: 206];

-оч- / -ощ-: *рабочий и рабощий* 'любящий и умеющий хорошо работать' [СВГ, 9: 4].

В третью группу входят прилагательные со словообразовательным значением «признак по отношению к признаку, названному мотивирующим прилагательным»:

-оват- // -овит-: *ломковатый и ломковитый*, 'легко ломающийся, хрупкий, ломкий' [СВГ, 4: 46]; *марковатый и марковитый*, 'маркий, легко пачкающийся' [СВГ, 4: 71]; *пачковатый и пачковитый*, 'легко пачкающийся, маркий' [СВГ, 7: 21]. Это полные синонимы, но различаются оттенками значения.

-ат- // -ман-: *лысатый и лысманый* 'имеющий белое пятно на лбу (о животном)' [СВГ, 4: 58];

-есеньк- / -осеньк- / -остеньк- / -естёшеньк- // -осённ-: *малесенький, малёсенький, малёстенький, малестёшенький и малосённый* 'небольшой по возрасту, малолетний' [СВГ, 4: 69–70];

-ан- // -ат-: *пеганый и пегатый* 'пестрый, разноцветный' [СВГ, 7: 22] (предположительно образовано от непроизводного прилагательного *пегий*).

Варианты

-есеньк- / -осеньк- / -остеньк- / -естёшеньк-: малесенький, малёсенький, малёстенький, малестёшенький 'небольшой по возрасту, малолетний' [СВГ, 4: 69 – 70];

-ан- // -есён-: молоданый и мододесёныи, 'молодой' [СВГ, 4: 88];

-еньк- / -неньк-: раженький и ражненький 'добротный, хорошего качества' [СВГ, 9: 5].

Четвертая группа представлена прилагательным со значением «относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения»: -н- // -ов-: односторонковый и одностороночный 'имеющий лицевую сторону и изнанку, односторонний' [СВГ, 6: 35] – ср.: ананасный – ананасовый [Г-80: 199] (от *сторона* 'одна из наружных поверхностей' [Даль 4: 554]).

Анализ свойств синонимичных и вариантов суффиксов диалектных прилагательных позволяет выявить следующие особенности.

Наиболее часто в синонимичных словообразовательных рядах имен прилагательных, как один из наиболее продуктивных общерусских суффиксов, функционирует суффикс -н-. В вологодских говорах ему синонимичны морфы -ов- (-ев-), -лив-, -овск-, -оват-, -л-, -ист-, -чив-, -еньк-. На втором месте по способности вступать в отношения синонимии выделяется суффикс -ов- (его синонимы – -н-, -к-, -оват-, -овит-), по три синонима образуются у морфов -ист- и -лив- (ср.: -ист- и -оват- (-еват-), -н-, -аст-; -лив- и -н-, -оват-, -овит-). Объем синонимического ряда других суффиксов включает менее трех морфов.

В вологодских говорах суффикс -н- вступает в синонимичные отношения с такими суффиксами, с которыми в литературном языке не образует синонимичных отношений: -к- // -н-; -еньк- // -осённ-; -ан- // -ат-; -оват- // -н-; -лив- // -н-. Кроме синонимов с -н-, в литературном языке не встречается следующих комплексов синонимичных суффиксов: -еват- (-оват-) // -ист-; -ёв- // -ящ-; -аст- // -ист; -аст- // -оват-; -оват- // -овит- // -лив-; -к- // -ов-.

Синонимические ряды прилагательных обладают рядом особенностей: имеют разные источники образования (ср.: собаковатый, собаковитый и собачливый (метафорическая мотивация), различаются способами образования: княжевый стол 'стол, за которым во время свадьбы сидят новобрачные' [СВГ, 3: 70] и княжный стол 'праздничный обед на второй день свадьбы' [СВГ, 3: 71] (слово *княжный* образовано путем вторичной суффиксации, замены суффикса -ев- на -н-). Прилагательное *научный* в вариантах *научёный* и *научный* 'образованный; знающий' возникло в результате переосмыслиния литературного значения слова *научный*.

Выделяется особая группа имен прилагательных, производящую базу которых по данным «Словаря вологодских говоров» восстановить трудно. К таким случаям относятся синонимы -н- // -лив- / -чив-: *наложенный и наложливы* 'старательный, прилежный' [СВГ, 5: 50], *необходимый и необиходливы* 'неаккуратный, неопрятный' [СВГ, 5: 98]), *прибойный и прибоячивы* 'обходительный, приветливый' [СВГ, 8: 38] –ср.: *чванный – чванливы* [Г-80: 206]; -аст- // -ист-: *разлевастый и разлёвистый* 'расширяющийся сверху (о ёмкостях, посуде)' [СВГ, 9: 17]; *односторонковый и одностороночный* 'имеющий лицевую сторону и изнанку, односторонний' [СВГ, 6: 35]. Возможно, данные синонимичные прилагательные имеют несколько мотивирующих баз.

Таким образом, отношения словообразовательной синонимии среди имен прилагательных достаточно широко представлены в вологодских говорах. Состав и структура синонимических рядов в этой системе во многом соотносятся с данными литературного языка. Вместе с тем анализ материала показал, что словообразовательная синонимия имен прилагательных в вологодских говорах имеет и диалектные особенности.

Литература

1. Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. – М., 2000.
2. Азарх Ю. С. Слово- и формообразование имен существительных. – М., 1984.
3. Баарникова Л. И. О вариантических единицах диалектных систем // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971. – С. 31–38.
4. Блиннова О. И. Русская диалектология. Лексика. Учеб. пос. – Томск: Изд. Томск. ун-та, 1984. – 133 с.
5. Богословская З. М. Явление варьирования слова в системе говора. – Томск: ТГУ, 1984.
6. Грамматика русского языка. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1970.
7. Грамматика русского языка. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.
8. Головина Э. Д. К комплексной оценке вариантов слова // Системные отношения в лексике северно-русских говоров. – Вологда, 1982. – С. 23–33.
9. Головина Э. Д. Формальная вариантическость в речи диалектного типа. – Киров: Изд. КГПИ, 1991.
10. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. – Л., 1978.
11. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. – Л., 1979.
12. Кузнецова О. Д. Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений) / Отв. ред. Ф. П. Филин. – Л.: Наука, Ленинград. отд., 1985. – 185 с.
13. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. – М.: Наука, 1982.
14. Пецкая Т. А. Синонимы и варианты слов (по материалам псковских говоров) // ЛАРНГ – СПб., 1996. – С. 123–128.
15. Рогожникова Р. П. Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. – М., 1967. – С. 151–163.
16. Сенкевич В. А. О диалектных особенностях словообразования в говорах заводских селений Южного Урала // Филологические науки. – 1971. – № 6. – С. 78–84.

17. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: В 4 т. – Т. 1. – СПб.; М., 1904.
18. Чайкина Ю. И. О параллельных синонимических рядах в лексической системе говора // Доклады VIII научно-теоретической конференции Таганрогского пединститута (секция филологических наук). Вып. 2. – Таганрог, 1966. – С. 24–30.
19. Шахова Е. В. Словообразовательные синонимы имен существительных со значением лица в вологодских говорах: Выпускная квалификационная работа. – Вологда, 2005.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Редактор – Т. И. Ковалева
Оригинал-макет – О. М. Ванчугова

Подписано к печати 03. 07. 2006 г. Формат 60x84¹/₁₆. Печать – ризограф.
Бумага писчая. Уч.-изд. л. 13,8. Усл. печ. л. 11,6. Тираж 100 экз.

160035, Вологда, С. Орлова, 6. ВГПУ, издательство «Русь».

